

Сергей Шиндин

**«Печальную повесть сотворив...»: К выходу в свет
«Мандельштамовской энциклопедии». Статья первая: А – Д***

Из союза ума и фурий родился ублюдок, одинаково чуждый
и высокому рационализму энциклопедии, и античному неистовству
революционной бури.

О. Мандельштам. «Девятнадцатый век»¹

Вместо предисловия

В 2008 году, в период *sturm und drang* «Мандельштамовской энциклопедии» (далее – МЭ), ее главный редактор писал о подобного рода проектах, посвященных личности и творчеству одного литератора: «Персональные энциклопедии – это издания

---

* Мандельштамовская энциклопедия: В 2 т. Т. 1 / Гл. ред. П.М. Нерлер, О.А. Лекманов. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. 574 с., илл.

¹ Во избежание возможных недоразумений автор считает необходимым напомнить носителям современного русского языка, что вызывающая негативные эмоции лексема, присутствующая в эпитафии, в художественном мире Мандельштама (далее – ОМ) имела и иные семантические коннотации; см.: *Успенский Ф.Б.* Из наблюдений над (не)поэтической лексикой: *Ублюдок* в переложении со старофранцузского «Сыновья Аймона» // *Успенский Ф.Б.* Работы о языке и поэтике Осипа Мандельштама: «Соподчиненность порыва и текста». – М.: Фонд развития фундаментальных лингвистических исследований, 2014. – Чтобы предотвратить еще одно, уже «внетекстовое» недоразумение, необходимо объяснить читателям некоторые специфические обстоятельства, присутствовавшие во время формирования рецензируемого издания. Пишущий эти строки, первоначально принимавший участие в работе над отдельными статьями, а затем ставший одним из научных редакторов энциклопедии и вошедший в состав ее редакционной коллегии, с определенного момента был категорически не согласен с тем, как строилась и осуществлялась реализация проекта. Осенью 2015 года он посчитал необходимым сложить с себя функции автора и участника редакционной коллегии, но выразил готовность сохранить свой статус научного редактора. Никакой реакции на это не последовало, и тексты его статей в вариантах самых разных лет были включены в состав издания, но так как ни один из них не может считаться завершенным, полноценным в научном отношении, большинство опубликованных материалов несет в себе целый ряд серьезных недостатков, главные из которых касаются их фактографического и библиографического наполнения. Кроме того, в силу сложившихся подобным образом обстоятельств автор не считает себя ответственным ни за «словарный» состав энциклопедии, ни за качество образующих ее статей, поскольку в 2016–2017 годах не принимал участия в заключительном этапе подготовки этого издания к выходу в свет, в том числе и в качестве редактора входящих в него материалов. Таким образом, потенциальный читатель этих строк сталкивается с уникальным, наверное, для истории мирового литературоведения случаем, когда рецензентом вышедшей в свет книги выступает один из ее авторов и редакторов. С учетом предполагаемого объема этого индивидуального критического отзыва на «Мандельштамовскую энциклопедию» решительность «Toronto Slavic Quarterly» в данной ситуации видится достойной занесения в «Guinness World Records» («The Guinness Book of Records»).

энциклопедического жанра, целиком посвященные биографии и творчеству одного лица – поэта, писателя или ученого. Являясь результатом мобилизации коллективных или индивидуальных исследовательских усилий, они, как правило, подводят итог определенному этапу изучения творческой деятельности этого лица. Особую ценность такого рода энциклопедии приобретают в сочетании с полным изданием сочинений исследуемого автора, так как сами тексты в статьях не приводятся². Таким образом, изначально задавалась та система формальных и содержательных координат, в которой должна была осуществляться деятельность редакционной коллегии, группы научных редакторов и широкого коллектива авторов. Явным ориентиром в работе называлась «Лермонтовская энциклопедия», а неофициально периодически упоминались легендарные «Мифы народов мира» – не в качестве прямой типологической параллели, а, скорее, как недостижимый идеал³.

В работе над материалами МЭ совершенно отчетливо прослеживаются два возможных сегодня в аналогичных проектах методологических подхода, отражающих не просто противоположные, а альтернативные, взаимоисключающие друг друга «энциклопедические» позиции. С одной стороны, нетрудно заметить, что ряд авторов в своих статьях стремится обойтись минимальными затратами, касающимися биографического, фактографического, историко-литературного и собственно исследовательского наполнения текстов. Трудно сказать, осознает ли большинство из них то обстоятельство, что вольно или невольно они становятся сторонниками максималистской и негативной в своей мировоззренческой основе точки зрения Жана Бодрийера, считающего, что мир, в котором появляется все больше информации,

---

² *Нерлер П.* От замысла и словника – до алфавитного корпуса: из статей, написанных для Мандельштамовской энциклопедии // Вопросы литературы. 2008. № 6. С. 190. В этой же заметке (с. 199), которая предваряет публикацию «Мандельштамовская энциклопедия», состоящую из 10 первоначальных вариантов будущих статей, подробно изложена предыстория проекта, указаны его основные тематические координаты, отражено текущее состояние дел и, главное, определена хронологическая граница: «Редколлегия рассчитывает закончить работу над рукописью Мандельштамовской энциклопедии в 2009 году». Позднее публикация была воспроизведена в сборнике статей автора и главной движущей силы проекта: *Нерлер П.* От замысла до «сплошняка»: на пути к «Мандельштамовской энциклопедии» // *Нерлер П.* Con amore: Этюды о Мандельштаме. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. Как нетрудно догадаться, о сроках выхода запланированного издания в свет речь уже не шла, но публикация завершалась оптимистически; «Пора и на финишную прямую!».

³ В статье «Энциклопедии персональные» в МЭ (появление которой в данном издании столь же труднообъяснимо, как и статьи «Энциклопедии и словари литературные»; место их там видится, конечно, только в статусе составной части предисловия) П.М. Нерлер констатирует: «Непревзойденной в отечественной и одной из лучших в мировой энциклопедистике по праву считается “Лермонтовская энциклопедия” <...>, подготовленная в ИРЛИ (Пушкинском Доме) и выпущенная в издательстве “Советская энциклопедия” в 1981 году тиражом 150 тысяч экземпляров» (с. 562, стб. 2).

содержит все меньше смысла⁴. С другой стороны, также вольно или невольно этой тенденции пытаются противостоять немногочисленные, увы, сторонники «энциклопедического универсализма», полагающие, очевидно, что именно в эпоху информационного перенасыщения в подобного рода проектах необходимо стремиться учесть все значимые контексты. Соответственно, не будет упрощением утверждение о том, что первая методологическая модель совершенно явно предназначена для самой широкой читательской аудитории, тогда как вторая ориентирована на более узкий круг специалистов – как причастных современному мандельштамоведению, так и тех литературоведов, культурологов и искусствоведов, для кого творчество О.М. выступает в «периферийной» функции вспомогательного или иллюстративного материала собственных исследований. Но в любом случае очевидно, что второй способ описания, безусловно, представляется более оправданным и рациональным, поскольку «добирать» необходимую научную информацию постфактум многократно сложнее, чем самостоятельно извлекать ее из изначально имеющихся в наличии опубликованных материалов.

Решающей в такой ситуации, безусловно, является позиция издательства и редакционной коллегии, если та следует именно принципу совместного, коллективного руководства осуществляемым проектом. В данном случае «Политическая энциклопедия (РОССПЭН)», опираясь на свой самый разносторонний профессиональный опыт, повела себя безукоризненно: для работы были предоставлены как четко оговоренные формальные и содержательные требования к будущим статьям, так и необходимый набор методических и иных материалов⁵. Обсуждалось ли они всеми участниками редакционной коллегии и оговаривалось ли при этом неизбежное многообразие авторских подходов к будущим статьям (по меньшей мере, очевидная методологическая двойственность таковых) и выработывалась ли будущая стратегия приближения к унификации формальных и содержательных признаков этих текстов, их

---

⁴ И по методологии, и по конечному результату близок такой позиции представленный в издании подход, совершенно явно ориентированный на традиционное комментирование, затрагивающее биографическую, историко-литературную и текстологическую сферы; чаще всего это касается материалов частного, локального характера. Менее уместной кажется присутствующая в ряде статей краеведческая тональность, относящаяся, как правило, к провинциальным персонажам и объектам описания и обладающая труднопреодолимым научно-популярным, откровенно публицистическим звучанием.

⁵ Кроме того, высокопрофессиональный представитель издательства, долгое время сопровождавший работу над проектом в самых разных направлениях (И.С. Ряховская), был «инкорпорирован» в состав редакционной коллегии, что облегчало для него взаимодействие с научными редакторами и авторами и делало его более оперативным и эффективным.

определенной стандартизации, автору неизвестно, но, судя по всему, эта тема за все время подготовки энциклопедии актуальной так и не стала.

Логическим следствием подобных обстоятельств явилось то, что в представленных в издании материалах присутствуют оба взаимоисключающих друг друга подхода, из чего совершенно закономерно проистекает неизбежное продолжение, а именно те два «структурно-семантических» направления, по которым будет строиться критическое освоение МЭ и мандельштамоведов, и их заинтересованными коллегами-филологами, и самой широкой научной аудиторией, и искушенными читателями. Главным упреком в адрес «минималистов», несомненно, станет именно неполнота представленных ими сведений, касающихся самых разных, часто – далеко не второстепенных аспектов биографии и творчества О.М., и библиографии вопроса. Такая оценка окажется более чем справедлива, поскольку читатель, который целенаправленно обращается к энциклопедическому изданию, претендующему на статус академического, вправе надеяться получить от него не только хрестоматийный набор широко известных контекстов, но и новые, в том числе исследовательские данные. В противоположность этому, сторонникам «энциклопедизма», казалось бы, следовало ожидать нареканий в адрес избыточной информативности публикуемых материалов, но, думается, ориентация на известный универсализм изложения может парадоксальным образом спровоцировать у внимательного читателя ощущение недостаточности именно ввиду явного стремления некоторых участников издания к исключительной полноте описания. Вряд ли у кого-то вызовет сомнение тот факт, что отражение под одной обложкой всех актуальных биографических и историко-литературных сведений, относящихся к такому автору (реальной личности, герою мемуарного повествования, объекту исследования, явлению мировой культуры) как О.М., совершенно недостижимо. Именно такими обстоятельствами редакторы-составители окончательного варианта МЭ, именуемого теперь первым изданием, возможно, объяснят любые ее недостатки, что, тем не менее, никак не может скрыть и оправдать не только субъективного, но и объективного происхождения таковых.

При реализации любого методологического подхода, разумеется, не остаются безнаказанными случаи авторской небрежности, неаккуратности, неточностей и ошибок; о проявлении в таких ситуациях научного непрофессионализма речь даже не идет. А потому в состоявшемся проекте невозможно мотивированно, логически объяснить ни состав энциклопедии, ни многие весьма специфические нововведения в ее организации и техническом оформлении – от частных, локальных примеров до тех, что распространяются на все издание. К самому глубокому сожалению, практически на

всех этапах читательского освоения МЭ именно такие негативные черты будут выступать в качестве ее главных «характерологических признаков». Не могут не обратить на себя внимание эклектичность и бессистемность представленных материалов, нередкое их несоответствие даже не слишком строгим научным критериям, отсутствие разумно организованного и последовательно реализуемого способа их подачи, абсолютно непродуманный (точнее сказать – полностью отсутствующий) вспомогательный аппарат... При этом создается впечатление, что отдельные авторы МЭ пишут в своих статьях не столько, сколько «надо» (то есть определяя объем представляемого материала степенью его научной актуальности), а сколько «могут» и «хотят». Вследствие этого с глубоким сожалением приходится констатировать, что данный двухтомник, похоже, важнее оказалось издать, чем написать и составить, прием совершенно не думая ни о его читателях, ни о степени и качестве отражения в нем непростой биографии поэта и его удивительного творческого наследия⁶. Но эти недостатки уже полностью относятся к сфере ответственности редакционной коллегии⁷.

---

⁶ Именно такого рода упреки содержит первый из появившихся в откликов на выход МЭ: *Кацис Л.* Осип Мандельштам в инвалидном лагере «Мандельштамовской энциклопедии» // ИА «Regnum». 3.1.2018 (URL: <https://regnum.ru/news/cultura/2364505.html>). И именно в силу данных причин нижеследующие заметки носят откровенно вспомогательный или критический характер, из-за чего у читателя может сложиться неверное впечатление об одностороннем, предвзятом взгляде «рецензента» на комментируемое им издание. Действительно, за пределами описания остается значительное количество добросовестных в научном и аккуратных в стилистическом, «художественном» отношении статей, интересных (а нередко совершенно новых) фактов, библиографических источников, архивных материалов и мн. др., но происходит это лишь потому, что они, как правило, очевидны, тогда как незначительные оплошности и серьезные ошибки могут избежать читательского внимания.

⁷ В этой связи приходится обратить внимание еще на одно деликатное обстоятельство: в окончательном виде редколлегия рецензируемого издания необыкновенно выросла по сравнению с ее первоначальным составом, и трудно сказать, что это произошло вследствие включения в нее тех, кто принял активное участие в подготовке МЭ и реальной работе над ней; то же самое с грустью приходится констатировать и для коллектива научных редакторов издания. Имена тех, кто входил в состав редакционной коллегии, на практике осуществлявшей реализацию начального этапа проекта, указаны в упоминавшейся публикации 2008 года, последовавшей после формирования первого допечатного варианта МЭ: *Нерлер П.* От замысла и словника – до алфавитного корпуса: из статей, написанных для Мандельштамовской энциклопедии. С 196. Именно тогда, во время подготовки первого допечатного варианта, можно было оптимистически и легкомысленно надеяться на то, что работа будет представлять собой «долгий и многоступенчатый процесс: автор присылает свой текст научному редактору, тот тщательно редактирует его (иногда настолько тщательно и скрупулезно, что в конечном счете по справедливости и по обоюдному согласию становится его соавтором), возвращает текст автору на доработку, тот дорабатывает и шлет его назад. В очень редких случаях (когда автор и куратор по каким-либо причинам не могут договориться) привлекается опыт еще одного сотрудника редколлегии или главного редактора, после чего куратор пересылает согласованную редакцию диспетчеру проекта. Диспетчер регистрирует все присланные тексты и пересылает их издательскому редактору. У того, конечно, возникают свои вопросы, скорее технические; чаще всего он снимает их сам, но иногда редактору приходится еще раз обращаться к автору» (*Нерлер П.* На пути к Мандельштамовской энциклопедии // О.Э. Мандельштам, его предшественники и современники: Сборник материалов к Мандельштамовской энциклопедии. –

Вместо эпилога

Пассаж, с которого началось данное вступление, завершается утверждением: «Особую ценность такого рода энциклопедии приобретают в сочетании с полным изданием сочинений исследуемого автора, так как сами тексты в статьях не приводятся»⁸. Неужели предстоит такое, построенное по аналогии с беспристрастно, но по возможности честно рассматриваемым далее печальным редакционно-издательским опытом?

Вместо эпитафии

Открывающее первый том энциклопедии краткое «вступительное слово» П.М. Нерлер завершает следующим пассажем: «Сложность и масштабность самого проекта, некоторая эволюция его замысла и, соответственно, увеличение словника, а также смерть двух первых главных редакторов – С.С. Аверинцева и М.Л. Гаспарова – задержали эту, и без того непростую, работу. На заключительном этапе возникла еще и проблема превышения запланированного объема МЭ. Все остающиеся упущения и лакуны планируется ликвидировать при подготовке переиздания или электронной версии МЭ» (с. 4, стб. 2). Утверждение о появлении проблем, связанных с объемом издания, на которые теперь списывается его неполнота, представляется довольно странным, поскольку на промежуточном этапе работы именно ее масштабность явно оценивалась как главный положительный результат: «Общее количество словарных статей в энциклопедии превосходит 1 500, а ее общий объем – 150 листов»⁹. Вряд ли будет выглядеть ошибочным предположение о том, что для предупреждения негативных последствий перенасыщения энциклопедии авторскими материалами существовало два пути, не столь радикальных, как бессистемное внесение во многом произвольных сокращений. Во-первых, освобождению значительного книжного пространства способствовало бы безусловное соблюдение всеми без исключения авторами установленных границ написания текста в зависимости от его тематической

М.: РГГУ, 2007. С. 12). Как все происходило на практике догадаться, увы, несложно...

⁸ Нерлер П. От замысла и словника – до алфавитного корпуса: из статей, написанных для Мандельштамовской энциклопедии. С. 199. Здесь приходится добавить, что в статьях иногда не приводятся даже названия тех мандельштамовских текстов, из которых заимствуются цитаты.

⁹ Нерлер П. От замысла до «сплошняка»: на пути к «Мандельштамовской энциклопедии». С. 39.

принадлежности. Во-вторых, если быть совсем откровенным, в сложившейся ситуации не кажется актуальным предложенное составителями наполнение второго тома энциклопедии: вряд ли невосполнимой утратой для профессионального филолога и потерей, ощутимой простым читателем, стал бы факт исключения из его состава многостраничных приложений «О.Э. Мандельштам. Метрический справочник» (В.А. Плунгян, Д.В. Сичинава), «О.Э. Мандельштам. Нотография» (П.М. Нерлер, А.Д. Дунаевский) и «О.Э. Мандельштам. Переводы на иностранные языки и рецепция за рубежом» (коллектив авторов)¹⁰. В любом случае приходится констатировать, что первоначальный вариант МЭ не только не оставляет ощущения своей предполагавшейся в начале работы над ней «монументальности», но выглядит как бессистемный набор наудачу выбранных материалов, нередко не просто далеких от совершенства, но явно тяготеющих к поверхностности, отсутствию авторской заинтересованности и полной несостоятельности своего появления в традиции изучения биографии и творчества одного из самых выдающихся литераторов XX века.

Если в приведенной цитате о втором издании говорится с очевидной осторожностью, то в последовавших после выхода МЭ из печати публикациях подобный предположительный тон сменился на откровенно утвердительный. Менее всего хотелось бы заранее предрекать неудачу продолжению этого проекта, но невозможность его успешной реализации представляется более чем вероятной в силу как субъективных, так и объективных причин. С одной стороны, нельзя упускать из виду тот факт, что целый ряд авторов вследствие не проявленной в полной мере редакционной коллегией добросовестности откажется от продолжения дальнейшего сотрудничества; при этом среди них могут оказаться и авторы еще неопубликованных статей¹¹. С другой стороны, любое распространение информации в современном мире строится по своим собственным, строго очерченным законам, одним из которых можно считать тот, что «сообщение», как правило, исчерпывает себя фактом своего появления, и его дальнейшее пребывание в информационном пространстве возможно только в

---

¹⁰ Строго говоря, необходимо обратить внимание на следующее обстоятельство: оба тома МЭ составляют чуть более 1 000 страниц, что для энциклопедического издания не кажется чрезмерным и, тем более, неоправданно завышенным объемом. В качестве примера можно привести первое академическое издание ахматовской «Поэмы без Героя» («Я не такой тебя когда-то знала...». Анна Ахматова. Поэма без Героя. Проза о Поэме. Наброски либретто: материалы к творческой истории / Изд. подг. И.Г. Крайнева, под ред. И.Г. Крайневой, О.Д. Филатовой. – СПб.: Издательский дом «Мирь», 2009), достигающее 1500 страниц. Еще монументальнее в этом отношении выглядит неоднократно цитируемое в данном тексте «полное собрание сочинений» Н.Я. Мандельштам, едва не достигающее 2000 страниц.

¹¹ Данное предположение находит свое неофициальное подтверждение в сетевых ресурсах; см., напр.: <https://www.facebook.com/elena.kuranda/posts/1416421671819137>.

качестве составного элемента продолжающегося диалога. Трудно предположить, что даже не вся читательская аудитория, а ее самая активная часть повторно обратится к переизданию МЭ, не имея на то осознанной и ярко выраженной профессиональной или личной мотивации. Со стороны читателя такого рода интерес вполне реален в тех случаях, когда издания разделяет значительный отрезок времени, и более позднее из них оказывается наполненным новыми материалами самой разной направленности. В ситуации с МЭ говорить об этом вряд ли возможно, если только работа над новым вариантом не займет столько же времени, сколько было потрачено на первоначальный¹². Вместе с тем, дополнительная опасность для читательской аудитории состоит в том, что основой «второго издания» могут послужить те материалы, которые уже имелись в распоряжении редакционной коллегии и не слишком преумножились после формирования первого варианта МЭ в 2008 году¹³.

Комментарии общего характера

Мотивированным основанием для оценки любого энциклопедического труда того типа, к которому принадлежит МЭ, является его состав, отражающий тематическую организацию и содержательное наполнение издания, и, одновременно, формы и способы подачи этого материала. Иначе говоря, главными внешними характеристиками энциклопедии выступают, пользуясь традиционной литературоведческой терминологией, ее формальный и содержательный уровни, в отличие от словарей определяемые не объективными факторами, а позицией

---

¹² Собственно говоря, формирование вокруг МЭ тематически разнонаправленного негативного авторского и читательского ореола способно выступить дополнительной мотивацией отказа ее участников от дальнейшей работы над проектом.

¹³ Тогда автору этих строк довелось редактировать значительную часть материалов «первой буквицы», что он продолжал делать постоянно до 2016 года (времени, когда контакты с редколлекцией окончательно приняли одностороннюю форму и происходили только по ее инициативе), но никакой известной ему реакции от участников данного начинания, за исключением 5–7 авторов, не последовало. Если признаться откровенно, сопоставление исходных материалов с вышедшими из печати вынуждает предположить, что абсолютное большинство отредактированных статей первоначального варианта МЭ по неизвестной причине их авторы не увидели. В противном случае объяснить многочисленные факты присутствия в текстах всего спектра отмечавшихся в 2008–2015 годах недочетов – от частных технических погрешностей до грубейших ошибок – просто невозможно. А потому неудивительно, что абсолютное большинство представленных в опубликованном виде статей так и осталось в своих первоначальных редакциях до 2008 года, некоторые из которых, к сожалению, отличались не просто неаккуратностью и поверхностностью, но и явной научной несостоятельностью. И здесь возможен уже совершенно противоположный вариант развития событий вокруг «второго издания» МЭ, при котором авторы, напротив, поспешат принять участие в этом начинании, стремясь хотя бы отчасти снизить негативный эффект от первоначальных вариантов своих материалов.

редакционной коллегии. Первоначальный список статей будущей МЭ, именованный «словником», был составлен заранее и, казалось, включал в себя все основные содержательные единицы, распространяющиеся на биографию и творчество О.М.¹⁴ Но, как стало ясно в дальнейшем, этот вариант оказался далеко не исчерпывающим, причем лакуны распространялись не только на второстепенные биографические и историко-культурные составляющие и периферийные персонажи, но и на самые актуальные из них. Неизбежное в такой ситуации пополнение «словника» (или попытки такового) происходило и эпизодически, за счет поступающих от участников проекта предложений о включении в него тех или иных персоналий, что, однако, учитывалось редакционной коллегией далеко не всегда¹⁵. Если к этим во многом субъективным обстоятельствам добавить тот факт, что некоторые из предполагавшихся в энциклопедии публикаций так и не нашли своих авторов, понятным становится отсутствие в ней статей о Михаиле Кузмине и Бенедикте Лившице, Василии Розанове и Алексее Ремизове, Евгении Замятине и Борисе Пильняке... как и о многих других достойных внимания персонажах.

Главной «повествовательной» неожиданностью, которая неизбежно повергнет каждого читателя МЭ в замешательство, органично переходящее в полное недоумение, несомненно явится едва ли не повсеместное отсутствие в статьях библиографических ссылок не только на используемые (в том числе и цитируемые) источники (sic!), но и на тексты самого О.М. (sic!!!). Вот как, например, выглядит в опубликованном виде преамбула открывающей первый том заметки «Абрассас» (автор – С.Г. Шиндин): «литературный альманах, выходил в 1922–1923 в Петрограде (вып. 1–3). В редколлегию входили М.А. Кузмин, А.Д. Радлова и О.Д. Тизенгаузен. “Абрассас” должен был стать печатным органом эмоционалистов – литературной группы, основоположником которой выступил Кузмин. В “Абрассасе” публиковались произведения самых известных авторов этого времени – А.А. Ахматовой, Б.Л. Пастернака, В. Хлебникова, а также К.К. Вагинова, С.Э. Радлова, Ю. Юркуна и др.» (с. 63, стб. 1). А вот какова она была в окончательной авторской редакции: «литературный альманах, выходил в 1922–1923 в Петрограде (вып. 1–3). В редколлегию входили М.А. Кузмин, А.Д. Радлова и О.Д. Тизенгаузен. “Абрассас” должен был стать печатным органом эмоционалистов – литературной группы, основоположником которой

---

¹⁴ См.: Словник (по состоянию на 31.12.2004) // О.Э. Мандельштам, его предшественники и современники: Сборник материалов к Мандельштамовской энциклопедии. – М.: РГГУ, 2007. С. 15–21.

¹⁵ Не был полностью или хотя бы в заметной своей части реализован и предложенный автором этих строк более обстоятельный список дополнений, формировавшийся в течение всего времени работы над проектом (см. первое приложение к данной публикации).

выступил Кузмин; см.: *Никольская Т.* Эмоционалисты // *Russian Literature*. 1986. Vol. XX. № 1. В “Абраксасе” публиковались произведения самых известных авторов этого времени – А.А. Ахматовой, Б.Л. Пастернака, В. Хлебникова, а также К.К. Вагинова, С.Э. Радлова, Ю. Юркуна и др.; см.: *Тимофеев А.Г.* Вокруг альманаха “Абраккас” (Из материалов к истории издания) // *Русская литература*. 1997. № 4»¹⁶.

А вот как видоизменился «теоретический» фрагмент публикации «**Анаграмма**» (С.Г. Шиндин) – от исходного авторского варианта: «Основоположником концепции анаграммы считается Ф. де Соссюр, который в своих неопубликованных при жизни записях начала 20 века впервые высказал предположение о возможности присутствия в архаических текстах анаграмматических структур, отражающих сакральные имена и понятия (русский перевод: *Соссюр Ф. де.* Отрывки из тетрадей Ф. де Соссюра, содержащих записи об анаграммах // *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. М., 1977). Теоретическое развитие взгляды Соссюра получили у целого ряда современных исследователей (прежде всего – Ж. Старобинского; см.: *Starobinski J.* Les mots sous les mots: Les anagrammes de Ferdinand de Saussure. Paris, 1971), в том числе и отечественных (см.: *Иванов Вяч.Вс.* Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976. С. 251–267)», – к оставшемуся после «соавторства» редакционной коллегии: «Основоположником концепции анаграммы считается Ф. де Соссюр, который в своих неопубликованных при жизни записях начала 20 века впервые высказал предположение о возможности присутствия в архаических текстах анаграмматических структур, отражающих сакральные имена и понятия. Теоретическое развитие взгляды Соссюра получили у целого ряда современных исследователей (прежде всего – Ж. Старобинского), в том числе и отечественных (Иванов Вяч.Вс.)» (с. 73, стб. 1). Никак нельзя предположить, что любой читатель МЭ без труда «атрибутирует» те издания, о

---

¹⁶ В данной публикации при цитации традиционные для «энциклопедического стиля» сокращенные формы написания заменены на общеупотребительные, а библиографические ссылки приводятся в соответствии с принятыми в настоящее время стандартами. Все цитаты из произведений О.М. даны в тексте курсивом с указанием тома и страницы по использованному в МЭ изданию: *Мандельштам О.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1: Стихи и проза. 1906–1921 / Сост. П. Нерлер, А. Никитаев. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993; Т. 2: Стихи и проза. 1921–1929 / Сост. П. Нерлер, А. Никитаев. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993; Т. 3: Стихи и проза. 1930–1937 / Сост. П. Нерлер, А. Никитаев. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1994; Т. 4: Письма / Сост. П. Нерлер, А. Никитаев, Ю. Фрейдин, С. Василенко. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1997. – В большинстве описаний, требующих конкретных примеров, автор опирается на собственный опыт, поскольку именно в такой ситуации имеет возможность говорить о полной обоснованности своих предположений и утверждений. Вместе с тем, участие автора в подготовке и осуществлении этого проекта практически с самого начала, 2002 года, до осени 2015 неизбежно требует некоторых уточнений и комментариев, проистекающих из его редакторской практикой.

которых идет речь в редакционном варианте текста и ссылки на которые легко были исключены из этой статьи также, как и из абсолютного большинства остальных¹⁷.

Другой произвольный пример, в котором автор выступает еще и невольным плагиатором, содержит статья «**Кузьмина-Караваяева Е.Ю.**» (С.Г. Шиндин)¹⁸: «О.М., безусловно, был близко знаком с Кузьминой-Караваяевой по “Цеху поэтов”; наиболее интенсивное их общение пришлось на зиму 1911–1912 годов. Так, 10.12.1911 оба принимали участие в происходившем в ресторане “Вена” хорошо известном эпизоде шуточного коллективного избрания Блока “королем русских поэтов”. 28.12.1912 О.М., очевидно, присутствовал на “заседании” “Цеха поэтов”, когда, судя по письму М.Л. Лозинского С. Граалю-Арельскому, состоялось “полуцеховое собрание в честь приехавшей в ПБ <Петербург. – С.Ш.> на праздники Е.Ю. Кузьминой-Караваяевой» (РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 761. Л. 3). Именно на нем было сочинено знаменитое шуточное стихотворение “По пятницам в «Гиперборее»...” (где в ироническом контексте упомянут и О.М.), а перед этим – обращенное к Кузьминой-Караваяевой “Они сидели в полутьме...”. В этот же период оба регулярно посещали Поэтическую Академию (“Академию стиха”), заседания которой проходили на “Башне” Вяч.И. Иванова» (с. 301–302). А вот как выглядел текст в последнем поступившем в распоряжение редакционной коллегии авторском варианте: ««О.М., безусловно, был близко знаком с Кузьминой-Караваяевой по “Цеху поэтов”; наиболее интенсивное их общение пришлось на зиму 1911–1912 годов. Так, 10.12.1911 оба принимали участие в происходившем в ресторане “Вена” хорошо известном эпизоде шуточного коллективного избрания Блока “королем русских поэтов” (см.: *Тименчик Р. Комментарии // Пяст Вл. Встречи / Вступит. ст., подгот. текста и коммент. Р. Тименчика. – М.: Новое литературное обозрение, 1997. С. 365*). 28.12.1912 О.М., очевидно, присутствовал на “заседании” “Цеха поэтов”, когда, судя по письму М.Л. Лозинского С. Граалю-Арельскому, состоялось “полуцеховое собрание в честь приехавшей в ПБ <Петербург. – С.Ш.> на праздники Е.Ю. Кузьминой-Караваяевой» [РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 761. Л. 3; цит. по: «Транхопс» и около (по архиву М.Л. Лозинского). Часть III / Публ. И. В. Платоновой-Лозинской, сопроводит. текст, подгот.

---

¹⁷ Поскольку в издание попал не завершённый окончательно текст, в библиографии к нему не оказалась публикация: *Левинтон Г.А.* Статьи из энциклопедии [Анаграмма] // Труды факультета этнологии Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2001. Вып. 1. С. 258.

¹⁸ Алфавитный принцип комментирования составляющих энциклопедию публикаций, первоначально предполагавшийся для организации настоящих заметок, выдержать, к сожалению, не удалось, поскольку для большей наглядности некоторых специфических черт определенного рода материалов нередко приходится обращаться к тем из них, что выходят за границы «литер», вынесенных в заглавие подпунктов.

и примеч. А.Г. Меца // *Toronto Slavic Quarterly*. 2012. № 41. С. 129]. Именно на нем было сочинено знаменитое шуточное стихотворение “По пятницам в «Гиперборее»...” (где в ироническом контексте упомянут и О.М.), а перед этим – обращенное к Кузьминой-Караваевой “Они сидели в полутьме...” (см.: Там же. С. 130–132). В этот же период оба регулярно посещали Поэтическую Академию (“Академию стиха”), заседания которой проходили на “Башне” Вяч.И. Иванова» (см.: *Гаспаров М.Л. Лекции Вяч. Иванова о стихе в Поэтической Академии 1909 г. // Новое литературное обозрение*. 1994. № 10)». В такой ситуации очевиден тот факт, что многократные случаи удаления редактором указаний на источники цитируемых архивных – и не только – материалов неизбежно воспринимаются как попытки автора присвоить себе находки других коллег.

Подобный способ «ограниченного» оформления цитат и ссылок может создавать типологически близкие двусмысленные ситуации. Например, заключительная часть заметки «**Милашевский В.А.**» (С.Г. Шиндин) открывается словами: «Существуют три графических портрета О. М. работы Милашевского. Два из них сделаны летом 1932 в Доме отдыха писателей в Голицыно, традиционно они именуются “Раввин из Толедо” и “Верблюдик” (картон, тушь, спичка). По предположению современного исследователя, третий из портретов О.М. (картон, карандаш, тушь, спичка) является более поздней авторской копией (В. Добромиров)» (с. 342, стб.1). В приведенной цитате в скобки заключены не имя или псевдоним художника, как с большой степенью вероятности может показаться читателям, а указание на автора-искусствоведа, высказавшего приведенную в процитированном фрагменте точку зрения. Первоначально текст выглядел следующим образом: «По предположению современного исследователя, третий из портретов О.М. (картон, карандаш, тушь, спичка) является более поздней авторской копией» (см.: Добромиров. С. 89–90), – то есть содержал прямую отсылку к включенной в пристатейный список литературы публикации: *Добромиров В.Д. «Верблюдик» и его авторское повторение: Портрет О. Мандельштама в собрании Воронежского художественного музея им. И. Н. Крамского // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания*. Вып. 2. – Воронеж, 1994.

Зеркальный по отношению к «минималистскому» механизм «библиографического смыслообразования» представлен в статье «**Каммерер П.**» (С.Г. Шиндин, П.М. Нерлер), где в список литературы из текста были перенесены позиции, никакого отношения к воспоминаниям об О.М. или к изучению его творчества, как предполагает данный раздел, не имеющие: «Лит.: *Луначарский А.В. Как возник сценарий «Саламандра» // Советский экран*. 1929. № 1; *Гусейнов Г.Ч. Протей // Мифы*

народов мира: Энциклопедия: В 2 т. Т. 2: Корибанты – Яяти. М., 1980» (с. 279, стб. 2). Но в приведенных примерах хотя бы нет смысловых, содержательных потерь, являющихся прямым следствием редакторского (или все-таки редакционного?) вторжения. В целом ряде случаев ситуация складывается более печальным образом, когда отсутствие указаний на авторов историко-литературных и мемуарных свидетельств, а также различного рода исследовательских гипотез и находок лишает цитаты всякого смысла. Вот, например, как целиком выглядит статья **«Розенталь Ю.М.»** (П.М. Нерлер): «старинный друг семьи отца О.М., финансист, “принимавший деятельное участие в строительстве одной из юго-западных железных дорог”. По воспоминаниям брата (Е.Э. Мандельштама), О.М. называл его “добрым домовым нашей семьи” (Там же). В “Шуме времени” ему посвящена одноименная глава “Юлий Матвейч”» (с. 418, стб. 1). Для специалистов-мандельштамоведов, разумеется, несложно будет понять (во всяком случае, хочется в это верить), что в целом речь идет о публикации, указанной в таинственном разделе «Источники», но что и где именно находится «Там же», догадаться будет более чем проблематично. Трудно представить, как тем, кто «редактировал» текст подобным образом, удалось не составить себе труда предсказать и потенциально возможное в таких случаях и обращение читателей в поисках «мандельштамоцентричных» материалов к указываемым публикациям, и тот результат, к которому эти поиски неизбежно приведут. Подобного рода «библиографические модели» применяются столь часто, что пристатейные списки литературы окончательно лишаются не только самостоятельной практической ценности, но и просто всякого смысла. Но если в аналогичных ситуациях на отсутствие ссылок еще можно закрыть глаза, попытавшись оправдать данный факт наличием в публикациях едва ли не общеизвестных сегодня сведений (в 2005–2007 годах так говорить было еще преждевременно), то ничем нельзя оправдать пренебрежение библиографическими указаниями в более сложных случаях. И, как было сказано, совсем необъяснимо отсутствие указаний на источник в ситуациях прямого цитирования, прежде всего, разумеется, мандельштамовских текстов¹⁹.

А потому вновь неизбежно возникает вопрос о том, где и каким образом заинтересованному читателю МЭ искать конкретные «носители» приведенных цитат, поскольку такая необходимость, особенно при обращении к изданиям

---

¹⁹ Подобное начинание особенно тревожно на фоне все нарастающей в российском неакадемическом «мандельштамоведении» тенденции к полному библиографическому произволу авторов и небрежению предыдущим исследовательским опытом; см. об этом: *Шиндин С.* «Шишига его смутил...» [рец. на: Мандельштам О.Э. Собрание стихотворений 1906–1937 / Сост. О.А. Лекманова, М.А. Амелина, коммент. и библиогр. О.А. Лекманова, Е.А. Глуховской, А.А. Чабан. – М.: Рутения, 2017] // *Волга.* 2018. № 1–2. С. 229–232.

энциклопедического характера, возникает неизбежно. Еще более нелепа и совершенно непрофессиональна в такой связи ситуация с приводимыми в статьях примерами из мандельштамовских произведений – наверняка не один читатель будет стремиться просмотреть весь контекст, в котором содержится та или иная цитата, но тем, кто не знает поэтическое и, особенно, прозаическое (в том числе «литературоведческое» и «культурологическое») творчество и переписку О.М. наизусть, придется просматривать весь корпус его текстов. Правда, в некоторых случаях в силу неизвестных причин прямые ссылки на конкретные том и страницу цитируемый фрагмент сопровождают (аналогична ситуация и при использовании мемуарных произведений Н.Я. Мандельштам), но понять, что именно определяет факт их появления, невозможно. Точно также, как невозможно логически мотивировать сохраняющиеся иногда «полноценные» библиографические описания для некоторых мемуарных и научных источников. Понять логику того, какие именно ссылки на отдельные источники сохранялись и по какой причине (если исключить субъективный взгляд на это) совершенно невозможно; очевидно, нелегкий труд принятия окончательного решения выпал на долю тех, кому пришлось формировать и готовить предпечатный вариант рецензируемого издания. Трудно представить, каковы в такой ситуации могут быть форма и результат практического использования МЭ, а это уже нельзя назвать недальновидностью или безответственностью, это – откровенный непрофессионализм, перечеркивающий, полностью сводящий на нет не просто ее научную ценность, а саму идею энциклопедического проекта.

Причудливость, а временами непостижимость для традиционной логики принципов организации вспомогательного аппарата МЭ проявляется и в более частных случаях, например, в списке используемых в ней сокращений. Вместо стандартного и привычного разделения его на предметно-тематические составляющие, читателям предлагается нетривиальный единый перечень присутствующих в книге традиционных и нововведенных аббревиатур и сокращений. И это при том, что первоначально издательством РОССПЭН были заранее составлены варианты традиционных списков: сокращения названий городов; список аббревиатур учреждений, организаций, сокращений названий периодики; список основных сокращений, принятых в МЭ, и сокращения в архивных и библиографических описаниях²⁰. Но вот как в итоге выглядит произвольно выбранный фрагмент опубликованного и используемого в МЭ «Списка сокращений»: «газ. – газета; ГАРФ – Государственный архив Российской

---

²⁰ См.: Словник и методические материалы // О.Э. Мандельштам, его предшественники и современники: Сборник материалов к Мандельштамовской энциклопедии. – М.: РГГУ, 2007. С. 22–27, 33.

Федерации (Москва); Гаспаров 1996 – Гаспаров М.Л. О. Мандельштам: Гражданская лирика 1937 года. М.: Изд. центр РГГУ, 1996. (Чтения по истории и теории культуры; вып. 17); геогр. – географический; Герштейн 1998 – Герштейн Э. Г. Мемуары. СПб.: ИНА-ПРЕСС, 1998; ГИХЛ – Государственное издательство художественной литературы» (с. 5, стб. 2)²¹.

Более того, весной 2015 года, все-таки приступая к реальной подготовке энциклопедии к печати, ее составитель предложил участникам редакционной коллегии внести в этот список собственные исправления и дополнения, но дальнейшая судьба некоторых из них неизвестна. В результате этого издание осталось без сокращений для целого ряда многократно упоминаемых в нем названий городов и населенных пунктов (например, Варшава, Воронеж, Гейдельберг (в списке есть только Heidelberg), Коктебель, Чердынь, Эривань, Jerusalem, Stanford и др.), хотя присутствуют и откровенно периферийные в данном случае единицы – Dresden, Frankfurt am Main, Genève и т.п.), ряда учреждений и организаций (в частности, Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга) и периодических изданий – как начала XX века (прежде всего, актуальные в акмеистической перспективе «Аполлон» и «Гиперборей»), так и более поздних профильных славистических журналов и альманахов. В этом же списке более чем странно определено для амстердамского по своему «официальному» статусу журнала «Russian Literature» его месторасположение: «The Hague, Mouton» (с. 9, стб. 2); в первоначальном варианте подобная «локализация» вообще отсутствовала²², и можно только предположить, что составители списка сокращений позднее объединили в это «номинативное» новообразование два названия: нидерландского издательства и города, где оно расположено²³.

К числу более локальных, но не менее ощутимых лакун во вспомогательном аппарате энциклопедии можно отнести отсутствие в нем именного указателя и списка упоминаемых произведений О.М.; как бы ни затруднительна была работа по их формированию, она вне всяких сомнений вознаградилась бы глубокой и искренней

---

²¹ Разделение названия петербургского издательства «ИНАПРЕСС» – не опечатка, а один из многих примеров, подтверждающих исключительную орфографическую толерантность издания и всякое отсутствие в нем следов участия «художественных» редакторов и корректоров. Самый яркий пример этого – сопровождение статьи «Кинематограф», когда на четырех страницах подряд в колонтитуле вместо ее названия фигурирует газета «Киевский пролетарий» (с. 284–288).

²² См.: Словник и методические материалы. С. 23, стб. 2.

²³ В российской библиографической практике издательство «Mouton» постоянно преследует злой рок явной спациональной парадигматики: совсем недавно автору этих строк в сходной ситуации пришлось атрибутировать другой топонимический новодел – «The Hague Paris» (sic!); см.: Шундин С. «Шишига его смутил...». С. С.231–232.

читательской благодарностью. Не оказалось бы лишним и содержание первого тома энциклопедии, не принятое в изданиях подобного типа, но способное кардинальным образом облегчить обращение к нему любого читателя.

Под литерой «А»...*

Вступительную статью В.Б. Микушевича «Осип Мандельштам и мировая культура» автор этих строк позволит себе оставить без комментария, поскольку таковой уже состоялся при редактировании данного текста, что не нашло никакого отражения в состоявшейся публикации. Но, к сожалению, приходится с абсолютной уверенностью утверждать, что, следуя известному афоризму, объять заявленную в названии статьи тему вряд ли возможно. Совершенно произвольным примером сказанного может служить фрагмент, отражающий опыт художественного освоения поэтом Армении, когда автор вступительной статьи пишет, что там «Мандельштам чувствует и разрушительную силу, грозящую истории. Армянское горе прорывается с неожиданной силой в его поэзии <...>. Опасность, грозящую Армении, Мандельштам воспринимает как угрозу самому себе, для чего есть более чем достаточно оснований», – после чего следует цитата из стихотворения «Фаэтонщик» (На высоком перевале..., 1930): *Так, в Нагорном Карабахе, / В хищном городе Шуше, / Я изведal эти страхи, / Соприродные душе. // Сорок тысяч мертвых окон / Там видны со всех сторон, / И труда бездушный кокон / На горах похоронен (3, 58)*, – которое сменят не требующее комментария авторское утверждение, проецирующее данный фрагмент в сферу актуальной современности: «Как показали события 1980–1990-х годов, эти строки из тех, что оказываются пророческими.» (с. 50, стб. 1). А далее читателю сообщается о том, что «Армения в его стихах “отвернулась со стыдом и скорбью от городов бородатых востока”, но Мандельштам в то же время писал о персидской миниатюре: “Люблю мусульманские эмали и камеи” (“Эмали и камеи” – название книги Теофиля Готье в переводе Н.С. Гумилева)» (с. 50, стб. 2)²⁴.

---

* В настоящих заметках, разумеется, не могут быть рассмотрены все материалы, составляющие рецензируемое издание (числом более шестисот), да такая задача автором и не ставилась. Но если предпринятое начинание будет иметь продолжение, то к некоторым статьям, представленным под первыми пятью «литерами», но не комментируемыми в данной публикации, еще предстоит вернуться. Кроме того, необходимо еще раз предупредить читателя о том обстоятельстве, что в связи с внутренней логикой повествования комментарии к содержащимся в энциклопедии статьям не всегда строго следует их алфавитному порядку.

²⁴ Предыстория этой «атрибуции» была в свое время уже рассмотрена в статье Н.А. Богомолова «Батюшков, Мандельштам, Гумилев: Заметки к теме» (*Богомолов Н.А.* От Пушкина до Кибирова: Статьи о русской литературе,

Первоначально планировалось, что энциклопедию будет открывать статья о стихотворении О.М. «А небо будущим беременно...» (авторы – С.В. Василенко, П.М. Нерлер, Д. Сичинава), написанная в соответствии с той методологической моделью, которую предложил М.Л. Гаспаров, которая должна была охватывать всё стихотворное наследие поэта и которую он успел отчасти применить к ряду мандельштамовских текстов. Однако этот колоссальный комплекс материалов, столь ожидавшийся многими специалистами и просто читателями, безо всяких объяснений в издание не включен; частично он был воспроизведен на предыдущих этапах работы над проектом²⁵.

Статья «**Аввакум Петров**» (А.М. Ранчин) представляет собой редакцию 2008 года, воспроизведенную без авторских изменений и дополнений. Отличающая ее утвердительная манера повествования в целом ряде случаев вызывает сомнения и возражения, представляющиеся вполне мотивированными и обоснованными. Так, например, трудно согласиться с утверждением автора о том, что «О.М. еще в отрочестве прочитал “Житие” Аввакума Петрова <...>, о чем свидетельствуют упоминания в автобиографической книге О.М. “Шум времени”» (с. 63, стб. 1). Как хорошо известно, подобные факты практически никогда нельзя воспринимать как абсолютно достоверные, но при этом более обоснованным в функции источника видится не мандельштамовский текст, а программа Тенишевского училища по истории русской литературы, согласно которой в первом полугодии шестого класса (курс XI семестра), в частности, изучалась тема «Личность и судьба протопопа Аввакума в связи с расколом»²⁶. Не кажется таким же несомненным и другое авторское утверждение – о

преимущественно о поэзии. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 114–115). Интересное в данной связи мемуарное свидетельство о Гумилеве принадлежит Николаю Минскому (Рецензия на «Огненный столп» // Новая русская книга (Берлин). 1922. № 1): «После войны я встречался с ним в Париже. Прежняя его словоохотливость заменилась молчаливым раздумьем, и в мудрых, наивных глазах его застыло выражение скрытой решимости. В общей беседе он мало участвовал и оживлялся только тогда, когда речь заходила о его персидских миниатюрах» (цит. по: Степанов Е.Е. Поэт на войне. Николай Гумилев. 1914–1918. – М.: Прогресс-Плеяда. 2014. С. 411, 771). – Поскольку в предисловии В.Б. Микушевич традиционно не учитывает исследовательский опыт своих коллег, следует отметить, что достойным шагом на пути к научному освоению этой темы стала публикация: Попов Е.А. Концепция культуры в творчестве О.Э. Мандельштама: динамика и этапы развития / Дисс. ... канд. культурологи. – Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 2008.

²⁵ Речь идет о публикациях: Гаспаров М.Л., Нерлер П.Н. «Айя-София»; «Notre-Dame»; «Петербургские строфы» // О.Э. Мандельштам, его предшественники и современники: Сборник материалов к Мандельштамовской энциклопедии. – М.: РГГУ, 2007; Гаспаров М. «Ариост» / Мандельштамовская энциклопедия // Вопросы литературы. 2008. № 6; Нерлер П. Михаил Гаспаров и «Мандельштамовская энциклопедия» // Новое литературное обозрение. 2016. № 139; Гаспаров М.Л. Статьи для «Мандельштамовской энциклопедии»: стихотворения сборника «Жамень» / Публ. П. Нерлера, подгот. текста М. Тарлинской и О. Лекманова // М.Л. Гаспаров. О нем. Для него: Статьи и материалы. – М.: Новое литературное обозрение, 2017 и др.

²⁶ См.: Мец А.Г. Осип Мандельштам и его время: анализ текстов / Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: Интернет-

том, что «Аввакум Петров для О.М. был одним из наиболее ярких воплощений русской души с ее жадой саморазрушения, жертвенности и с ее непреклонностью» (с. 63, стб. 1). Невозможно высказать убедительное предположение о том, что именно дает автору основания для столь ничем не подтверждаемой, но безапелляционной формулировки, своей «импрессионистической» эмоциональностью выходящей за границы не только энциклопедической традиции, но и собственно научной практики²⁷.

В такой же утвердительной форме говорится о более частном случае – стихотворении О.М. «На розвальнях, уложенных соломой...» (1916), – для которого предложена собственная интерпретация. Согласно точке зрения автора, в основе сюжета мандельштамовского текста лежит «поездка героя в санях, ассоциирующаяся с пленением и перевозкой на место казни, и убийство / сожжение героя (одновременно поэтического двойника самого О.М., царевича и самозванца)», что, «по-видимому, проецируется на текст “Жития” Аввакума Петрова (описание Аввакумом Петровым своего первого ареста, насильственного перевоза в телеге после осуждения на церковном соборе 1666–1667 годов и т.д.)»; на чем основывается такое предположение остается неуказанным. Также ничем не обосновано и другое утверждение автора: «Строка О. М. “По улицам меня везут без шапки” соответствует не только развенчанию царя, лишению его монарших регалий (шапки Мономаха), но и поруганию и расстрижению старообрядца (ср. рассказ Аввакума Петрова о расстрижении муромского протопопа Логина, у которого никониане отняли шапку)» (с. 63, стб. 1–2). Столь же бездоказательными, а потому маловероятными оказываются и «интертекстуальные» обоснования, завершающие публикацию: «Соответствия “Житию” и судьбе его автора обнаруживаются и в других строках стихотворения О.М. Евхаристическая символика хлеба – жертвы во имя веры, присутствующая в этом стихотворении (а также во многих других поэтических текстах О.М.), встречается и в аввакумовской автоагиографии. Последняя строка стихотворения “На розвальнях, уложенных соломой...” – “И рыжую солому подожгли” – указывает не только на сожжение тела убитого “Димитрия” – Отрепьева, но и на сожжение старообрядцев (прежде всего Аввакума Петрова). Аввакумовский подтекст присущ в стихотворении О.М. и образу трех свеч <sic! – *С.Ш*>, теплящихся в часовне» (с. 63, стб. 2).

издание, 2011. С. 81

²⁷ Допустимым кажется предположение о том, что столь чрезмерный «ценностный статус» образа протопопа Аввакума для О.М. был, как и в целом ряде других случаев, привнесён позднее Н.Я. Мандельштам, в чьих «Воспоминаниях» и «Второй книге» тот упоминается неоднократно.

И здесь необходимо оговорить специфику одной из характерных особенностей не только и не столько рассмотренной заметки А.М. Ранчина, сколько многих других публикаций в МЭ, да и не только в ней, как правило, посвященных интертекстуальному диалогу О.М. с самыми разными представителями мировой литературы. Совсем недавно автору этих строк уже приходилось отмечать тот факт, что за последние четверть века в отечественной филологической науке (прежде всего – в мандельштамоведении) данная методология была доведена до полного абсурда²⁸. Бесконечный, как количество знаков после запятой в числе «π», сонм ее сторонников в своих штудиях исходил и продолжает исходить лишь из данного К. Тарановским определения подтекста: «Если определить контекст как группу текстов, содержащих один и тот же или похожий образ, подтекст можно формулировать как уже существующий текст, отраженный в последующем, новом тексте», – совершенно игнорируя предложенную ученым типологию, содержащую указание на необходимость дополнительных мотиваций: «Есть четыре вида подтекстов: (1) текст, служащий простым толчком к созданию какого-нибудь нового образа; (2) “заимствование по ритму и звучанию” (повторение какой-нибудь ритмической фигуры и некоторых звуков, содержащихся в ней); (3) текст, поддерживающий или раскрывающий поэтическую посылку последующего текста; (4) текст, являющийся толчком к поэтической полемике»²⁹. Иначе говоря, для выявления подтекста многим интерпретаторам достаточно одного лишь внешнего сходства фрагментов двух текстов (не всегда даже лексического), при этом биографический, содержательный (семантический) и формальный аспекты нередко остаются за границами рассмотрения, то есть за интертекстуальную модель выдаются широко распространенные случаи типологической близости, совпадений и просто домыслов интерпретатора³⁰.

---

²⁸ См.: *Шиндин С.* Небесные классики [рец. на:] Роман Тименчик. Подземные классики: Иннокентий Анненский. Николай Гумилев. – М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2017 // Волга. 2017. № 9–10. С. 170.

²⁹ *Тарановский К.* Очерки о поэзии О. Мандельштама // *Тарановский К.* О поэзии и поэтике. – М.: Языки русской культуры, 2000. С. 31, 32.

³⁰ В одну из статей, предназначенных для «Русского гуманитарного словаря», Г.А. Левинтон добавил такой «мемуарный штрих», связанный с исследованиями в художественном творчестве анаграмматических моделей и афористической оценкой этого, принадлежащей Ю.М. Лотману: «когда вышла наша с И.П. Смирновым статья о цикле Блока “На поле Куликовом”, в которой метод анаграмм довольно активно использовался, З.Г. Минц сказала мне: “Юрий Михайлович всегда говорит, что нам, конечно, будет на том свете наказание за то, что мы соблазнили малых сих структурализмом, но это ерунда по сравнению с тем, что ждет пропагандистов анаграмм”» (*Левинтон Г.А.* Статьи из энциклопедии [Анаграмма]. С. 259). Случись такое возможным, трудно даже предположить, что ожидает в подобной ситуации основоположников метода интертекстуального анализа.

Сомнения в своей уместности в рецензируемом издании в представленной форме вызывает заметка «Агранов Я.С.» (П.М. Нерлер), который «16.5.1934 как заместитель председателя ОГПУ (1933–1934) подписал ордер № 512 на производство ареста-обыска О.М. (выдан сотруднику оперативного отдела Герасимову)» (с. 64, стб. 2). Вряд ли данный эпизод, представлявший собой лишь технический элемент повседневной служебной деятельности «героя» публикации, заслуживает подробного изложения в ней его биографии. На первоначальном этапе работы над энциклопедией представителями РОССПЭН совершенно четко был сформулирован набор критериев, по которому определялась обоснованность включения в нее тех или иных современников поэта. Главным из них являлось прямое или опосредованное присутствие в биографии О.М., так или иначе повлиявшее на его жизненный путь или художественное творчество. К сожалению, приходится констатировать, что такой принцип отбора «персонажей» соблюдался непоследовательно и далеко не всегда, вследствие чего публикации о второстепенных и периферийных, а то и вовсе посторонних современниках изобилуют в составе МЭ в количестве, явно превосходящем пределы разумного. То же самое можно сказать и о соотношении объемов публикуемых материалов: например, текст об одном из руководителей ОГПУ в шесть раз превосходит пятистрочную заметку о Паоло Яшвили, с которым «О.М. был хорошо знаком» (с. 574, стб. 2), а статья о созданном им поэтическом объединении «Голубые Роги» вообще отсутствует, как и материалы о Тициане Табидзе, Георгии Леонидзе и других его участниках. Данное обстоятельство представляется особенно труднообъяснимым в ситуации, когда ведется речь о преобладании имеющихся в распоряжении редакционной коллегии материалов над допустимыми объемами издания и когда без «собственных» статей остаются, например, такие законно требующие своего присутствия персонажи, как Амир Саргиджан и Сергей Березнер³¹, Владимир Ставский и Петр Павленко, Владимир Ленин и Иосиф Сталин...

Но в любом случае вряд ли из публикации следовало исключать свидетельство Н.Я. Мандельштам, которое позволяет сделать вывод о том, что в самом начале 1920-х годов О.М. сознательно избегал встреч с кругом общения Агранова: «Меня тянуло к людям, к остаткам карнавала, который еще кое-где переплескивался. Меня звала приятельница, хозяйка шумного однокомнатного дома, куда заходил сам [Я.С.]

---

³¹ С.В. Березнер (1900–после 1955) – партийный следователь, который, очевидно, вел в 1929 году «дело об Уленшпигеле» и о котором О.М. 24.2.1930 рассказывал в письме Н.Я. Мандельштам. Теперь написать статью о нем, уже для второго издания МЭ, будет намного проще, поскольку в юбилейный «мандельштамовский» год была впервые опубликована его самая подробная биография: *Брусиловская Л.Б.* Партисследователь С.В. Березнер: судьба «собеседника» Осипа Мандельштама // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 3.

Агранов и его будущие жертвы. Днем Мандельштам иногда соглашался зайти на минутку в этот дом, но вечером ни под каким видом. Одну меня он не отпускал никуда, и я так и не увидела московского салона времен становления империи»³². И уже совсем ничем нельзя объяснить отсутствие в комментируемом тексте упоминания о том, что в мае 1934 года его «герой» не только подписал ордер на арест О.М.: вскоре после этого с ним встречался Н.И. Бухарин, который хотел выяснить причины происшедшего, о чем в начале июня написал И.В. Сталину: «Я говорил с Аграновым, но он мне ничего конкретного не сказал»³³.

Чтобы не быть голословным и в дальнейшем избежать дополнительных мотиваций и объяснений, автор данного комментария, забегаая вперед, позволит себе привести еще один более чем показательный пример – заметку «**Костарев Н.К.**» (В.М. Марков) Обоснование присутствия ее «героя» в МЭ отнесена в финальную часть текста и полностью основывается на цитате из воспоминаний Н.Я. Мандельштам (приведенной фрагментарно и, разумеется, без указания на источник): «это “писатель-генерал” Костырев <sic. – С.Ш.>, “временный жилец”, которому Н.Я. Мандельштам по просьбе и под поручительство Ставского сдала одну комнату в своей квартире. Н.Я. Мандельштам не сомневалась в том, что Костарев был агентом НКВД, “спланировавшим из органов в литературу”. В обход всех правил Костарев получил постоянную, а не временную прописку, в квартире О.М. он чувствовал себя не жильцом, а хозяином, рылся в бумагах О.М., “самолично переписывал на собственной машинке – тогда почти ни у кого не было такой роскоши – все стихи О.М.”» (с. 298, стб. 1).

А открывает заметку изложение биографии «писателя-генерала», тщательности которого могли бы позавидовать многие более достойные этого персонажи рецензируемого издания: «поэт, прозаик. Участник 1-й мировой войны. Член ВКП(б) с 1917. С 1918 участник Гражданской войны: в Приуралье (в отряде В.К. Блюхера), Забайкалье (при штабе С. Лазо), Приморье (под псевдонимом. Туманов командир штаба партизанских отрядов в районе Спасска-Яковлевки). Член областкома и Военного совета партизанских отрядов Приморья. Первые стихи написал в тюрьме (1915). С 1918 во Владивостоке, с прозвищем “поэт Никола”, работает в порту, вступает в Литературно-художественное общество, знакомится с поэтами группы “Творчество»

---

³² Мандельштам Н. Вторая книга // Мандельштам Н. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 2: «Вторая книга» и др. произведения (1967–1979) / Сост. С.В. Василенко, П.М. Нерлер, Ю.Л. Фрейдин, подгот. текста С.В. Василенко при участии П.М. Нерлера и Ю.Л. Фрейдина, коммент. С.В. Василенко и П.М. Нерлера. – Екатеринбург: ГОНЗО, 2014. С. 141.

³³ Цит. по: Нерлер П. Слово и «Дело» Осипа Мандельштама: Книга доносов, допросов и обвинительных заключений. – М.: Петровский парк, 2010. С. 39.

(Н.Н. Асеев, С.М. Третьяков и др.). В 1919–1924 печатает во Владивостоке первые произведения – поэмы “Идея-фикс”, “Белый флаг” и “Аэропоэма”. Живет в Ленинграде и Москве. В 1924–1926 с В. Матвеевым (под псевдонимом Никэд Мат) в Ленинграде издает приключенческий роман-трилогию “Желтый дьявол”. С конца 1920-х гг. перешел на документально-художественный (очерковый) жанр. В 1929–1937 регулярно публиковался в журнале “Знамя”; автор очерковых книг “Мои китайские дневники” (1928), “Граница на замке” (1930), “Сахалинские записи” (1937). Был хорошо знаком и переписывался с В.П. Ставским, А.А. Фадеевым, М.М. Шкапской и др. В 1939 арестован; погиб в 1941(?). Так же бесследно исчезли его жена и дочь» (с. 197–198).

Оставляя это животрепещущее жизнеописание без комментариев, тем не менее приходится признаться в желании обратиться и к его автору, и к главному редактору МЭ с вполне обоснованными вопросами: а встречались ли О.М. и Костарев в реальной жизни хотя бы однажды? упоминается ли «писатель-генерал» в мандельштамовских стихах и прозе хотя бы одним словом? и есть ли у того хотя бы строчка об опальном поэте?³⁴ И последнее, о чем никак нельзя не сказать, – это сопровождающий заметку В.М. Маркова список литературы, очевидно, самый абсурдный в комментируемом издании. Но автор этих строк безо всяких оценок оставляет его на суд читателей: «*Владиславлев И.В.* Литература великого десятилетия. М.; Л., 1928; *Якимова Л.П.* Многонациональная Сибирь в русской советской литературе. Новосибирск, 1962; *Рачков Д.А.* Николай Костарев и его книга «Сахалинские записи» // Межвузовская науч. конференция по проблемам советской литературы, фольклора и говоров Дальнего Востока. Хабаровск, 1968. С. 27–30; *Пузырев В.Г.* Костарев Н.К. (1893–1941): К вопросу метода и стиля писателя // Вопросы стиля и метода в советской литературе. Рязань, 1976. С. 77–107; *Крившенко С.Ф.* Возвращение Николая Костарева // Дальний Восток. 1991. № 1. С. 145–156» (с. 198, стб. 1).

Чувство полного недоумения оставляет более чем лаконичная статья «*Адамович Г.В.*» (О.А. Коростелев), опубликованная в первоначальной редакции 2008 года. Ввиду конкретных биографических и историко-литературных реалий она относится к тому типу энциклопедических текстов, изложенное в которых ни при каких обстоятельствах нельзя назвать исчерпывающим, поскольку в них всегда окажутся обусловленные объективными обстоятельствами лакуны. Однако в данном случае речь, очевидно, должна идти о сознательном авторском ограничении включаемых в текст

---

³⁴ Чтобы читатель в ожидании ответов на эти вопросы не терял времени даром, ему можно посоветовать обратиться к статьям о других литераторах – Евгении Зноско-Боровском и Сергее Нельдихине, Всеволоде Князеве и Леониде Каннегисере, Илье Зданевиче и Григории Петникове...

материалов: пересечение жизненных и творческих путей двух поэтов сведено в нем только к констатации факта их знакомства во время обучения в Санкт-Петербургском университете, причем без указания источника такого утверждения. Косвенным свидетельством об этом может служить описание Адамовичем обстоятельств знакомства с Анной Ахматовой: «Не могу точно вспомнить, когда я впервые увидел Анну Андреевну. Вероятно, было это года за два до первой мировой войны в романо-германском семинарии Петербургского университета. К этому семинарию я прямого отношения как студент не имел, но часто там бывал: был он чем-то вроде штаб-квартиры молодого, недавно народившегося акмеизма»³⁵. С именем Ахматовой связан хотя и очевидный, но в энциклопедической статье требующий упоминания факт именно совместного участия обоих литераторов в первом «Цехе поэтов», сопоставимый с принадлежащей ей оценкой мандельштамовской поэзии: «Когда-то, помню, Ахматова говорила после одного из собраний "Цеха": "...сидит человек десять-двенадцать, читают стихи, то хорошие, то заурядные, внимание рассеивается, слушаешь по обязанности, и вдруг будто какой-то лебедь взлетает над всеми – читает Осип Эмильевич!"»³⁶. Сам Адамович позднее вспоминал о своем участии в этом поэтическом объединении так: «В первый Цех поэтов меня приняли незадолго до его закрытия, и был я только на пяти-шести его собраниях, не больше»³⁷.

Чем бы ни была мотивирована авторская лаконичность, вряд ли следовало исключать из публикуемых фактографических данных неформальный мандельштамовский инскрипт Адамовичу на втором издании «Камня»: «Дорогому Георгию Викторовичу – / с любовью, приветствуя его стихи – / Осип Мандельштам / 6 янв. 1916»³⁸. Столь же обязательного внимания заслуживает и принадлежащая

---

³⁵ Адамович Г. Мои встречи с Ахматовой // Воспоминания о серебряном веке / Сост. и коммент. В. Крейд. – М.: Республика, 1993. С. 254. Ср.: Шруба М. Романо-германский кружок // Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. – М.: Новое литературное обозрение, 2004; Шиндин С. Габриэль Гершенкрюйн: штрихи к портрету. Часть I // Новый журнал. 2016. № 284. С. 211–213 сл., – а также статью М.Г. Сальман «Романо-германский кружок» в рецензируемом издании (с. 419–420).

³⁶ Адамович Г. Несколько слов о Мандельштаме // Осип Мандельштам и его время / Сост. и примеч. В. Крейд и Е. Нечепорук. – М.: L'Age d'Homme – Наш дом, 1995. С. 188.

³⁷ Адамович Г. Мои встречи с Ахматовой. С. 257. Данное свидетельство подтверждают и ахматовские мемуарные записи, где время пребывания Адамовича в «Цехе поэтов» отнесено к 1914 году; см.: Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / Сост. и подгот. текста К.Н. Суворовой. – М.: Torgino: Giulio Einaudi editori, 1996. С. 447.

³⁸ Тименчик Р. О.Э. Мандельштам. «Камень» (1913) // Памятные книжные даты. – М.: Книга, 1988. С. 187; Мец А.Г. «Камень» (к творческой истории книги) // Мандельштам О. Камень / Изд. подгот. Л.Я. Гинзбург, А.Г. Мец, С.В. Василенко, Ю.Л. Фрейдин. – Л.: Наука, 1990. С. 280; Инскрипты и маргиналии О.Э. Мандельштама / Публ. С. Василенко и П. Нерлера // «Сохрани мою речь...». Вып. 5. Ч. 1. – М.: РГГУ, 2011. С. 207; теперь текст воспроизведен и в публикации: О.Э.Мандельштам. Инскрипты и маргиналии (С.В. Василенко, П.М. Нерлер) // Мандельштамовская

Адамовичу поздняя оценка поэтического творчества О.М., относящаяся к числу самых ярких, если не сказать восторженных: «нет мира мандельштамовского... – Невольно останавливаюсь и спрашиваю себя: что же есть? <...> Есть скорей “разные стихотворения”, чем поэзия, как образ бытия, как момент в истории народа и страны, есть только разные, разрозненные стихотворения, – но такие, что при мысли о том, что их, может быть, удалось бы объединить и связать, кружится голова. Есть куски поэзии, осколки, тяжелые обломки ее, похожие на куски золота, есть отдельные строчки, – но такие, каких в наш век не было ни у одного из русских поэтов, ни у Блока, ни у Анненского»³⁹. Представляется бесспорным, что оба этих факта в полной мере свидетельствуют о характере взаимоотношений поэтов и о более чем заметном месте Адамовича в мандельштамовской биографии⁴⁰.

Основная часть публикации О.А. Коростелева открывается словами: «Неоднократно выступал с докладами и лекциями, посвященными О.М., писал о нем, всегда исключительно высоко оценивая его поэзию» (с. 66, стб. 1), – и далее следует краткий набор цитат из самых разных публикаций Адамовича. Но приводимые автором фрагменты очень трудно отнести к числу наиболее содержательных и фактографически выразительных свидетельств; данный пассаж формально и содержательно больше напоминает спешно писавшийся реферат, но никак не энциклопедическую статью. Неупомянутыми остались такие давно вошедшие в самый активный научный и читательский оборот эпизоды, как, например, обстоятельства появления и последовавшего затем исчезновения образа «отравительницы Федры» в стихотворении О.М. «Ахматова» («Вполоборота – о, печаль!..», 1914); его прозвучавший в артистическом кабаре «Бродячая собака» отказ продолжать коллективную беседу в ситуации заочного «присутствия» Велимира Хлебникова; иронически-пренебрежительная реакция Сергея Маковского на «внетекстовый ореол» мандельштамовского стихотворения «Я не слышал рассказов Оссиана...» (1914);

энциклопедия: В 2 т. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. Т. 2. С. 145, стб. 2.

³⁹ Адамович Г. Несколько слов о Мандельштаме. С. 187–188. Там же содержится и беспрецедентно высокая оценка одного из самых известных «акмеистических» стихотворений О.М.: «“Бессонница, Гомер, тугие паруса...” – такой музыки не было ни у кого, едва ли не со времени Тютчева, и что ни вспомнишь, все рядом кажется жидковатым», – О рецепции этого текста современниками и «гомеровском топосе» в системе культурных координат акмеизма см.: Шиндин С. Книга в биографии и художественном мировоззрении Мандельштама. I // *Toronto Slavic Quarterly*. 2016. № 55. С. 12–24.

⁴⁰ Убедиться в этом достаточно просто, заглянув, например, в именной указатель биографической хроники О.М.: *Летописи жизни и творчества О.Э. Мандельштама / Сост. А.Г. Мец при участии С.В. Василенко, Л.М. Видгофа, Д.И. Зубарева и др. / 2-е изд., испр. и доп. – Toronto: Department of Slavic Languages and Literatures University of Toronto, 2016. С. 484.*

ахматовское утверждение; «Мандельштам, конечно, наш первый поэт ...» и многое другое. Но даже случаи использования в статье второстепенных по своему значению цитат из «литературоведческих» и мемуарных заметок Адамовича можно отнести к числу невосполнимых потерь, являющихся следствием редакторского вмешательства: удаленные из авторского варианта статьи указания на источники цитируемых текстов не продублированы в разделе «Сочинения», вследствие чего перед читателем предстает далеко не полная библиография литературно-критического и биографического обращения к личности и творчеству О.М. одного из самых последовательных его почитателей среди поэтов-современников⁴¹. Все то же чувство недоумения вызывает и полное отсутствие в списке литературы ссылок на какие-либо исследовательские материалы, в частности: Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску / Предисловие, публ. и коммент. Н.А. Богомолова // Диаспора. V. – Париж; СПб.: Atheneum; Феникс, 2003. Окажись статья отредактирована после первоначального варианта, в нее наверняка вошли бы и более поздние публикации, как, например: *Богомолв Н.А. Проект «Акмеизм» // Богомолв Н.А. Вокруг «серебряного века»: Статьи и материалы.* – М.: Новое литературное обозрение, 2010. Кроме того, автору следовало бы учесть высказанное В.Н. Дранициным вполне убедительное предположение: «В феврале 1915 года в одном из столичных еженедельников поэт Георгий Адамович опубликовал рассказ, сюжет которого вполне мог быть навеян “нелепой поездкой” О.М. в Варшаву»⁴², – до сих пор не находящей приемлемого для исследователей логического обоснования.

Без внимания автора остались и более частные эпизоды, отраженные в самых разных публикациях; при кажущейся их очевидности, они, тем не менее, одинаково могут быть интересны и коллегам-филологам, и заинтересованной части читательской аудитории. Вряд ли лишними в статье оказались бы, например, указания на то, что в середине 1910-х годов оба поэта были постоянными посетителями артистических кабаре «Бродячая собака» и «Привал комедиантов»⁴³; тогда же проходили их встречи в

---

⁴¹ Думается, что вполне оправданным было бы и указание в этом разделе на републикации мемуарного очерка Адамовича об О.М. «Несколько слов о Мандельштаме» (Воздушные пути. 1961. № 2) и фрагментов из воспоминаний «Мои встречи с Ахматовой» (Воздушные пути. 1967. № 5) в более доступных современных изданиях.

⁴² *Драницин В., Нерлер П.* К истории «нелепой поездки» Осипа Мандельштама в Варшаву в декабре 1914 года. Обзор версий и предположений // *Корни, побеги плоды... Мандельштамовские дни в Варшаве: В 2 ч.* – М.: РГГУ, 2015. Ч. 1. С. 41. – Речь идет о публикации: *Адамович Г.* Веселые кони // *Голос жизни.* 1915. № 8.

⁴³ О первом из них оставил не вызывающее в этом отношении сомнений свидетельство Пяст: «акмеисты: то есть Ахматова, Гумилев, Мандельштам, – и потом так называемые “мальчики” из Цеха поэтов, – Георгий Иванов, Георгий Адамович; потом другие “примыкавшие” <...> – <...> все отдавали дань “Бродячей Собаке”» (*Пяст Вл.* Встречи / Сост., вступ. ст., науч. подгот. текста, коммент. Р. Тищенко. – М.: Новое литературное обозрение, 1997. С.

неформальной, домашней обстановке: как вспоминал позднее Адамович, «чтение стихов часто устраивалось и вне Цеха, то в Царском Селе, у Гумилевых, а иногда и у меня дома»⁴⁴. Чуть позже, в годы Первой мировой войны, они посещали «литературные “среды” при редакции “Нового журнала для всех”, устраивавшиеся в 1915–1916 гг. в Петрограде»⁴⁵ и в этот же период принимали участие в самых разных поэтических чтениях, как, например, в состоявшемся 15.4.1916 в Тенишевском училище вечере современной поэзии и музыки в пользу лазарета Вольного экономического общества⁴⁶.

Не столь очевидно, но не менее значимо еще одно обстоятельство – хорошо известное отношение обоих поэтов к личности Анненского и восприятие его поэзии гораздо шире, чем просто творчество предшественника акмеизма. При этом весьма симптоматичен тот факт, что, обращаясь к характеристике мандельштамовской поэзии в самых положительных тонах, Адамович сопоставляет ее оценку коллегами по цеху с читательским восприятием именно творческого наследия Анненского: «Есть небольшой, тесный круг людей, которые знают – не думают, не считают, а именно знают, – что Осип Мандельштам – замечательный поэт. Дождется ли он, однако, когда-нибудь широкого признания, как дождался его в наше столетие Тютчев, или хотя бы Анненский, о сколько-нибудь “широком” признании которого говорить, правда, не приходится, но к которому тянутся, и все настойчивее тянутся, нити какого-то особого, ревнивого восхищения, будто в его прерывистом, “мучительном” шепоте иные любители поэзии уловили нечто именно к ним обращенное, им завещанное, такое, чего не нашли они у других русских лириков»⁴⁷.

---

169); ср.: *Шруба М.* «Бродячая собака»; «Привал комедиантов» // *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 32, 173.

⁴⁴ *Адамович Г.* Мои встречи с Ахматовой. С. 257.

⁴⁵ *Шруба М.* «Нового журнала для всех» кружок // *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. С.138.

⁴⁶ См.: Летопись литературных событий в России конца XIX – начала XX в. (1891 – октябрь 1917). Вып. 3 (1911 – октябрь 1917) / Под общ. ред. А.В. Лаврова. – М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 471.

⁴⁷ *Адамович Г.* Несколько слов о Мандельштаме. С. 186. В таком контексте нельзя не учитывать то обстоятельство, что Адамович, по формулировке Р.Д. Тименчика, «связал на всю жизнь свою литературную деятельность с охраной поэтического наследия Анненского» и «стал главным пропагандистом Анненского в эмиграции» (*Тименчик Р.* К истории культа Анненского // *Тименчик Р.* Подземные классики: Иннокентий Анненский. Николай Гумилев. – М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2017. С. 125). Ему, кстати, принадлежит одна из самых ярких и выразительных характеристик старшего поэта, данная в статье к пятидесятилетию со дня его смерти (Звено. 1924. 28 июля) и опять-таки в соположении с одним из самых актуальных для художественного мировоззрения О.М. имен поэтов-предшественников: «Эпоха “ликвидации” девятнадцатого века – то, что на обывательском языке называется декадентством, – не имела более чистого выражения, чем Анненский. <...> Все молчаливо, но с глубоким убеждением, согласилось, что после Тютчева у нас не было ничего прекраснее и значительнее. Любимейшие из русских символистов, Сологуб и Блок, как-то померкли перед ним, уступили ему

По «жанровой» специфике и следующей из этого содержательной «безграничности» предыдущий текст превосходит статья «Акмеизм» (О.А. Лекманов), степенью своей актуальности для общей тематической направленности МЭ предполагающая исключительную насыщенность как конкретными материалами, так и сопровождающими их отсылками к прижизненным публикациям и современным исследованиям. Учесть все их, разумеется, не представляется возможным, но трудно представить себе сегодня заинтересованного читателя, при обращении к акмеистической проблематике способного обойтись без превосходной антологии литературно-критических отзывов современников о поэтах-акмеистах, сравнительно недавно увидевшей свет⁴⁸. Также трудно дать объяснения тому факту, что в библиографии приводится только первая часть одной из основополагающих для рассмотрения данной темы статьи Р.Д. Тименчика «Заметки об акмеизме» (Russian Literature. 1974. № 7/8) и опущены ее продолжение и окончание (Russian Literature. 1977. Vol. V. № 3; 1981. Vol. IX. № 2). Дополнить список литературы материалами, достойными внимания специалистов-филологов и заинтересованных читателей, безусловно, мог бы целый ряд и других публикаций⁴⁹.

Статья «Аксенов И.А.» (О.А. Лекманов) представляет собой незначительно дополненный вариант 2008 года (сохранилось даже неверное для последующих стандартов МЭ полное именование жены Аксенова: «Сусанна Георгиевна Мар» (с. 69,

---

первое место» (цит. по: Крейд В. Комментарии // Воспоминания о серебряном веке / Сост. и коммент. В. Крейд. – М.: Республика, 1993. С. 490).

⁴⁸ Речь идет об издании: Акмеизм в критике. 1913–1917 / Сост. О.А. Лекманова и А.А. Чабан; вступ. ст., примеч. О.А. Лекманова. – СПб.: Издательство Тимофея Маркова, 2014.

⁴⁹ Напр.: *Топоров В.Н.* Две главы из истории русской поэзии начала века: В.А. Комаровский. В.К. Шилейко (К соотношению символизма и акмеизма) // Russian Literature. 1979. Vol. VII. № 3; Левинтон Г.А. Статьи из энциклопедии [Адамизм. Акмеизм] // Труды факультета этнологии Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2001. Вып. 1. С. 252–256; *Рубинс М.* Пластическая радость красоты: Экфрасис в творчестве акмеистов и европейская традиция. – СПб.: Академический проект, 2003; *Шруба М.* Акмеисты (адамисты; кружок «Акмэ») // *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. – М.: Новое литературное обозрение, 2004; *Лекманов О.А.* О трех акмеистических книгах: М. Зенкевич, В. Нарбут, О. Мандельштам. – М.: Intrada, 2006; *Куликова Е.Ю.* Пространство и его динамический аспект в лирике акмеистов. – Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2011; *Мец А.Г.* Акмеисты: Последнее выступление группы // *Мец А.Г.* Осип Мандельштам и его время: Анализ текстов / Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: Интернет-издание, 2011; *Кихней Л.Г., Меркель Е.В.* Аксиология повседневных вещей в поэтике акмеизма // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 1 (33); *Rusinco E.* Adamism and Acmeist Primitivism // Slavic and East European Journal. 1988. Vol. XXXII; здесь же можно назвать уже упоминавшуюся публикацию Н.А. Богомолова «Проект “Акмеизм”» и другие работы этого автора. Ряд наблюдений, касающихся акмеистической проблематики, содержится в публикации: *Шиндин С.* Книга в биографии и художественном мировоззрении Мандельштама. I. С. 4–40, 44–54.

стб. 2)⁵⁰. Удаленная редакторами библиографическая ссылка в финале статьи на воспоминания Э.Г. Гернштейн (Мемуары. – СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. С. 30) превращает в неатрибутируемое важнейшее для данного контекста свидетельство о том, что Аксенов, очевидно, «был эрудитом во многих областях науки. Так, застав Мандельштама за чтением Палласа, он долго говорил с ним на географические темы. После его ухода Мандельштаму всегда хорошо думалось»⁵¹. Насколько такая высокая оценка со стороны поэта к своему собеседнику была близка некоторым их современникам демонстрирует, например, отправленное 15.1.1928 Д.С. Усовым письмо Е.Я. Архипову, где, в частности, говорится: «Меня преследует одна книга, которую я упорно встречаю на всех книжных прилавках. Это брошюра Апьвэка: “Нахлебники Хлебникова – Маяковский и Асеев”, книжонка пустая, застарелого типа имажинистских изданий, но на обложке ее помещен хороший и страшный рисунок Митурича, изображающий мертвого (или смертельно больного) Велимира на койке, где-то в избе или в сарае. Он умер в дер<евне> Санталове, Новгород<ской> губ<ернии>, 22 июня 1922 г.»⁵². И сразу после этого автор полностью цитирует содержащуюся в мандельштамовской статье «Литературная Москва» (1922) оценку неопубликованного доклада Аксенова о Хлебникове, прочитанного в июле 1922 года на заседании Союза поэтов в Москве (см.: с. 69, стб. 2)⁵³.

---

⁵⁰ Таким же несоответствиям формальным издательским требованиям отличается «примечание» ««Гнозис»» (П.М. Нерлер): «главный редактор Аркадий Ровнер, заместитель главного редактора Виктория Андреева» (с. 189, стб. 2); еще более поливариативна «номинативная» в дефиниции статьи О.Р. Демидовой и П.М. Нерлера ««PETROPOLIS»» <sic>: «книжная артель (кооперативное издательство и книготорговая фирма), организованная в январе 1918 в Петрограде Яковом Ноевичем Блохом, Григорием Леонидовичем Лозинским (председатель) и А.С. Каганом» (с. 377, стб. 1).

⁵¹ Представления о широте и разнообразии «культурологических» интересов Аксенова дают исследования последних лет, нашедшие свое отражение, в частности, в публикациях западных славистов К. Ичин (О поэзии и живописи: И. Аксенов и А. Экстер // *Europa Orientalis*. XXX. 2011; то же – в: сборнике работ автора: *Ичин К. Авангардный взрыв. 22 статьи о русском авангарде.* – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016), А. Фарсетти (Авангардный образ Парижа: «Эйфелеи» И.А. Аксенова (взгляд из России) // Н.П. Анциферов. *Филология прошлого и будущего: По материалам международной научной конференции «Первые московские Анциферовские чтения».* Москва, 25–27 сентября 2012 г. – М.: ИМЛИ РАН, 2012; К интерпретации стихотворения «Изменчиво» А.И. Аксенова // *Русская филология*. 24: Сборник научных работ молодых филологов. – Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus; Tartu University Press, 2013; Место музыки в творчестве поэта-футуриста А.И. Аксенова // *Русская филология*. 25: Сборник научных работ молодых филологов. – Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus; Tartu University Press, 2014; см. также электронный вариант диссертации того же автора, посвященной анализу поэтического наследия Аксенова: *Farsetti A. La poesia di Ivan Aksenov (1914–1921) nel contesto dell'avanguardia russa: un'interpretazione.* – Venezia: Università Ca' Foscari Venezia, 2015) и др.

⁵² Усов Д. «Мы сведены почти на нет...». [В 2 т.] Т. 2. Письма / Сост., подгот. текста, коммент. Т.Ф. Нешумовой. – М.: Эллис Лак, 2011. С. 484.

⁵³ О взаимоотношениях Аксенова с постоянным кругом его общения см. в подборке посвященных ему

Вместе с тем, и многочисленные параллели и пересечения в биографиях этих современников остались в статье неотмеченными. Так, выпал из поля зрения автора устный рассказ Э.Л. Миндлина П.М. Нерлеру, относящийся к началу 1920-х годов – периоду работы О.М. в газете «Накануне», когда «Мандельштамы жили на Тверском. Там же был писательский ресторан и собирались писательские кружки. По понедельникам (?) – “Литер<атурный> особняк”, по средам – “Литер<атурное> звено” (вел проф. Львов-Рогачевский) и еще “Литер<атрный> четверг”. Мандельштам ходил в “Лит<ературный> особняк”, ходил иронически и был там чужой (Миндлин привел по памяти список ходивших, среди них <...> И. Аксенов, С. Мар» и др.⁵⁴ В своей статье О.А. Лекманов упоминает известный эпизод биографии Аксенова: «В июле 1922 в Москве на заседании Союза поэтов прочел доклад о В.В. Хлебникове (не опубликован), который О.М. “проаннотировал” в заметке “Литературная Москва” (1922)» (с. 69, стб. 2); заседание прошло 3 июня⁵⁵. А вскоре, 30 июля, было оставлено еще одно относящееся к рассматриваемому историко-литературному контексту свидетельство: «В берлинской газете “Накануне” (Литературное приложение № 11 [№ 12] к № 94) <...> сообщалось: “Всероссийский Союз поэтов открыл цикл Академических вечеров. Состоялось уже два вечера. Выступали: Иван Новиков, О. Мандельштам, Г. Шенгели, И. Аксенов, Б. Пастернак»⁵⁶. В этот же период, 20.11.1923, на торжественном академическом собрании Всероссийского союза поэтов, посвященном пятилетию его

стихотворений и мемуарных свидетельств о нем: *Аксенов И.А.* Из творческого наследия: В 2 т. Т. 2: История литературы, теория, критика, поэзия, проза, переводы, воспоминания современников / Сост. и коммент. Н.Л. Адаскиной, научн. ред. А.Д. Сарабьянов. – М.: РА, 2008. С. 294–319. Здесь же вне всякой связи с «рецензируемым» изданием можно вспомнить соположение посвящений Хлебникову («Вчера его лазурный локоть...») и Аксенову («Там ласковый дымок вьется...») в поэтической подборке еще одного героя МЭ – Бориса Лапина, – по сути, составившей сборник московских эмоционалистов «Молниянин» ([М.]: Московский Парнас, 1922); см.: *Богомолов Н.А.* Материалы к библиографии русских литературно-художественных альманахов и сборников. Том 1. – М.: Лантерна; Вита, 1994. С. 168.

⁵⁴ *Нерлер П.М.* Из дневников и записных книжек // *Нерлер П.* Соп атоге: Этюды о Мандельштаме. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 739. Ранее мемуарист свидетельствовал об этом периоде так: «В самом начале двадцатых годов в “Доме Герцена” <...> два или три раза в неделю собирались литературные объединения. Кажется, по понедельникам “Литературный особняк”, по средам “Литературное звено”, которым руководил профессор Василий Львович Львов-Рогачевский, по четвергам, если не ошибаюсь, объединение “Лирический круг”. В большинстве собирались одни и те же лица. <...> Бывал и Осип Мандельштам. Он не очень серьезно относился к этим собраниям» (*Миндлин Э.Л.* Осип Мандельштам // *Миндлин Э.М.* Необыкновенные собеседники: Книга воспоминаний. – М.: Советский писатель, 1968. С. 93).

⁵⁵ См.: *Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография* / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. Т. 1. Ч. 2: Москва и Петроград. 1921–1922. – М.: ИМЛИ РАН, 2006. С. 427.

⁵⁶ *Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама.* С. 211.

образования, О.М. выступил с чтением своих стихов⁵⁷, а среди других возможных участников юбилейного мероприятия, как стало известно из опубликованных недавно Л.М. Видгофом архивных материалов, в роли чтеца или докладчика предполагался и Аксенов⁵⁸.

Тогда же О.М. бывал у него в гостях⁵⁹, а он, в свою очередь, посещал поэта, – именно к началу 1920-х годов относится свидетельство Н.Я. Мандельштам: «К нам приходил Лопатинский, заглядывал Якулов, остроумный, острый и легкий человек, появлялся [И.А.] Аксенов, желчный и умный»⁶⁰. Регулярно встречался Аксенов с О.М. и во время проживания того в 1932–1933 годах в Доме Герцена; Э.Г. Герштейн вспоминала об этом так: «Теперь к нему чаще заходили люди по пути в Дом Герцена. <...> По утрам часто заходил И.А. Аксенов»⁶¹. И, вероятно, в то же самое время ряд литераторов обратился в Московский городской комитет писателей с ходатайством о зачислении Аксенова на «особое снабжение»; первой под ним стоит подпись О.М., после которой обращение поддержали Мейерхольд, Пастернак, Шкловский, Зенкевич и др. Среди главных достижений Аксенова его коллеги по цеху упоминают «книгу о Пикассо, сыгравшую большую роль в идеологическом развитии современной живописи»⁶² (Пикассо и окрестности. – М.: Центрифуга, 1917), которая была оформлена Александрой Экстер⁶³. Даже с учетом только перечисленных фактов и

---

⁵⁷ С несколько иной формулировкой информация об этом размещена в: Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама. С. 239.

⁵⁸ Архив ИМЛИ. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 94. Л. 2; цит. по: *Видгоф Л.* «Квартирный вопрос». Как Осип Мандельштам жил в Доме Герцена (по архивным материалам) // *Видгоф Л.* Мандельштам и... Архивные материалы. Статьи для энциклопедии. Работы о стихах и прозе Мандельштама. – М.: Новый хронограф, 2018. С. 80. – Совершенно невозможно предположить, по какой именно причине содержащиеся в этом издании обширные биографические материалы о лицах, так или иначе связанных с биографией О.М., не вошли в состав энциклопедии.

⁵⁹ См.: *Видгоф Л.* «Но люблю мою курву-Москву». Осип Мандельштам: поэт и город. – М.: Астрель, 2012. С. 610 (запись № 58).

⁶⁰ *Мандельштам Н.* Вторая книга. С. 142.

⁶¹ *Герштейн Э.* Мемуары. С. 30. Ср.: «В годы вторичного проживания Мандельштама в Доме Герцена Иван Александрович Аксенов был одним из тех людей, с которыми поэт общался часто» (*Видгоф Л.* «Квартирный вопрос». Как Осип Мандельштам жил в Доме Герцена. С. 98).

⁶² *Видгоф Л.* «Квартирный вопрос». Как Осип Мандельштам жил в Доме Герцена. С. 97; там же содержится «реконструкция» и предположительная датировка данного эпизода.

⁶³ На этот факт впервые, кажется, было обращено внимание в публикации: *Парнис А.Е.* Примечания // *Лившиц Б.* Полутороглазый стрелец: Стихотворения, переводы, воспоминания / Сост. Е.К. Лившиц и П.М. Нерлера, подгот. текста П.М. Нерлера и А.Е. Парниса, примеч. П.М. Нерлера, А.Е. Парниса и Е.Ф. Ковтуна. – Л.: Советский писатель, 1989. С. 618. Ранее автору этих строк уже приходилось высказывать предположение о знакомстве О.М. с этим изданием: *Шиндин С.Г.* Мотив французской живописи рубежа XIX–XX веков в художественном мировоззрении Мандельштама // *Миры О. Мандельштама: IV Мандельштамовские чтения: Материалы международного научного семинара, 31 мая – 4 июня 2009 г. Пермь – Чердынь.* – Пермь: Пермский государственный педагогический

названных источников представляется вполне обоснованным утверждение о том, что фигура Аксенова должна быть включена в число тех современников О.М., общение с которыми продолжительное время оказывало формообразующее влияние на его художественное мировоззрение.

Неясным остается то обстоятельство, по какой причине в заметке «**Алексеев-Гай А.Н.**» (П.М. Нерлер) неучтенной оказалась публикация его мемуаров об О.М., состоявшаяся не в газете с весьма противоречивой репутацией, а в академическом издании: *Алексеев-Гай А. Из литературных встреч: Мандельштам // Вопросы литературы. 1990. № 10*, – при том что она нашла свое место в общей библиографии воспоминаний и исследовательских работ о поэте⁶⁴. Не обошлось в тексте и без того, чтобы традиционно не расширить его «хронологические границы» за пределы, установленные требованиями издательства «РОССПЭН»: «После Великой Отечественной войны преподавал в Клайпедском мореходном училище, капитан Экспедиции спецморпроводок судов в 1957–1985» (с. 69, стб. 2).

В статье «**Альтман Н.И.**» (С.Г. Шиндин), к сожалению, неучтенным осталось сочувственное поминание имени художника в навверняка знакомой О.М. публикации – журнальной статье Пунина «Рисунки нескольких “молодых”» (Аполлон. 1916. № 4–5. С. 1–20), затем изданной как отдельный оттиск: *Рисунки нескольких «молодых»* [Н. Альтман, П. Львов, П. Митурич, Н. Тырса, Л. Бруни, М. Соколов]: Иллюстрированная монография. Статья Н. Пунина. – Пг., 1916⁶⁵, – и содержащей репродукцию графического портрета О.М., выполненного в 1915 году Митуричем. Здесь же приходится признаться в том, что не увенчались успехом неоднократные попытки автора этих строк убедить участников редакционной коллегии МЭ в исключительной актуальности статьи о «Квартире № 5» – именно такое неофициальное название получил «литературно-художественный кружок в 1915–1917 гг. в Петрограде. Назван по месту размещения мастерской Л.А. Бруни в здании Академии художеств, в которой молодые художники, поэты и музыканты встречались по вечерам на диспуты об искусстве и литературные чтения. Собрания кружка посещали Н.И. Альтман, Н.К. Бальмонт, К.Л. Богуславская (Пуни), Н.А. Бруни, Н.А. Клюев, И. В. Клюн (Клюнков),

---

университет, 2009. С. 130, прим. 14.

⁶⁴ См.: *Василенко С.В., Зув Д.В., Нерлер П.М.* О.Э. Мандельштам. Библиография на русском языке // Мандельштамовская энциклопедия: В 2 т. Т. 2. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 271, стб. 1.

⁶⁵ См.: *Дмитриев П.В.* Издания журнала «Аполлон»: Материалы для библиографии // *Дмитриев П.В.* «Аполлон» (1909–1918): Материалы из редакционного портфеля. – СПб.: Балтийские сезоны, 2009. С. 100. – В переработанном и расширенном варианте статья вошла в публикацию: *Шиндин С.* Книга в биографии и художественном мировоззрении Мандельштама. I. С. 74–75.

А.С. Лурье, К.С. Малевич, О.Э. Мандельштам, Д.И. Митрохин, П.В. Митурич, В.Е. Пестель, Л.С. Попова, И.А. Пуни, Н.Н. Пунин, О.В. Розанова, В.Е. Татлин, Н.А. Тырса, Н.А. Удальцова, В.В. Хлебникова-Митурич и др. <...> В марте–апреле 1917 г. к кружку примкнули И.М. Зданевич, В.В. Маяковский и др.»⁶⁶. Настойчивость, с которой автор стремился добиться включения материалов об этом творческом объединении в состав энциклопедии, легко объясняется, если соотнести перечень его участников с персоналиями рецензируемого издания. Непосредственное отражение присутствия в кружке О.М. было оставлено Тырсой в письме сестре мая 1915 года: «Каждый раз на четверге Мандельштам читает новые стихи, разбирает и даже поясняет, почему он переделал некоторые варианты так, а не иначе»⁶⁷. Впрочем, что сетовать об отсутствии статьи о «Квартире № 5», когда в МЭ не найти публикаций о «цехах поэтов» – как втором и третьем, так и о тифлисском и московском, об Обществе ревнителей художественного слова («Поэтической Академии») и Обществе поэтов («Физа»), о кубофутуризме и имажинизме, о «Звучащей раковине» и «Литературном звене»...

Еще одну серьезнейшую проблему выводит на поверхность «комментарий» к заметке ««Аониды»» (П.М. Нерлер), которая открывается довольно странной дефиницией: «название не вышедшей книги О.М. Предположительно соответствовала “Tristia” и “Второй книге”» (с. 81, стб. 2)⁶⁸. Но материалы и об этих увидевших свет поэтических сборниках, и обо всех остальных прижизненных авторских изданиях – осуществленных и оставшихся в проектах – в составе энциклопедии отсутствуют, также как и сведения о первых посмертных собраниях стихотворений и прозы на родине поэта и за рубежом. Говорить о гипотетическом хотя бы частичном восполнении таких лакун информацией, фрагментарно рассыпанной по другим статьям, к сожалению, невозможно⁶⁹.

---

⁶⁶ Шруба М. «Квартира № 5» // Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 70; там же – подробная библиография по данной теме.

⁶⁷ Архив семьи Н.А. Тырсы; цит. по: Молок Ю. Ахматова и Мандельштам (К биографии ранних портретов) // Поэзия и живопись: Сборник трудов памяти Н.И. Харджиева. – М.: Языки русской культуры, 2000. С. 292.

⁶⁸ Без объяснения остался и предполагавшийся вариант названия гипотетического сборника, в связи с чем приходится признать еще одно упущение в составе МЭ – отсутствие публикаций о мифологических персонажах. Учесть весь их состав, широко и разнообразно отраженный в художественном мире О.М., разумеется, было бы невозможно, но остановить внимание на главных и наиболее важных для автора представлялось бы целесообразным, тем более что данную лакуну никак не восполняет более чем лаконичная статья «Античность и античные мотивы в творчестве О.Э. Мандельштама» (Г.Ч. Гусейнов).

⁶⁹ В комментируемом тексте содержится весьма показательная опечатка, возникшая в сообщении о том, что «О.М. начал подготовку “Второй книги” в издательстве “Крут” <sic! – С.Ш.>» (с. 82, стб. 1). И этот печальный факт не является частным случаем, но в очередной раз наглядно демонстрирует отсутствие внимания к рецензируемому изданию и со стороны заинтересованного редактора, и со стороны профессионального корректора. К счастью, в

Ощущение авторской торопливости и, как следствие, поверхностности, если не сказать неполноценности, оставляет публикация «**“Аполлон”**» (В.В. Калмыкова), опубликованная в редакции 2008 года и, помимо прочего, содержащая целый ряд фактических ошибок⁷⁰. Полное недоумение вызывает предложенный список «ближайших сотрудников» журнала, где перечислены двадцать восемь представителей самых разных направлений культурной жизни России начала XX века (включая, например, Ахматову и Черубину де Габриак) после чего следует говорящее само за себя «и др.» (с. 82, стб. 1–2). Вслед за этим автор пишет: «Литераторов привлекала не только свобода “Аполлона” от тенденциозности или партийности, но и особая атмосфера, сложившаяся в редакции и в кружке авторов. Обсуждение и критика произведений, разработка планов ближайших номеров и программы в целом производились коллективно» (с. 82, стб. 2). Именно в редакционное окружение, неофициально именовавшееся «молодой редакцией “Аполлона”» с ее совершенно особым, специфическим для того времени характером общения и входили многие из названных в статье «ближайших сотрудников»⁷¹. Широкий круг имен, ни одно из которых нельзя назвать случайным, приводит в этой связи в своих мемуарах Юрий Анненков: «в очень быстрый срок все авангардное русское искусство тех лет объединилось вокруг “Аполлона”, ставшего подлинным центром русской художественной жизни, художественной мысли. В помещении редакции “Аполлона”, на Мойке, постоянно происходили встречи, собрания, споры, чтение стихов, беседы о новом театре, музыкальные вечера... Александр Бенуа, Андрей Белый, Валерий Брюсов, Лев Бакст, Александр Блок, Михаил Кузмин, Алексей Толстой, Вячеслав Иванов, Георгий Иванов, Федор Сологуб, Владимир Пяст, Сергей Городецкий, Мстислав Добужинский, Димитрий Стеллецкий, Иннокентий Анненский <...>, Николай Гумилев, Анна Ахматова, Осип Мандельштам, Сергей Судейкин, Александр Головин, Всеволод Мейерхольд, Николай Евреинов, Федор Комиссаржевский, Сергей Волконский»⁷².

статье В.В. Калмыковой об этом издательстве «одноименной артели русских советских писателей» (с. 229, стб. 1) оно поименовано верно.

⁷⁰ На некоторые из них при обсуждении в Интернете выхода энциклопедии в свет в частном порядке указал П.В. Дмитриев; см. уже упоминавшуюся дискуссию: <https://www.facebook.com/elena.kuranda/posts/1416421671819137>.

⁷¹ Неполный, но впечатляющий перечень участников кружка содержится в публикации: *Шруба М.* «Аполлона» кружок (молодая редакция «Аполлона») // *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 22–23. – Данное издание упоминалось в окончательной авторской редакции статьи (без какой-либо конкретизации) в списке рекомендуемой литературы, но в опубликованном в энциклопедии варианте оно, как нетрудно догадаться, отсутствует.

⁷² *Анненков Ю.* Сергей Маковский // *Анненков Ю.* Дневник моих встреч: Цикл трагедий. В 2 т. Т. 2. – М.: Художественная литература, 1991. С. 231–232. – В ряду перечисляемых имен особого внимания заслуживает

Об особой атмосфере, царившей в редакционном окружении, Иоганнес фон Гюнтер, один из активных участников этого объединения, позднее вспоминал: «В первые месяцы мы каждый день собирались в редакции, где, конечно, было много болтовни. Но иногда это нужно: бывало, что в болтовне рождались большие мысли и в работу редакции вносились значительные вклады. <...> И мы в самом деле были коллективом. Мы часто действовали коллективно. Рукописи, в особенности стихи, зачастую читались коллективно и так же отклонялись. Критика тоже производилась коллективно. И тоже коллективно мы были влюблены в поэтессу Черубину де Габриак»⁷³. Несмотря на кажущееся произвольным утверждение В.В. Калмыковой о том, что такое общение происходило «приблизительно так же, как на заседаниях “Цеха поэтов” (с. 82, стб. 2), в качестве «термина сравнения» более уместными представляются так называемые «собрания “Гиперборея”» – «редакционные встречи сотрудников журнала “Гиперборей” (СПб., 1912–1913. № 1–9/10), проходившие зимой 1912–1913 гг. в Петербурге по пятницам на квартире редактора-издателя М.Л. Лозинского»⁷⁴. Именно о подобном общении как прямом формообразующем начале для художественных взглядов О.М. и можно говорить, тогда как остается только догадываться, что конкретно стало основанием для совершенно аморфного, но безапелляционного утверждения автора комментируемой статьи: «Эстетические позиции “Аполлона” оказали существенное влияние на творчество О.М., в частности на его понимание поэтической свободы» (с. 82, стб. 2). И здесь, вероятно, следовало бы сказать и о более «формальных» объединениях, образовавшихся и активно

последнее из них, – яркой и противоречивой личности Сергея Волконского и его месту в культуре первой четверти XX века в мемуарном очерке о нем Маковский дал почти энциклопедическое определение: «художественный деятель, высоко одаренный писатель-мыслитель и характер исключительного нравственного достоинства. Он выразил лучшие традиции русской культуры, обязанной своим цветением в минувшем веке и в начале XX тому общественному классу в особенности, к которому Сергей Михайлович принадлежал. От предков он унаследовал и пламенное ‘чувство отечества’ и то русское европейство, что озаряет вершины нашей просвещенности со времен Петра» (*Маковский С.К.* Кн. Сергей Волконский (1860–1939) // *Маковский С.К.* На Парнасе Серебряно века. – М.: Наш дом – L'Age d'Homme; Екатеринбург: У-Фактория, 2000. С. 265). Заметка автора данных строк об этом мандельштамовском современнике поступила в распоряжение редакционной коллегии летом 2015 года, но по неизвестным причинам в состав МЭ не вошла. Некоторые аспекты личных и художественных взаимоотношений О.М. и Волконского были рассмотрены «рецензентом» в публикациях: Категория ритма в художественном мировоззрении Мандельштама // «Сохрани мою речь...». Вып. 5. Ч. 2. – М.: РГГУ, 2011. С. 302–306, 330–332; Из «теневого окружения» Мандельштама: Сергей Маковский // *Новый журнал*. 2017. Кн. 288. С. 299–300; Мандельштам и кинематограф // *Toronto Slavic Quarterly*. 2017. № 60. С. 32–33.

⁷³ *Гюнтер И. фон.* Под восточным ветром // Николай Гумилев в воспоминаниях современников / Ред.-сост., комм. В. Крейд. – Париж; Нью-Йорк: Голубой всадник; Дюссельдорф: Третья волна, 1989. С. 132, 135.

⁷⁴ *Шруба М.* «Гиперборея» собрания // *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 43.

действовавших при журнале, таких как «Общество изучения современной поэзии», «Общество ревнителей художественного слова», «Общество для всестороннего изучения риторики как искусства» и др., а также о постоянно проходивших в помещении редакции небольших выставках современных художников, концертах и т.п.⁷⁵.

Вслед за указанием на первую мандельштамовскую публикацию в «Аполлоне» В.В. Калмыкова, избегая каких-либо оценок и характеристик, напоминает об известном факте: «С появлением О.М. в редакции связан анекдот о том, как его привела туда мать» (с. 82, стб. 2)⁷⁶. Некоторое стилистическое несовершенство, отличающее приведенный фрагмент, повторяется в энциклопедической статье неоднократно, причем, как правило, именно в утвердительных авторских формулировках, например: ««Аполлон» отрещивался, с одной стороны, от декадентства и от религиозно-мистического направления в культуре, а с другой – от “слепого новаторства, не признающего никакой преэминентности”», – или: «естественно сближение “аполлонизма” и нарождающегося акмеизма» (с. 82, стб. 1); так же трудно представить себе «Аполлон» отрещивающимся, как акмеизм – нарождающимся. Здесь же нельзя не сказать о том, что рассмотрение роли журнала в процессе становления и развития акмеизма до сих пор не стало предметом более чем актуального самостоятельного исследования. Ни в планировавшийся в первоначальной редакции пристатейный

---

⁷⁵ Очевидно, именно обобщенный образ этих филологических собраний в ироническом контексте был представлен О.М. в «Египетской марке» (1927) при характеристике главного героя, в которой нетрудно проследить явные авторские коннотации: *Выведут тебя когда-нибудь, Парнок, – со страшным скандалом, позорно выведут – возьмут под руки и фьюить – из симфонического зала, из общества ревнителей и любителей последнего слова <...> – неизвестно откуда, – но выведут, ославят, осрамят...* (2, 470–471). Об участии О.М. в первых двух литературно-художественных штудиях см., напр.: *Шруба М.* Общество изучения современной поэзии; Общество ревнителей художественного слова (ОРХС) // *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 147, 157, 158. Среди известных фактов участия О.М. в деятельности этих объединений можно назвать выступление на проходившем 15.12.1916 и 12.1.1917 на заседании Общества изучения современной поэзии обсуждении доклада В.М. Жирмунского об эротических стихотворениях Брюсова; см.: *Кофейня разбитых сердец: Коллективная шуточная пьеса в стихах при участии О.Э.Мандельштама / Публ. Т.Л. Никольской, Р.Д. Тименчика и А.Г.Меца, под общ. ред. Р.Д. Тименчика.* – Stanford: Department of Slavic Languages and Literatures Stanford University, 1997. С. 18, 33 (прим. 52); там же содержится краткий конспект этого выступления, остающийся без внимания современного мандельштамоведения.

⁷⁶ Попытка установления степени достоверности мемуарных свидетельств о данном эпизоде была предпринята автором этих строк в публикации: Из «теневого окружения» Мандельштама: Сергей Маковский // *Новый журнал.* 2017. № 288. Наиболее откровенными и доказательными на сегодняшний день, очевидно, являются сомнения, высказанные о его реальности В.Н. Дранициным в подглавке «Осип Мандельштам и Сергей Маковский: к истории первой публикации поэта в ‘Аполлоне’» еще неопубликованного исследования: «А я вверяюсь их заботе...»: Осип Мандельштам и его «литературные восприемники» на рубеже 1910-х гг. // «Сохрани мою речь...»: Мандельштамовский альманах. Вып. 6 (в печати).

список литературы, ни в ее окончательный вариант не были включены даже немногочисленные публикации на эту тему, например.: *Корецкая И.В.* «Аполлон» // *Корецкая И.* Над страницами русской поэзии и прозы начала века. – М.: Радикс, 1995. С. 354–362; *Лекманов О.* «Аполлон» и акмеизм // *Вопросы литературы.* 1997. № 5 и др.; ср.: *Шиндин С.:* Книга в биографии и художественном мировоззрении Манделъштама. I. С. 41–43; Из «теневого окружения» Манделъштама: Сергей Маковский; [рец. на:] Аполлоновский сборник / Под ред. П.В. Дмитриева. – СПб.: Реноме, 2015. 166 с., илл. // *Новый журнал.* 2017. Кн. 288. С. 362–371; здесь же необходимо учитывать публикацию В.Н. Драницина: «А я вверяюсь их заботе...»: Осип Манделъштам и его «литературные восприемники» на рубеже 1910-х гг. // «Сохрани мою речь...»: Манделъштамовский альманах. Вып. 6 (в печати). Кроме того, библиографию несомненно дополнила бы ссылка на небольшой фрагмент воспоминаний Сергея Маковского: *Маковский С. К.* Николай Гумилев (1882–1921) // *Маковский С.К.* На Парнасе Серебряно века. – М.: Наш дом – L'Аged'Homme; Екатеринбург: У-Фактория. 2000. С. 228–230.

Здесь же может быть отмечен еще один частный аспект, связанный с безоценочной авторской констатацией: «На страницах “Аполлона” впервые увидели свет такие важные статьи-манифесты, как “О прекрасной ясности: Заметки о прозе” Кузмина (1910. № 4), “Наследие символизма и акмеизм” Гумилева, “Некоторые течения в современной русской поэзии” Городецкого (оба текста 1913. № 1) и др.» (с. 82, стб. 2)⁷⁷. В этой связи представляется уместным привести замечание П.В. Дмитриева о неслучайной «программной» тональности многих публикаций в «Аполлоне», особенно на первом этапе его существования: «Стремление заявить свою позицию по ключевым вопросам искусства и художественной политики заставляет редакцию многократно декларировать на страницах журнала свою позицию. Необходимость в таком постоянном утверждении своего художественного идеала (представленного уже в самом названии журнала), способствовала тому, что многие статьи ежемесячника, даже посвященные какому-то конкретному художественному явлению, воспринимались как своего рода манифесты»⁷⁸. Вместе с тем, в таком контексте автору статьи вряд ли следовало избегать указания на то, что именно в описываемом им издании в составе «Писем о русской поэзии» были опубликованы более чем доброжелательные рецензии

---

⁷⁷ В связи с употребленным автором статьи определением «важные» кажется допустимым высказать сомнение в существовании не важных, хотя бы с субъективной точки зрения, «статей-манифестов».

⁷⁸ *Дмитриев П.В.* «Аполлон» (1909–1918): Материалы из редакционного портфеля. – СПб.: Балтийские сезоны, 2009. С. 5; здесь же может быть упомянута еще одна публикация того же автора: Статья Е.А. Зноско-Боровского «Башенный театр» как театральная манифест «Аполлона» // Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. – СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2006.

Гумилева на выход в свет мандельштамовского «Камня» – и первого издания (Аполлон. 1914. № 1–2), и второго (Аполлон. 1916. № 1). Сходную по своей тональности характеристику стихотворения «Polacy!» («Поляки! Я не вижу смысла...», 1914), определенного как «великолепный риторический жест», содержала заметка Георгия Иванова «Испытание огнем (Военные стихи)» (Аполлон. 1914. № 8. С. 55) и др., в том числе, – как упоминалось в публикации «Альтман Н.И», графический портрет О.М., выполненный в 1915 году Митуричем и репродуцированный в открывающей 4–5 номер журнала за 1916 год статье Николая Пунина «Рисунки нескольких “молодых”»⁷⁹. Без внимания остался и факт регулярного обращения поэта в период его воронежской ссылки к библиотечным экземплярам «Аполлона», которыми располагал Сергей Рудаков.

Статья «**Арбенина О.Н.**» (С.Г. Шиндин), увидевшая свет в редакции 2015 года, в расширенном и принципиально переработанном виде, а главное – с учетом профессиональных требований к ее оформлению, стала основой более поздней самостоятельной публикации автора⁸⁰.

В заметке «**Ариосто**» (С. Гардзонио) объектом авторской интерпретации становится «“двойчатка” О.М. “Ариост”, распадающаяся на крымскую (1933) и воронежскую (1935) редакции» (с. 85, стб. 1). Применительно ко второй из них содержательным комментарием может выступать письмо Сергея Рудакова жене, отправленное 30.6.1935 и впервые опубликованное уже после выхода в свет основного корпуса его эпистолярной: *Мец А.Г.* Из писем С.Б. Рудакова к жене (1935–1936) // *Memento vivere: Сборник памяти Л.Н. Ивановой.* – СПб.: Наука, 2009. С. 368–369. Не лишним оказалось бы и включение в список литературы еще одной публикации М.Л. Гаспарова, посвященной этому мандельштамовскому тексту (Вопросы литературы. 2008. № 6). Более широкий контекст представлен в заметке: *Солонович Е.* Поэт-читатель: Ариосто в восприятии Пушкина и Мандельштама // *La poesia russa da Puškin a Brodskij. E ora? Atti del Convegno Internazionale di Studi Roma, 29–30 settembre 2011.* – Roma: Edizioni Nuova Cultura, 2012.

К сожалению, в неокончателном виде опубликована и статья автора этих строк «**Аристотель**», следствием чего явилось отсутствие в ней указания на очевидный факт

---

⁷⁹ Данный портрет, и именно в «аполлоновском» варианте, для некоторых современников стал основой «художественного» восприятия личности О.М.; Сергей Рудаков, например, 4.4.1935 писал жене из Воронежа: «Ему 43 года, выглядит гораздо старше (и старше), но, когда спокоен, – это тот Мандельштам, который нарисован в “Аполлоне» 21-го года и с хохолком» (С. 33–34).

⁸⁰ См.: «Тех европейнок нежных...»: Осип Мандельштам и Ольга Гильдебрандт // Вопросы литературы. 2018 (в печати).

внимания к наследию античного философа, которое отражено в трудах Чаадаева, во втором «Философическом письме» констатировавшего, что Аристотель – «признанный представитель всей той мудрости, какая только была в мире до пришествия Христа». В седьмом письме он утверждал, что древнегреческий мыслитель мог бы «составить одну из самых важных глав новой истории», поскольку «Аристотель до некоторой степени создание нового духа. Вполне естественно было новому разуму в юности под влиянием мучительной и огромной потребности познаний всеми силами привязаться к этому механику ума, который при помощи своих рукояток, рычагов и блоков заставлял мыслительную способность работать с поразительной быстротой. <...> Что касается ума, то это придало ему больше устойчивости и уверенности в себе; ход его развития стал поэтому более уверенным; он усвоил себе приемы, облегчающие движение и ускоряющие его работу»⁸¹.

Не останавливаясь подробно на статье «Армения» (П.М. Нерлер), отличающейся некоторой повествовательной поверхностностью и определенной вторичностью по отношению к другим материалам МЭ, следует лишь напомнить, что своим появлением она обязана Л.М. Видгофу, в комментарии к публикации материалов будущего издания, в частности, отмечавшему «Одно замечание по поводу словника будущей энциклопедии. Ясно, что его состав тщательно продуман, многократно выверялся, ничто, кажется, не упущено. На этом фоне удивительно отсутствие статьи “Армения” (при том, что заявлены статьи “Грузия”, “Италия”, “Германия”, “Франция”, “Украина” и “Кавказ”»⁸². С грустью приходится констатировать, что трудно согласиться и с оптимистической тональностью высказывания автора о «словнике» проекта в целом,

---

⁸¹ Чаадаев П.Я. Философические письма (1829–1830) // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма [В 2 т.] / Сост. и коммент. С.Г. Блинова, Л.З. Каменской, З.А. Каменского и др. – М.: Наука, 1991. Т. 1. С. 347, 428). Рамки и «жанр» настоящей публикации не позволяют соотнести приводимые фрагменты с известным, очевидно, О.М. изданием: Сочинения и письма П.Я. Чаадаева / Под ред. М. Гершензона. [В 2 т.] Т. I. – М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1913, – и более ранними вариантами вышедших в свет чаадаевских текстов. – С известной долей осторожности можно предположить, что присутствующее в статье О.М. «Пшеница человеческая» (1922), определение «исторической» (то есть европейской) земли: *несущая Рим и собор святого Петра, носившая Канта и Гете (2, 251)*, – могло прямо или опосредованно соотноситься с характеристикой, вероятно, одного из аспектов «Философических писем», содержащейся в письме Пушкина Чаадаеву 6.7.1831: «Друг мой, я буду говорить с вами на языке Европы, он мне привычнее нашего <...>. Все, что вы говорите о Моисее, Риме, Аристотеле, об идее истинного бога, о древнем искусстве, о протестантизме, – изумительно по силе, истинности или красноречию» (Письма разных лиц к Чаадаеву // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма [В 2 т.] / Сост. и коммент. С.Г. Блинова, Л.З. Каменской, З.А. Каменского и др. – М.: Наука, 1991. Т. 2. С. 447–448). – В расширенном виде статья «Аристотель» была фрагментарно включена в публикацию: Шиндин С. Книга в биографии и художественном мировоззрении Мандельштама. III // Toronto Slavic Quarterly. 2017. № 59.

⁸² Видгоф Л. Создание Мандельштамовской энциклопедии: первые плоды // Вопросы литературы. 2008. № 6. С. 264.

и с надеждами на его полное и аутентичное воплощение. Так, например, публикация «Германия» (П.М. Нерлер) в одиннадцати строках свелась к следующему: «собирательное название немецкого государства. В Германии О.М. дважды находился продолжительное время: в первый раз – с конца сентября 1909 по март 1910 – в Гейдельберге, где он учился в Гейдельбергском университете; второй – с конца июля по середину октября 1910 – в Берлине вместе с матерью, лечившейся в одной из клиник района Целендорф. Судя по письмам и стихам, О.М. побывал также в Кельне, Франкфурте-на-Майне и Баденвайлере. О.М. хорошо знал немецкий язык, переводил немецких поэтов и писателей (М. Бартеля, Ф. Верфеля, А. Лихтенштейна, Э. Толлера), испытал на себе сильнейшее влияние немецкой культуры, музыки и литературы» (с. 180, стб. 1).

Самостоятельные статьи о Грузии, Италии, Кавказе, Польше (и Варшаве), Украине (в том числе о Киеве и Харькове) и Франции вовсе отсутствуют, но в издании появилась незапланированная ранее статья П.М. Нерлера «Америка» (с. 71–72), основой для которой стало монографическое исследование ее автора⁸³. Нет в МЭ публикаций о Петербурге и Риме (не как о реальном городе, но как об одной из главных категорий художественной модели мира О.М.) и о так или иначе связанных с биографией поэта самых разных населенных пунктах: Алушта⁸⁴, Белый Вал, Зегевольд, Верхние и Нижние Отузы, Калинин, Коктебель, Мустамяки, Райвола, Ростов, Старая Русса, Тамбов, Феодосия, а также районные центры Воронежской области, в которых О.М. побывал во время работы над предполагавшейся «книгой о деревне», и др. Но при этом в энциклопедии присутствуют многочисленные заметки о менее значимых «топографических координатах»: от совершенно бессодержательных публикаций, как правило, самого невысокого качества, – «Беатенберг», «Жагоры», «Чердынь», «Ялта» – до кажущихся совершенно периферийными – «Владивосток», «Генуя», «Судак» и др.⁸⁵

Чтобы наглядно продемонстрировать, о чем именно идет речь, автор данных комментариев позволит себе в очередной раз нарушить организующую их алфавитную

---

⁸³ См.: *Нерлер П.* Осип Манделъштам и Америка / 2-е изд., испр. и доп. – М.: Вердана, 2012.

⁸⁴ Вряд ли кто станет сомневаться в том, что совершенно неслучайно этому небольшому населенному пункту и происходившим в нем событиям опосредованно посвящено коллективное монографическое исследование: Кофейня разбитых сердец: Коллективная шуточная пьеса в стихах при участии О.Э.Манделъштама. С. 7–19 сл.

⁸⁵ В связи с первой из перечисленных заметок приходится обратить внимание на присутствие в ней непредусмотренного правилами оформления двойного написания даты, когда пребывание О.М. в Беатенберге «упоминается в письме В.И. Иванову от 13(26).8.1909» (с. 113, стб. 2). Разумеется, никакого критического характера данный факт не носит, но он в мельчайшей детали наглядно демонстрирует ту неоднородность, непоследовательность и неорганизованность опубликованного варианта МЭ в большом и в малом, о которых приходится говорить постоянно.

последовательность и полностью процитировать более чем лапидарную «заметку» «Чердынь» (П.М. Нерлер): «город-райцентр Свердловской области (ныне Пермского края); на реке Колве, притоке Вишеры. Место первоначальной ссылки О.М. (со 2 по 14.6.1934), замененное на Воронеж. На здании больницы, где жили О.М. и Н.Я. Мандельштам по приезде в Чердынь (из ее окна О.М. в припадке посттюремного психоза выбросился, повредив руку), установлена мемориальная доска (первая версия – деревянная; современная – гранитная – открыта в 2009), имеется также памятный знак в честь О.М. (открыт в 2016). В Чердыни дважды проходили Мандельштамовские чтения (в 2009 и 2016)» (с. 530, стб. 1–2). Не останавливаясь на факте возникающего из-за авторского легкомыслия эффекта надления этого населенного пункта окном, следует отметить откровенно краеведческую тональность процитированной заметки, ничего не прибавляющую к ее содержанию. Без внимания П.М. Нерлера осталось и прямое упоминание этого провинциального городка в одном из самых спорных для исследователей стихотворении О.М. «Стансы» («Я не хочу среди юношей тепличных...», 1935): *Подумаешь, как в Чердыни-голубе, / Где пахнет Обью и Тобол в раструбе, / В семивершиковой я метался кутерьме!* (3, 95). По совершенно непонятной причине автор не называет собственную статью: *Нерлер П.* Чердынская ссылка Осипа Мандельштама: источники и наброски к теме // *Миры Осипа Мандельштама. IV Мандельштамовские чтения: Материалы международного научного семинара, 31 мая – 4 июня 2009 г. Пермь – Чердынь.* – Пермь: Пермский государственный педагогический университет, 2009, – вошедшую затем составной частью в более позднюю публикацию: *Нерлер П.* «На Каме-реке...»: уральские волны Мандельштама // *Нерлер П.* *Соп амоге: Этюды о Мандельштаме.* – М.: Новое литературное обозрение, 2014. Кстати, первое из упомянутых изданий включает в себя еще две публикации на данную тему: «Чердынь и чердынский край в 30-е годы» Г. Чагина и «Чердынская городская больница в 30-е годы» Я. Кунтура⁸⁶.

Четырехстрочная заметка «Ялта» (П.М. Нерлер) является, пожалуй, самой лаконичной в МЭ: «курортный город на южном берегу Крыма. В 1923 О.М. и Н.Я. Мандельштам отдыхали в Гаспре близ Ялты. В середине 1920-х гг. в Ялте неоднократно лечилась Н.Я. Мандельштам. Сам О.М. был с ней в Ялте в ноябре 1925 – январе 1926 и в июне–октябре 1928» (с. 573, стб. 1). Как ни странно, но без упоминания остался тот

---

⁸⁶ Образцовым в этом контексте можно назвать «топографический комментарий» к биографии и творчеству Пастернака; см.: *Абашев В.В.* Пермские реалии в произведениях Бориса Пастернака (материалы для комментария) // «Любовь пространства»: Поэтика места в творчестве Бориса Пастернака. – М.: Языки славянской культуры, 2008. Собственно краеведческие фактографические материалы содержит специализированное издание: *Архитекторы и архитектурные памятники Пермского Прикамья: Краткий энциклопедический словарь.* – Пермь: Книжный мир, 2003.

факт, что 25.8.1928, в годовщину трагической смерти Гумилева, О.М., находясь в Ялте, совместное с Павлом Лукницким написал обращенное к Ахматовой письмо, в котором оставил хорошо известное признание: *я обладаю способностью вести воображаемую беседу только с двумя людьми: с Николаем Степановичем и с вами. Беседа с Колей не прервалась и никогда не прервется* (4, 101). Сам он в это время был занят переводом романов Майн Рида, что определил в письме следующим образом: *пишем Вам с П.Н. Лукницким из Ялты, где все трое ведем суровую трудовую жизнь* (4, 101). К этой же дате относится письмо Н.Я. Мандельштам тому же адресату, где, в частности, говорится: «Нам грустно в Ялте и хочется домой. <...> Все мы – и О.Э. и П.Н, и я ведем трудовую жизнь»⁸⁷. Под трудовой жизнью в обоих случаях понимается переводческая работа: «В Ялте Мандельштамы переводили романы Майн Рида по договору с издательством ЗИФ»⁸⁸. Не напомнил автор «заметки» и о том, что тогда же, во время пребывания в Ялте, О.М., очевидно, отыскал могилу Недоброво, о чем позднее рассказал Ахматовой⁸⁹. Отсутствие в публикации П.М. Нерлера этих сведений, которые ни при каких условиях нельзя назвать периферийными, не заслуживающими внимания биографов и исследователей, вероятно, объясняется той поспешностью и следующей из нее неорганизованностью, которыми сопровождалась подготовка МЭ к изданию в 2015–2017 годах⁹⁰.

Приведенные примеры и связанные с ними обстоятельства – неизбежные потери в информационном пространстве энциклопедии – никак нельзя отнести к числу малозначимых, тем более в том случае, когда речь идет о литераторе, утверждавшем: «Я – горожанин»⁹¹, – а в очерке «Шуба» (1922) признававшимся: *Хочется мне на Крещатик, на Арбат, на Пречистенку. Хочется и в Харьков, на Сумскую, и в Петербург на Большой проспект, на какую-нибудь Подрезову улицу. Все города русские смешались в моей памяти и слиплись в один большой небывалый город <...>, где*

---

⁸⁷ Цит. по: Нерлер П. и др. Комментарии // Мандельштам О. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4: Письма / Сост. П. Нерлер, А. Никитаев, Ю. Фрейдин, С. Василенко. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1997. С. 392.

⁸⁸ Мец А.Г. Комментарии // Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем: В 3 т. Том 3: Проза. Письма / Сост., подгот. текста, коммент. А.Г. Меца, подгот. текста и коммент. К.М. Азадовского и др. – М.: Прогресс-Плеяда, 2011. С. 794; ср. в записи Павла Лукницкого, касающейся разговоров с О.М. на эту тему: Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама. С. 309 (15–17 августа).

⁸⁹ См.: Мандельштам Н. Воспоминания. С. 633.

⁹⁰ Непосредственно с «Ялтой» связана точно такая же по объему «заметка» «Гаспра» (П.М. Нерлер): «поселок на Южном берегу Крыма, в 12 км западнее Ялты. В августе–сентябре 1923 О.М. и Н.Я.Мандельштам отдыхали здесь в Доме отдыха ЦЕКУБУ. Здесь была написана значительная часть прозы “Шум времени”» (с. 176, стб. 2). Более чем странным кажется не только отсутствие в тексте указания на время создания художественных воспоминаний О.М., но и довольно оригинальная «атрибуция» их жанровой принадлежности.

⁹¹ Герштейн Э. Мемуары. С. 11.

Крещатик выходит на Арбат и Сумская на Большой проспект. – Я люблю этот небывалый город больше, чем настоящие города порознь, <...> словно в нем родился, никогда из него не выезжал (2, 246); подробнее этот структурно-семантический комплекс рассмотрен в статье автора настоящих заметок «Город». На более абстрактном уровне приходится констатировать, что данный «топографический» локус – один из самых ярких примеров абсолютной неорганизованности, бессистемности, если не сказать полной случайности и хаотичности образующих МЭ материалов. И какими бы причинами и обстоятельствами это ни было вызвано, невозможно представить себе, как редакторы-составители могут не отдавать себе отчет в том, что, наделяя издание подобного рода «дифференциальными признаками» академического, они полностью дискредитируют его как наукоемкий проект...

Под литерой «Б»...

В краткой, но емкой и разносторонней статье «**Бабель И.Э.**» (И.Е. Лоцилов, Ю.Л. Фрейдин) вследствие публикации ранней редакции в списке литературы отсутствует недавно увидевшее свет исследование одного из ее авторов: *Фрейдин Г.* Сидели два нищих, или Как делалась русская еврейская литература: Бабель и Мандельштам // Знамя. 2015. № 5. Единственная неточность, на которую необходимо обратить внимание, относится к сфере фактографической: по утверждению авторов, «О.М. ссылался на прозу Бабея как эталон сказа во внутренней рецензии на книгу Н. Огнева (М.Г. Розанова) “Разбойничий форпост (Дневник Кости Рябцева)” (издательство “Федерация”, 1929)» (с. 98, стб. 2); в действительности речь должна идти о рецензии «Сквозь розовые очки», без подписи автора 5.9.1929 опубликованной в газете «Московский комсомолец»⁹².

Небольшая заметка «**Бабин Б.В.**» (Я.В. Леонтьев, П.М. Нерлер) не просто относится к числу тех печальных примеров, в которых присутствие О.М. сведено до абсолютного минимума, но представляет собой, пожалуй, самое яркое проявление этого в масштабах всего издания: «Бабин был репетитором О.М.»; не спасает ситуацию продолжение этого фрагмента: «позднее занимался и с его братьями, причем младший брат Евгений характеризовал Бабина как человека большой душевной стойкости и благородства» (с. 99, стб. 2). В целом тридцатистрочная публикация содержит только подробную биографию ее героя, правда, в ней присутствует и такой факт: «В 1913

---

⁹² См.: *Нерлер П., Никитаев А.* Комментарии // *Мандельштам О.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2: Стихи и проза. 1921–1929 / Сост. П. Нерлер, А. Никитаев. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993. С. 643.

женился на Берте Александровне Змойро (1894–1983). <...> Новый 1925 год Бабин и Б.А. Змойро встречали вместе с О.М. и Н.Я. Мандельштам» (с. 99–100). Не следуя практике профессора Преображенского и не пытаясь выяснить, кто на ком стоял (точнее, кто же с кем праздновал наступление нового года), необходимо указать, что источником приведенной информации (традиционно отсутствующим в тексте) послужили, вероятно, воспоминания вдовы поэта. Однако ситуация в этом отношении остается не вполне ясной, – в ее свидетельстве нет прямых указаний ни на дату происшедшего, ни на имена его участников: «Приближался Новый год. К нам пришли встречать Лившицы и друзья Мандельштама по дому Синани, случайно приехавшие из Москвы», – а в сопутствующем ему примечании со спартанским лаконизмом констатируется: «Б.В. Бабин и его жена Б.А. Бабина»⁹³. Иначе отражено данное событие в письме Б.А. Бабиной (1982) А.Г. Мецу: «В 1925 году мы ездили в конце декабря в Ленинград и встречали Новый Год у Осипа Эмильевича с Надеждой Яковлевной. <...> Тот Нов. Год мы встречали у них вчетвером, было очень хорошо и приятно. Осип Эмильевич читал много стихов, и своих, и античных переводов, которыми в то время с увлечением занимался»⁹⁴. Не вызывают уверенности в своем непосредственном обращении к фигуре поэта и сопровождающие рассмотренную заметку библиографические источники.

Столь же лаконичная публикация «Багрицкий Э.Г.» (В.Г. Беспрозванный), тем не менее, в своей краткости содержит перечисление основных параллелей в биографии двух столь непохожих друг на друга поэтов. Вместе с тем, без указания остается главный, очевидно, факт – устойчивая «генетическая зависимость» поэзии Эдуарда Багрицкого от творчества О.М., сопоставимая разве что с аналогичным статусом, которым литературная критика, а позднее и филологическая наука наделяли Константина Вагинова. Стихотворения молодого поэта прямо сравнивались с художественным опытом О.М. уже в первых критических откликах (что, кажется, не привлекало еще внимания в мандельштамоведении). Так, в развернутой рецензии на выход альманаха «Седьмое покрывало» Марк Слоним впервые, очевидно, сопоставил ранние эксперименты Багрицкого с «акмеистическими» стихами старшего поэта: «У

---

⁹³ Мандельштам Н. Вторая книга. С. 225, 662.

⁹⁴ Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама. С. 257. Там же содержится следующий комментарий составителя: «У автора письма неточность в дате. В декабре 1925 – начале января 1926 года Мандельштамов в Ленинграде не было. Вероятный правильный год в письме –1924-й». Представляется совершенно невозможным определить, какие именно переводы античных авторов подразумевает мемуаристка; может быть, речь идет о работе над старо-французским эпосом. – Здесь же следует отметить вероятную опосредующую для О.М. связь фигуры Бабина с героем другой публикации – «Гастев А.К.» (С.Г. Шиндин).

него замечается работа над стихом, стремление к сжатости, четкому рисунку и лаконической глубине. Несомненная талантливость соединяется у него с тем, что называют “культурой стиха”. <...> Его “О кофе сладостный” и “Бог шашечной игры” показывают влияние Мандельштама (“спортивные” стихи)»⁹⁵. А в вышедшем осенью 1922 года седьмом номере журнала «Печать и революция» в обзоре Брюсова «Вчера, сегодня и завтра русской поэзии», в частности, говорилось: «“Очертить круг неоакмеистов не легко, так как они никогда не имели собственного журнала или иного органа. По-видимому, их некоронованным королем можно считать О. Мандельштама, стихи которого всегда красивы и обдуманно. Но далее следует длинная вереница поэтов, которые, может быть, станут негодуяюще протестовать против зачисления их в число неоакмеистов. Всё же такими представляются нам многие поэты одесских и киевских изданий 1919–1921 гг., как: Э. Багрицкий, В. и Н. Ма[к]кавейские, Ю. Олеша и др.”»⁹⁶. Более серьезен в подобном сближении двух поэтов был воронежский собеседник О.М. Сергей Рудаков, который 12.1936 писал жене: «вот об М(андельштаме) – главное скажу, повторю еще раз. Важно, что работа над ним идет в разрезе освоения сейчас критикой <...> акмеистического наследия. В этом же направлении буду с Союзом говорить. Основной тезис: реализм и его ущерб в ранние годы. К нему пути М(андельштама), а рядом учеников: Багрицкого, Тихонова, Луговского, Антокольского. <...> Скоро выходит 2-х-томник Багрицкого – вот бы достать»⁹⁷.

В противоположность этому, позднее Георгий Иванов оставил относящуюся к периоду Первой мировой войны характеристику подчеркнуто оценочного характера (которую традиционно нельзя принимать безоговорочно), где парадоксальным образом опосредованно связал стихотворные опыты О.М. начала 1920-х годов с поэзией Багрицкого: «Уже не Петербург, а Москва, Крым, Одесса, Грузия, Киев, перехлестывающие, захлестывающие волны всяких политических и литературных влияний и никакой опоры, никакой опеки. Среди этих влияний, в которые, как в океан, попадает Мандельштам, оказались и благотворные – так называемая ‘Южно-русская школа’ – кружок преданных поэзии одаренных молодых людей: Ю. Олеша, В. Катаев,

---

⁹⁵ Слоим М. «Седьмое покрывало» одесских поэтов // Одесский листок. 1916. 4 сент. С. 5–6; цит. по: Луцкий С.З. Чудо в пустыне: Одесские альманахи 1914–1917 годов // Дом князя Гагарина: Сборник научных статей и публикаций. Вып. 3. Ч. I. – Одесса: ЗАО «ПЛАСКЕ», 2004. С. 184–186; ср.: Шиндин С. Габриэль Гершенкройн: штрихи к портрету. Часть II // Новый журнал. 2016. Кн. 285. С. 279–280, прим. 12.

⁹⁶ Цит. по: Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама. С. 218.

⁹⁷ О.Э. Мандельштам в письмах С.Б. Рудакова к жене (1935–1936). С. 147; там же содержится комментарий к последней приведенной фразе письма: «1-й том вышел в 1938 г., издание второго не осуществилось».

А. Фиолетов, Э. Багрицкий, еще некоторые. Потом Марина Цветаева и Макс Волошин в Крыму. Эти общения, я думаю, помогли Мандельштаму создать ‘Tristia’ – прекрасный взлет перед падением, гибельным пожаром, катастрофой его таланта»⁹⁸. Но при этом в печати присутствовало и прямое противопоставление поэтов; так, например, 11.5.1933 в «Литературной газете» был опубликован «пародийный на диспут о поэзии (проходивший в рамках дискуссий перед организационным съездом Союза писателей) “стенографический отчет” А. Архангельского “Когда потребует поэта...” <...>: <...> “мы видим, что в “Новом мире” / Печатаются Мандельштам и Клычков, / Но, с другой стороны, нет там Асеева, / Мы не видим Багрицкого / <...>. Это наводит на грустные размышления”»⁹⁹.

В 1920 году стихи О.М. и Багрицкого соседствовали в феодосийском альманахе «Ковчег» (см. одноименную статью Е.М. Голубовского), но при этом сведения о личном общении двух поэтов отсутствуют. Единственное, видимо, исключение – сравнительно недавно введенное в научный оборот письменное свидетельство Николая Харджиева о его знакомстве с О.М. осенью 1928 года именно в доме Багрицкого, где он тогда временно проживал: «М[андельштам] приехал в Кунцево с Зенкевичем. Беседа была многочасовая, пили вино, сочиняли шуточные экспромты на мотив ‘Гаврилы’. Тогда же М[андельштам] предложил Багрицкому и Х[арджиеву] встретиться в Москве, у Адуева. Встреча состоялась»¹⁰⁰. В.Г. Беспрозванный, не указывая источников, называет другую дату, более абстрактную: «Личное знакомство поэтов состоялось после переезда Багрицкого в Москву из Одессы (август 1925)» (с. 100, стб. 1)¹⁰¹.

---

⁹⁸ Иванов Г. Осип Мандельштам // Иванов Г.В. Собрание сочинений: В 3 тт. Т. 3: Мемуары. Литературная критика / Сост., подгот. текста Е. В. Витковского, В. П. Крейда. – М.: Согласие, 1994. С. 619–620.

⁹⁹ Цит. по: Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама. С. 382.

¹⁰⁰ Цит. по: *Нерлер П.* Первый старатель (Николай Харджиев) // *Нерлер П.* Con amore: Этюды о Мандельштаме. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. Сс. 674–675.

¹⁰¹ Еще одно, уже собственно типологическое сближение художественных особенностей двух авторов оказывается возможным на основании воспоминаний Л.Я. Гинзбург, запечатлевшей индивидуальную манеру чтения своего земляка: «Думаю, что настоящий поэт всегда читает свои стихи именно так, как нужно, несмотря на отсутствие техники, несмотря даже на недостатки произношения. <...> Но есть поэты, у которых дар чтения – это второй дар, занимающий особое место в их творческой жизни. Таким был Багрицкий» (*Гинзбург Л.Я.* Встречи с Багрицким // *Гинзбург Л.* Человек за письменным столом: Эссе. Из воспоминаний. Четыре повествования. – Л.: Советский писатель, 1989. С. 364). Как хорошо известно, столь же глубоко индивидуальная манера чтения была отличительной чертой О.М.; см., напр.: *Шиндин С.* Категория ритма в художественном мировоззрении Мандельштама // «Сохрани мою речь...». Вып. 5. Ч. 2. – М.: РГГУ, 2011. Применительно к Багрицкому Гинзбург там же (с. 365) отмечала его специфическое отношение к ритмической организации поэтического текста: «По всему своему психическому складу, по восприятию жизни Багрицкий был в высшей степени поэтом – с превосходным пониманием поэтического дела, со страстной любовью к стиху произносимому. Казалось, он был переполнен ритмами (хотя писал медленно и трудно). Не музыка прежде всего, а именно ритм. Не мелодичность, поглощающая

Статья «Бах И.С.» (Г.Э. Киршбаум) также является редакцией 2008 года, только в список литературы внесено одно дополнение – более поздняя публикация ее автора. В целом текст представляет собой традиционное для данной тематики балансирование между собственно биографическим контекстом и интерпретацией мандельштамовских произведений, далеко не бесспорной, но подаваемой в утвердительной форме. Как всегда бывает в тех случаях, когда речь заходит об отражении в художественном мире О.М. личности Баха и его творчества, упомянутым оказывается Борис Кузин: «Любовь к Баху объединяла О.М. и Б.С. Кузина («Путешествие в Армению», 1933): “Б.С. <...> пуще всего на свете любил Баха, особенно одну инвенцию, исполняемую на духовых инструментах и взвивающуюся кверху, как готический фейерверк”» (с. 112, стб.1)¹⁰². И также, как всегда, пропущенным оказывается откровенный и самый глубокий комментарий мандельштамовского восприятия музыкального наследия Баха, представленный в поздней философской прозе Кузина, утверждавшего: «О Бахе нельзя сказать, что ты его любишь или обожаешь. Бахом можно только жить»; аналогичные определения, строящиеся на самой границе ценностной шкалы, присутствуют и во всех случаях обращения к деталям баховского творчества. Не будет преувеличением сказать, что Кузин совершенно осознанно и мотивированно относит фигуру Баха к числу величайших представителей человечества: «В музыке Баха, как ни в чем другом созданном человеком, достигнута высшая ступень красоты, т.е. чистейшей поэзии, и высшая ступень морали. <...> Что говорит Бах? – Это совершенно точно знают те, кого судьба наградила способностью воспринимать его музыку». Как следствие – пристрастное и исключительно критическое отношение современника к метафорическим мандельштамовским характеристикам Баха: «говоря о Бахе, Мандельштам <...> следовал только традиции. Он, несомненно, любил музыку, часто посещал концерты, но, как мне всегда казалось, музыка не была его родной стихией. В раннем (1913 г.) стихотворении “Бах” все совершенно традиционно: “А ты ликуешь, как Исая, / О рассудительнейший Бах”. Баховское ликование не Йсайино, насквозь ветхозаветное, плотское, самоупокоенное и грозящее, а сам Бах не рассудительнейший. Какая же рассудительность раздумье, то светлое и ясное, то меланхоличное, то полное таинственного ожидания, глубокого умиротворения? Всегда созерцание, размышление,

---

слово, а ритм, его выделяющий. Он так и читал, с особой ритмической раскачкой. <...> – Ритмы Багрицкого выражали его жизненный напор. <...> – Ритмы Багрицкого, его узнаваемая интонация помогали сплавлять разнохарактерные элементы в единый поэтический образ». И здесь параллели с мандельштамовским отношением к ритму во всех его проявлениях – от собственно стиховедческого до экзистенциального – также очевидны.

¹⁰² Ошибка в датировке «Путешествия в Армению», писавшегося в 1931–1932 годах, из черновой редакции так и перекочевала в печатный вариант статьи.

никогда не рассуждение, не логическая цепь». Столь же требовательно оценивается и процитированное выше мандельштамовское определение «одной инвенции», тогда как Кузин конкретизирует сказанное: «пьеса, исполняемая на дудочках, о которой говорит Мандельштам, – не что другое, как 2-ой бранденбургский концерт! Я пишу это не в обиду ни за себя, ни за Баха, но чтобы показать, что О.Э. говоря о нем, имел перед глазами его традиционный портрет»¹⁰³. Попутно приходится сказать, что статья об этом блестящем современнике поэта, общение с которым на протяжении 1930-х годов имело для О.М. неопределимое значение, в состав энциклопедии, к самому глубокому сожалению, не вошла. Как, впрочем, и публикации о Михаиле Карповиче и Сергее Каблукове, Константине Мочульском и Давиде Выгодском, Леониде Гроссмани и Павле Лукницком... и о многих других.

Какая именно из редакций промежутка 2007–2015 годов явилась основанием для публикации «Бедье Ж.» (С.Г. Шиндин, П.М. Нерлер), сказать затруднительно, но главная проблема заключается том, что за все это время соавторами так и не был решен вопрос об уточнении года рождения героя данной заметки: 1863 или 1864. В неизменном виде осталась эмоциональная по своему звучанию дефиниция: «выдающийся французский филолог, специалист по средневековой французской литературе» (с. 113, стб. 2), – вместо предлагавшегося варианта: «французский филолог, один из основоположников современной науки о средневековой французской литературе»¹⁰⁴. Неясными представляются следующие далее топографические и билингвистические предпочтения соавторов: «В 1883 закончил Высшую всеобщую школу в Париже (École Normal Supérieure), в 1893 защитил кандидатскую диссертацию. В 1903, после работы в университетах <sic... – С.Ш.> Фрибура (Швейцария) и Каена, а также в Высшей всеобщей школе, возглавил кафедру средневековой французской литературы в Коллеж де Франс» (с. 113, стб. 2). По какой причине наименования на родном языке удостоилось только одно учебное заведение и почему именно оно, сказать проблематично, хотя подобные двуязычные казусы возникают в статьях

---

¹⁰³ Кузин Б.С. Орбита Баха // Б.С. Кузин: Воспоминания. Произведения. Переписка. Н.Я. Мандельштам: 192 письма к Б.С. Кузину. 1937–1947 / Сост., подгот. текстов, примеч. и коммент. Н.И. Крайневой и Е.А. Пережогойной. – СПб.: ИНАПРЕСС, 1999. С. 209–210, 216. – Неучтенным остался в статье «локальный» комментарий Н.Я. Мандельштам к «Молодости Гете» (1935): «О.М. читал Готшеда. Говорил, что иногда звучит, как Бах» («Любил, но изредка чуть-чуть изменял»: Заметки Н.Я. Мандельштам на полях американского «Собрания сочинений» Мандельштама / Подгот. текста и публ. Т.М. Левиной, примеч. Т.М. Левиной и А.Т. Никитаева // Philologica. 1997. № 4. С. 173).

¹⁰⁴ Также думается, что в 1937 году Бедье все-таки был награжден Орденом Почетного Легиона, а не просто получил его.

регулярно¹⁰⁵. Безвозвратно потерянными оказались содержащиеся в заключительной части заметки библиографические ссылки: «Исследователями уже была отмечена фактографическая ошибка О. М. [см.: *Левинтон Г.А.* Город как подтекст (из «реального» комментария к Мандельштаму) // *ПОЛУТРОПОН: К 70-летию Владимира Николаевича Топорова*. М., 1998. С. 752]: к моменту написания мандельштамовской рецензии реконструкция Бедье была переведена АА. Веселовским (сыном А.Н. Веселовского); см: *Бедье Ж.* Тристан и Изольда / Пер. с франц. А.А. Веселовского под ред. и с введ. акад. А.Н. Веселовского. СПб, 1903 [вышла, видимо, в 1904; см.: Памяти акад. А.Н. Веселовского по случаю десятилетия со дня его смерти (†1906 – 1916). Пг., 1921. С. 52 (№ 268)]. В рецензии Бедье определен О.М. в качестве “главаря теперешней романтики”; по убедительному предположению Г.А. Левинтона (Романия и романистика у Мандельштама // *Res philological-2: Сборник статей памяти академика Георгия Владимировича Степанова. К 80-летию со дня рождения (1919–1989)*. СПб., 2000. С. 204), данная фраза содержит опечатку и вместо «романтики» должна читаться “романистика”».

В редакции весны 2009 года опубликована статья «**Бетховен Л. ван**» (С.Г. Шиндин), хотя в конце 2015 года редколлегия располагала несколько отличающимся вариантом, в частности, учитывающим «бетховенский топос», реконструируемый на материале повести О.М. «Египетская марка» (1928)¹⁰⁶. Все библиографические ссылки в тексте удалены (по случайности, вероятно, сохранилась только та, где соавтором является один из членов редакционной коллегии), по причине чего, например, одна из цитат выглядит следующим образом: «По мнению современного исследователя, О.М. был хорошо знаком и с конкретными фактами биографии Бетховена, а ряд мандельштамовских образов навеян бетховенской “иконографией”» (с. 123, стб. 1); в реальности подразумевается публикация: *Кац Б.* В сторону музыки: Из музыковедческих примечаний к стихам О.Э. Мандельштама // *Литературное обозрение*. 1991. № 1. С. 69–70. И только по вине автора статьи в нее не вошло живописное

---

¹⁰⁵ Самый яркий в своей парадоксальности случай, безусловно, содержится в полном наименовании одной из статей: «Гейдельбергский университет им. Его Высочества великого герцога Баденского Карла Рупрехта (Carolina Ruperto)» (с. 178, стб. 2). Здесь же приходится с грустью констатировать, что гейдельбергяна рецензируемого издания требует отдельного разговора.

¹⁰⁶ Речь идет о комментированном издании: *Мандельштам О.* Египетская марка: Пояснения для читателя / Сост. О. Лекманов, М. Котова, О. Репина и др. – М: ОГИ, 2012 (по им. ук.). В этом контексте, несомненно, должна быть названа содержательная статья Б.А. Каца «Из заметок о “нотном отступлении” в “Египетской марке”», все еще ожидающая выхода из печати очередного, шестого выпуска сборника материалов «Сохрани мою речь...». Вариант статьи составил одноименную публикацию в издании: *Русско-французский разговорник, или / ou Les Causeries du 7 septembre: Сборник статей в честь В.А. Мильчиной.* – М.: Новое литературное обозрение, 2015.

мемуарное свидетельство Н.Я. Мандельштам о Шкловском, который «ломал голову, что бы ему сделать для О.М. <...>... Поздней осенью он раздобыл для О.М. шубу. У него был старый меховой – из собачки – полушубок, который в прошлую зиму таскал по нищете Андронников, человек-оркестр. Но он успел выйти в люди и обзавестись писательским пальто, и Виктор вызвал его к себе вместе с полушубком. Обряжали О.М. торжественно, под Бетховена, которого высвистывал Андронников»¹⁰⁷.

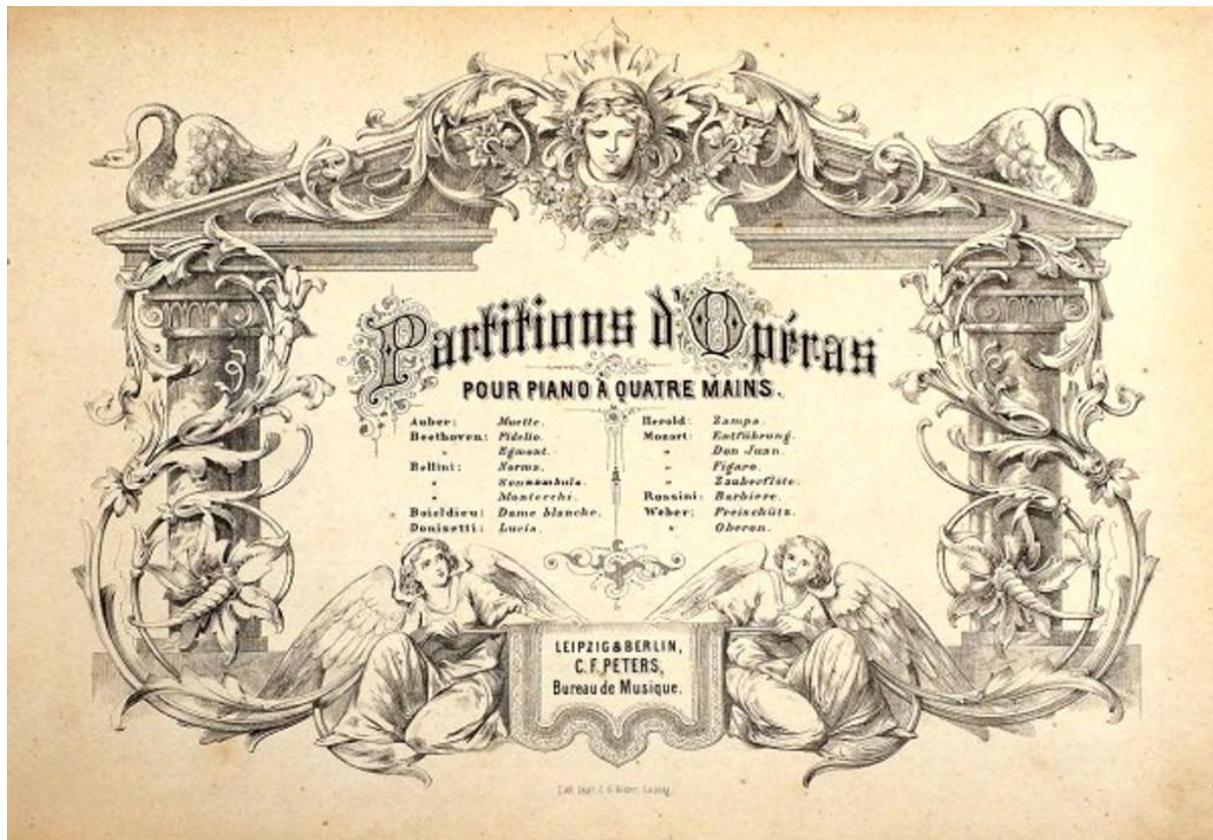
Еще весной 2008 года, на этапе редакции так называемой «буквицы», Н.А. Богомолов обратил внимание автора этих строк на тот факт, что мандельштамовский интерес к бетховенскому творчеству мог находиться в прямой зависимости от музыкальных пристрастий Вячеслава Иванова, для которого наследие великого немецкого композитора являлось безусловной музыкальной доминантой¹⁰⁸. В таком контексте заслуживает внимания тот факт, что тонкий знаток искусства Е.И. Боричевский (1883–1934 или 1935) включил стихи обоих поэтов в состав уникального антологического собрания «Мир искусств в образах поэзии: Архитектура, скульптура, живопись, танец, музыка (М.: Работник просвещения, 1922), которое, по сути, представляет собой первый (и, очевидно, до сих пор единственный) в отечественной культуре опыт издания, полностью ориентированного на отражение традиции экфрасиса не только в русской, но и – фрагментарно – мировой поэзии. В разделе «Музыка» О.М. был представлен стихотворением «Бах» («Здесь прихожане, дети праха...», 1913), а Иванов – своими известными музыкальными «манифестами» «Beethoveniana» («Снилось мне: сквозит завеса...») и «Missa-Solennis, Бетховена» («В дни, когда святые тени...»)¹⁰⁹. И также Н.А. Богомолов указал автору этих строк на размещенный в электронном каталоге аукционного дома «Литфонд» (лот № 157) неизвестный ранее автограф О.М., оставленный им на подаренном неустановленному лицу издании нот единственной оперы Бетховена

---

¹⁰⁷ Мандельштам Н. Воспоминания. С. 440. В приведенном фрагменте фигурируют музыкальные «опыты» Ираклия Андронникова.

¹⁰⁸ Согласно интерпретации современного исследователя, творчество Бетховена выступало для Иванова родоначальником его теургической концепции новой музыки, которую столь же органично составили произведения Вагнера и Скрябина; см.: *Зенкин К.В.* Музыка в философско-эстетических воззрениях Вячеслава Иванова. Прогнозы и реальность // Вячеслав Иванов – творчество и судьба: К 135-летию со дня рождения. – М.: Наука, 2002. С. 299–300. В ивановской статье «Вагнер и Дионисово действо» (1905) Бетховен был опосредованно определен как «зачинатель нового дионисийского творчества и первый предтеча вселенского мифотворчества» (*Иванов Вяч.* Родное и вселенское. – М.: Республика, 1994. С. 35).

¹⁰⁹ См.: *Богомолов Н.А.* Материалы к библиографии русских литературно-художественных альманахов и сборников. С. 163, 168.

Копия оперы Ф. Шуберта
на память
О. Мангелсбаума
Куплено в магазине...
Видно в магазине...
И куплено...
Получено на память...
Май 1841

Сказать, что публикация «Бродский И.А.» (А.М. Ранчин) превосходит установленные издательством стандарты объема предоставляемых текстов в соответствии с их тематической принадлежностью, значит не сказать ничего (с. 135, стб. 1 – 138, стб. 2; 6 столбцов). «Монографическая» по энциклопедическим меркам статья в целом оставляет непреодолимое ощущение того, что текст полностью посвящен его герою, а личность и творчество О.М. должны лишь проиллюстрировать сказанное, выступив для него дополнительным подтверждением¹¹⁰. А потому из данной публикации читатель узнает много нового и интересного об одном из самых ярких поэтов второй половины XX века непосредственно от него самого. Например то, что в 1960 или 1961 году, работая на кафедре кристаллографии (надо понимать, Ленинградского университета) он «взял Мандельштама “Камень” (потому что слышал звон о книге с таким названием) и “Tristia”. Ну и, конечно, тут же отключился. Особенно сильное впечатление на меня об ту пору произвели “Лютеранин”, “Петербургские строфы”; несколько стихотворений тогда крепко засели» (с. 135, стб. 1). Сразу за этим мемуарным свидетельством следует обобщенное автопризнание: «Вообще есть что-то совершенно потрясающее в первом чтении великого поэта. Ты сталкиваешься не просто с интересным содержанием, а прежде всего – с языковой неизбежностью. <...> После этого ты уже говоришь другим языком» (с. 135, стб. 1).

Подобного рода сведения, никак не относящиеся к главному герою МЭ, а характеризующие лишь «персонажа» статьи, встречаются довольно часто и далеко не всегда кажутся уместными. В частности, не вызывает уверенности, что энциклопедическим канонам содержательно и стилистически соответствует следующий фрагмент: «Творчество О.М. младший поэт неизменно оценивал чрезвычайно высоко и отзывался о его поэзии восторженно и с пиететом. По свидетельству хорошей знакомой поэта, Д. Абаевой-Майерс, “что бы он сам не говорил и другие не говорили о его поэтических пристрастиях, ни одно имя он не произносил с таким трепетом, как ‘Александр Сергеевич’. Разве что иногда ‘Осип Эмильевич’. Он мог восхищаться кем угодно, но эти поэты были частью его плот”» (с. 135, стб. 1). Продолжает эту «ценностную шкалу» информация об отношении младшего поэта к прозаическим и литературно-критическим произведениям поэта старшего: «Исключительно высоко Бродский оценивал прозу О.М.: “[Я] полагаю, что лучшая

---

¹¹⁰ Столь же неоправданны своим стремлением к монографичности описания и такой же откровенной ориентацией только на эссеистическое освещение «объектов описания» и другие статьи о представителях пантеона русской литературы второй половины XX века, например, «Солженицын А.И.» (А.С. Немзер) и «Тарковский А.А.» (Д.П. Бак).

русская проза двадцатого века была создана исключительно поэтами: Мандельштамом и Цветаевой”. В эссе и интервью Бродский часто прибегал к понятиям и характеристикам, восходившим к литературной критике О.М.: “тоска по мировой культуре”, “эллинизм” русской культуры и поэзии. Поэтика эссеистики Бродского напоминает поэтику статей О.М. о литературе» (с. 136, стб. 1–2). Трудно сказать, какие конкретно аспекты мандельштамоведения отражают данные пассажи и какое отношение они имеют к науке об О.М., но из них вполне логически следует заключительная часть рассматриваемой публикации, полностью ориентированная на перечень присутствующих в поэзии Бродского многочисленных и самых разнообразных переключек с мандельштамовским творчеством (с. 136, стб. 1 – 137, стб. 2), причем ни для одного примера подобного рода «обратной», «зеркальной» по отношению к О.М. интертекстуальности автором статьи не использованы формы предположения или сослагательного наклонения.

Находит свое отражение в статье и неуклонно нарастающий в последние десятилетия интерес к Бродскому как к мандельштамоведу, представляющийся несколько преувеличенным. Не кажется вполне уместным для энциклопедического издания информация о том, что «Бродский был одним из организаторов конференции, посвященной 100-летию со дня рождения О.М., проходившей в Институте славянских и восточно-европейских исследований Лондонского университета 1–5.7.1991. Он выступал с замечаниями и наблюдениями в дискуссии практически по всем докладам, прочитанным участниками» (с. 135, стб. 2)¹¹¹. Следом автор приводит свидетельство одного из участников этого мероприятия (*Павлов М.* Бродский в Лондоне, июль 1991 // “Сохрани мою речь...”: Вып. 3. Ч. II: Воспоминания. Материалы к биографии. Современники. – М., 2000. С. 13; в МЭ цитата ссылкой не сопровождается, а с в разделе «Литература» сведена до аббревиатуры «СМР М 2000») о том, что средой мандельштамоведов «Бродский был сразу воспринят – и принят – как человек, владеющий в подходе к Мандельштаму некой отдельной и целостной системой координат, с которой можно спорить, но нельзя не считаться – другими словами, как человек, который “знает не хуже, но по-другому”» (с. 136, стб. 1).

---

¹¹¹ Если следовать высказанной в частном порядке точке зрения одного из участников этого мероприятия, трудно сказать, на чем в комментируемой публикации основано отнесение Бродского к числу его организаторов. Не упомянут он в этом качестве и в «мемуарной» публикации: *Нерлер П.* Мандельштамовская конференция в Лондоне // Сохрани мою речь. Вып. 3. Часть 2: Воспоминания. Материалы к биографии. Современники. – М.: РГГУ, 2000. С. 8.

Статья опубликована в редакции 2008 года, неизменной осталась и завершающая ее библиография, содержащая ряд неточностей в описании некоторых публикаций (о чем автора также предупреждали). Среди самых заметных из них – неполное наименование стихотворения О.М. «С миром державным я был лишь ребячески связан...» (1931) и одноименной с ним статьи Бродского, в дополнение ко всему помещенное в двойные кавычки: «”С миром державным...”». Традиционно не сопутствует удача отечественной библиографии в деле оформления ссылок на «Russia Literature»: в этот раз при описании публикации статьи Т. Венцлова «Бродский о Мандельштаме» столь же традиционно указано место издания журнала, после которого следуют слившиеся воедино том и порядковый номер, что вряд ли будет легко понять неискушенному читателю: «RL. Amsterdam, 2000. Vol. XLVII–III/IV» (с. 137, стб. 2). А вот в описании статьи N. Moranjak-Bamburaū «Иосиф «Бродский и акмеизм» том и номер издания благополучно разделены, хотя указание на столь популярное в филологической среде амстердамское происхождение этого издания сохранилось (с. 138, стб. 1). Как один и тот же источник в пределах единого списка литературы может оказываться по-разному оформлен, остается необъяснимым, а говорить о степени вариативности этого явления в границах всей энциклопедии представляется совершенно излишним. Но если речь зашла о пристатейной библиографии, то необходимо подчеркнуть, что она, безусловно, должна была быть дополнена появившимися после 2008 года печатными материалами на затрагиваемую в ней тему. К числу их можно отнести публикации В.А. Губайловского (Оптика времени // Дружба народов. 2010. № 5), Л. Ф. Кациса («Неизвестный Мандельштам» Иосифа Бродского: 25 лет Лондонской конференции к столетию Осипа Мандельштама // Вопросы литературы. 2016. № 6; Иосиф Бродский о стихах Осипа Мандельштама 1917 г.: «Прославим, братья, сумерки свободы...», Лондон 1991 («Неизвестный Мандельштам» Иосифа Бродского II) // Перелом 1917 года: Революционный контекст русской литературы. Исследования и материалы. – М.: ИМЛИ РАН, 2017) и др.

К сожалению, и после редактуры статьи «**Бруни Л.А.**» (Л.М. Видгоф, С.Г. Шиндин) в сопровождающей ее библиографии осталось значительное число источников, имеющих отношение не к самому О.М., а только к герою публикации, но при этом не конкретизирована ссылка: *Бальмонт-Бруни Н.К.* [Воспоминания] // Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников / Подгот. текста, сост. и коммент. О.С. Фигурновой, М. В.Фигурновой. – М.: Наталис, 2001. Кроме того, из поля зрения авторов выпала уже упоминавшаяся в комментарии к заметке «Альтман Н.И.» статья Пунина «Рисунки нескольких “молодых”» (Аполлон. 1916. № 4–5), безусловно

известная О.М. и позднее вышедшая в свет как отдельный оттиск. В той же публикации пишущему эти строки уже пришлось высказать сожаление о том, что невоплощенными остались его неоднократные попытки добиться написания и размещения в МЭ статьи о «Квартире № 5» – именно так неофициально именовался «литературно-художественный кружок в 1915–1917 гг. в Петрограде. Назван по месту размещения мастерской Л.А. Бруни в здании Академии художеств, в которой молодые художники, поэты и музыканты встречались по вечерам на диспуты об искусстве и литературные чтения. Собрания кружка посещали Н.И. Альтман, Н.К. Бальмонт, К.Л. Богуславская (Пуни), Н.А. Бруни, Н.А. Клюев, И.В. Ключ (Ключков), А.С. Лурье, К.С. Малевич, О.Э. Мандельштам, Д.И. Митрохин, П.В. Митурич, В.Е. Пестель, Л.С. Попова, И.А. Пуни, Н.Н. Пунин, О.В. Розанова, В.Е. Татлин, Н.А. Тырса, Н.А. Удальцова, В.В. Хлебникова-Митурич и др. <...> В марте–апреле 1917 г. к кружку примкнули И.М. Зданевич, В.В. Маяковский и др.»¹¹². Настойчивость, с которой автор стремился добиться включения материалов об этом творческом объединении в состав МЭ, подкрепляется, в частности, тем, как позднее искушенный современник характеризовал главную «движущую силу» сообщества: «Собирателем, организующим ядром, объединившим нас, вовсе не похожих друг на друга, был Лев Бруни»¹¹³. Пропущенным авторами комментируемой публикации оказалось и высказанное в частном порядке утверждение Н.Я. Мандельштам о том, что в разговорах с ней О.М. никогда не вспоминал о своем портрете работы Бруни¹¹⁴; о причинах такого поведения можно только догадываться. Внимания в данном биографическом контексте заслуживает и факт, отраженный в воспоминаниях брата поэта Евгения Мандельштама: «При МОДПИКе в Москве было издательство пьес и нот. Мы добились права выпускать их и в Ленинграде и создали свою редколлегию. Я увлекся издательской работой. Начиная с переговоров с авторами, кончая выбором шрифтов, корректурой, художественным оформлением – все проходило через меня. <...> – Мы выпустили довольно много песенок и музыки к модным танцам. Красочные обложки делали хорошие художники, например, Бруни»¹¹⁵. Трудно предположить, чтобы О.М. об этих обстоятельствах было неизвестно¹¹⁶.

---

¹¹² Шруба М. «Квартира № 5». С. 70.

¹¹³ Пунин Н.Н. Квартира № 5: Глава из воспоминаний // Панорама искусств. Вып. 12. – М.: Советский художник, 1989. С. 181.

¹¹⁴ Цитата из письма вдовы поэта приведена в публикации: Молок Ю. Ахматова и Мандельштам (К биографии ранних портретов). С. 295.

¹¹⁵ Мандельштам Е.Э. Воспоминания / Публ. Е.П. Зенкевич // Новый мир. 1995. № 10. С. 161.

¹¹⁶ Несколько расширенный с точки зрения редакции вариант статьи содержится в уже упоминавшемся издании: Витгоф Л. Мандельштам и... Архивные материалы. Статьи для энциклопедии. Работы о стихах и прозе Мандельштама. – М.: Новый хронограф, 2018.

Под литерой «В»...

Статья «**Вагинов К.К.**» (С.Г. Шиндин) также вошла в рецензируемое издание в промежуточном варианте, часть которого затем увидела свет как расширенная и в значительной степени переработанная публикация, отсутствующая в разделе «Литература»¹¹⁷.

Вряд ли интересной и по-настоящему полезной для читателей, интересующихся биографией и художественным наследием О.М., станет заметка «**Варейкис И.М.**» (П.М. Нерлер), герой которой – «партийный руководитель Воронежской области во время воронежской ссылки О.М.». Больше имя поэта в публикации не встречается, зато далее следует исчерпывающее описание биографического пути этого партийного функционера: «Член ВКП(б) с 1913. В 1928–1934 1-й секретарь обкома ВКП(б) Центрально-Черноземной области, 1-й секретарь Воронежского обкома ВКП(б) в июне 1934 – марте 1935. 1-й секретарь в марте 1935 – декабре 1936 Сталинградского, с января 1937 – Дальневосточного крайкомов ВКП(б). Арестован 10.10.1937, обвинялся в участии в контрреволюционной террористической организации, осужден 28.7.1938, приговорен к расстрелу. Похоронен на кладбище “Коммунарка” (пос. Бутово Московской обл.). Реабилитирован 26.5.1956» (с. 157, стб. 1). Следуя такой логике автора заметки и главного редактора МЭ, в ней должен быть представлен весь партийно-хозяйственный аппарат Воронежской области периода ссылки О.М., а может быть, не только ее одной и не ограничивающийся только власть предержащими функционерами. Впрочем, стремление к этому будет в дальнейшем прослеживаться совершенно отчетливо и последовательно.

«Комментарий» «**Весенний салон поэтов**» (В.В. Калмыкова) представлен в авторской редакции 2008 года, но дополнен указанием стихотворений, опубликованных О.М. в этом поэтическом сборнике. Неясным остается статус включенной в список литературы совершенно непонятной в своем описательном выражении библиографической ссылки: «Родченко А.М. [Рецензия] // Анархия. 1918. № 54 (9 мая) [псевд. Анти]» (с. 159, стб.1): если в ней содержится отклик на мандельштамовские стихотворения, то вполне уместным было бы увидеть его в этой публикации. Кроме того, несмотря на сопровождающую текст репродукцию обложки этого издания,

---

¹¹⁷ См.: Шиндин С.Г. Из «теневого окружения» Мандельштама: Константин Вагинов (Статья первая) // Кормановские чтения. Вып. 15: Статьи и материалы Межвузовской научной конференции (Ижевск, апрель, 2016. – Ижевск: Удмуртский университет, 2016.

неотмеченным остался тот факт, что оно было красочно оформлено героем другой статьи МЭ – Георгием Якуловым¹¹⁸.

Совершенно неясные «рецензенту» обстоятельства, окружающие его публикацию «**Верлен П.**», связаны, с одной стороны, с отсутствием в тексте вышедшего из печати издания большинства библиографических ссылок и, с другой стороны, с явной путаницей редакционной коллеги МЭ в имевшихся в ее распоряжении вариантах. С целью предотвратить неизбежные в таком случае читательские затруднения окончательная редакция этого текста размещена во втором приложении к настоящей публикации. Не многим лучше сложилась ситуация с еще одной статьей автора данных заметок – «**Всемирная литература**», которая парадоксальным образом представляет собой промежуточный авторский вариант марта 2009 года, хотя последний из имевшихся в распоряжении редколлегии датирован октябрём 2015 года. Поскольку этот текст в процессе работы над ним был существенно дополнен, и его окончательная редакция размещена в приложении к настоящей публикации¹¹⁹.

Первоначальный вариант заметки «**Всеукраинское фотокиноуправление (ВУФКУ)**» (С.Г. Шиндин) вошел в состав уже упоминавшегося «препринта» «О.Э. Мандельштам, его предшественники и современники: Сборник материалов к Мандельштамовской энциклопедии» (М.: РГГУ, 2007). В окончательной редакции он был дополнен некоторыми фактографическими деталями, однако в печать ушел без одного более чем существенного дополнения. Рассчитывая в феврале 1928 года на

---

¹¹⁸ Расширенный вариант ее вошел в состав публикации: *Шиндин С.* Книга в биографии и художественном мировоззрении Мандельштама. I. С. 84–87.

¹¹⁹ К глубокому сожалению, этот случай оказался не самым вопиющим: так, например, статья о журнале «“Russian Literature”» включена в текст в редакции 2005 года, что видно даже по прилагаемому к ней списку литературы, обрывающемся именно на этой дате. Еще более нелепые обстоятельства окружают публикацию о мандельштамовском «диалоге» с живописным наследием французских художников, относящихся к импрессионистическому и постимпрессионистическому направлениям. На первом этапе статья получила рабочее заглавие «Импрессионизм», под которым в совершенно неаутентичной редакции 2003 года (sic!) оказалась включена в МЭ (На степень неготовности этого откровенно черного варианта совершенно явно указывает, в частности, сопровождающий ее «список литературы», состоящий всего из трех позиций.) Впоследствии, ввиду расширения тематических границ статьи, по предложению одного из научных редакторов она была переименована во «Французская живопись конца 19 – начала 20 в.», и в принципиально обновленной редакции также вошла в состав МЭ. Но совершенно катастрофическая ситуация сложилась с предполагавшей трех соавторов публикацией «Мандельштамоведение»: черновой основой для нее стал фрагмент теоретической главы диссертации 1999 года, который автор этих строк для дальнейшей работы предоставил своим коллегам в 2007 году, на что ему так и не поступило ни одного отклика. В результате, именно этот совершенно «недееспособный» вариант, не имеющий на сегодняшний день никакой самостоятельной научной ценности и даже не содержащий списка литературы, был опубликован без ведома автора, который, к сожалению, допуская такую возможность, не меньше трех раз апеллировал к главному редактору МЭ, но так и не был услышан.

сотрудничество с ВУФКУ, О.М., очевидно, был в общих чертах осведомлен о том, как работала «республиканская организация в 1922–1930 в Киеве, ведавшая производством и прокатом фильмов на Украине» (с. 173, стб. 2): двумя годами ранее, в период «прагматического» интереса поэта к современному кинематографу и сценарной работе, из печати вышла довольно подробная обзорная статья об этом киноучреждении: *Лифшиц Б.* ВУФКУ (Всеукраинское Фото-Кино Управление) // Советское кино на подъеме. – М.: Кинопечать, 1926. В свою очередь, сборник, в который была включена эта публикация, выпустило в свет издательство, установить сотрудничество О.М. с которым тогда же пытался Шкловский.

Под литерой «Г»...

Заметка ««Гнозис»» (П.М. Нерлер) представляет собой тот случай, когда для полноты картины ее можно воспроизвести целиком: «американский ежеквартальный религиозный, философский и литературный журнал на русском и английском языках. Выходил в Нью-Йорке в 1978–1979 (всего вышло 6 номеров, из них 2 сдвоенных). Главный редактор Аркадий Ровнер, заместитель главного редактора – Виктория Андреева. В “Гнозисе” была опубликована статья Ю.П. Иваска “Мандельштам о Белом” (на английском языке)» (с. 189, стб. 2). Что сказанное добавляет к знаниям об О.М. и что можно добавить к сказанному? Очевидно, только то, что во втором издании МЭ читатель вправе ожидать «установочные» статьи обо всех периодических изданиях, где когда-либо публиковалось хоть что-либо, посвященное О.М.; во всяком случае, из того, что было написано упомянутым исследователем¹²⁰.

Данная ситуация с включенными в МЭ статьями о периодических изданиях является совершенно типичной; более того, некоторые из них носят не просто исчерпывающий, а монументальный характер: так случилось, например, с материалом о газете «Русская мысль», который представляет собой нечто похожее на небольшую монографию (с. 421–423). При этом оказались «потеряны» публикации о славистических «флагманах» мандельштамоведения 1970–1980-х годов – журналах и альманахах «*Slavica Hierosolymitana*», «*Wiener Slawistischer Almanach*», «*Scando-Slavica*», «*Slavic and East European Journal*», «*Slavic Review*», «*The Russian Review: An American Quarterly Devoted to Russia Past and Present*». Не попали в «заветный список»

---

¹²⁰ Сомнения в целесообразности присутствия материалов о «Гнозисе» автор этих строк высказывал еще на этапе редакции так называемой «буквицы» 2008 года, но никакой реакции со стороны редакционной коллегии не последовало.

современные «Новое литературное обозрение», «Toronto Slavic Quarterly» и многие другие издания.

Замешательство, которое наверняка испытает не только любой мандельштамовед, но и искушенный любитель поэзии О.М., увидев статью «Гранада» (П.М. Нерлер) в составе МЭ, только усилится после прочтения ее «дефиниции»: «город в Испании, в южной части Андалузии, последний оплот ислама на Иберийском полуострове. Место подписания в 1492 Изабеллой Кастильской и Фердинандом II Арагонским эдикта об изгнании евреев» (с. 202–203). Еще больше оно возрастет после следующей за этим информацией: «В Гранаде прошло детство испанского поэта Ф.Г. Лорки» (с. 203, стб. 1). Все, что заинтригованный читатель узнает о связи биографии и творчества О.М. с этим городом, заключается в следующем: «В 2016, в ознаменование 125-летия со дня рождения О.М., в Гранаде, в помещении Центра им. Ф.Г. Лорки экспонировалась выставка “Осип Мандельштам. Слово и судьба”, подготовленная Государственным литературным музеем и Мандельштамовским обществом (9.9–6.11.2016), до этого выставившаяся в Гейдельберге (14.5–17.7.2016). К выставке был подготовлен каталог на немецком и испанском языках: *Ossip Mandelstam. Wort und Schicksal. Ósip Mandelstam Palabro y Destino*. [Каталог выставки]. Heidelberg: Wunderhorn, 2016. 316 S.» (с. 203, стб. 1).

К самому глубокому сожалению, и данный факт является одним из ярчайших проявлений той тенденции перенасыщения МЭ не просто периферийными, а откровенно маргинальными материалами, распространяющимися, практически, на все представленные в ней «жанры». Но вызвавший вполне законное недоумение факт включение в состав издания «статьи» о журнале «Гнозис» не идет ни в какое сравнение с эффектом, производимым знакомством с разделом «Персоналии». Так, например, в составе той же «литеры» встречается заметка «Гусев К.М.» (П.М. Нерлер), герой которой (представленный одной из самых лаконичных в МЭ дефиниций: «воронежский писатель») оказывается интересен для современного мандельштамоведения в силу следующего обстоятельства: «В 1936, когда состоялась его единственная, судя по всему, встреча с О.М., Гусев был молодым поэтом и студентом географического факультета Воронежского университета. Узнав <...> о том, что в Воронеж приехала А.А. Ахматова, Гусев вместе со своим лучшим другом <...>, отправился навестить ее и О.М.» (с. 210, стб. 2). По приводимому далее свидетельству современницы, встреча оказалась неудачной: «Молодые дарования <...>, задиристые и не очень выдержанные, затеяли спор с великими о смысле, целях, задачах и судьбах поэзии вообще и советской поэзии, на данном этапе, в частности. Но ушли недовольные, не обретя единомышленников» (с.

210, стб. 2). А затем следует информация о дальнейшей судьбе героя статьи: «Впоследствии Гусев – сотрудник Воронежского книжного издательства, газет “Коммуна” и “Правда”, активист движения эсперанто» (с. 210, стб. 2). Если даже оставить в стороне то обстоятельство, что весь предлагаемый «биографический материал» основывается только на свидетельстве третьих лиц (причем поданных автором без всяких оговорок, как само собой разумеющийся факт), место этого «молодого дарования» в судьбе О.М. (и, следовательно, в МЭ) остается совершенно непонятным.

Забегая вперед, необходимо заметить, что в энциклопедии находится место для еще более экзотических «друзей-коллег» О.М. Ни в коем случае не желая бросить хоть какую-то тень на героя заметки «Петров С.В.» (В.И. Шубинский), невозможно не отметить все три причины появления материалов о нем в МЭ. Во-первых, он «присутствовал на вечере О.М. 22.2.1933 в Капелле», во-вторых, «в журнале “Часы” № 19 (1979) была опубликована его статья “Осип Мандельштам” (под псевдонимом “П. Каменев”» и, в-третьих, в его ранних стихах «заметно влияние О. М. <...>, “святую троицу” любимых поэтов Петрова составляли О.М., Р.М. Рильке и М.И. Цветаева» (с. 388, стб. 1). Одновременно с этим из публикации можно узнать следующее: «До 1954 жил в Сибири <...>, работал учителем, лесником, счетоводом. В 1954 поселился в поселке Спирово Калининской области, с 1955 – в Новгороде, где преподавал в Педагогическом <sic. – С.Ш.> институте. С конца 1950-х гг. публиковался как поэт-переводчик. С 1964 член Ленинградского отделения СП СССР. В 1976 переехал в Ленинград, где переводил шведскую, немецкую, французскую, польскую и английскую поэзию.– Как поэт Петров сформировался еще в 1930-х гг., но расцвет его творчества приходится на 2-ю половину 1960-х и 1970-е гг. <...>. Начиная с 1983 стихи Петрова печатались в периодических изданиях, <...> в 1997 в Санкт-Петербурге вышла его первая книга “Избранные стихотворения”» (с. 388, стб. 1). Следуя логике той мотивации, согласно которой комментируемая заметка появилась в МЭ, в ее состав должны быть включены материалы обо всех участниках публичных выступлений поэта. Кроме того, в год 80-летия трагической гибели О.М. приходится напомнить некоторым участникам рецензируемого издания ее точную дату – 27.12.1938¹²¹.

---

¹²¹ При этом неупомянутой в корпусе МЭ и в рабочем варианте ее «словника» оказалась, например, Надежда Блюменфельд, оставившая эмоциональный и довольно подробный комментарий о вечере О.М., состоявшемся 14.3.1933 в Малой аудитории Политехнического музея; см.: *Соколова Н.* Кое-что вокруг Мандельштама. Разрозненные странички // Сохрани мою речь. Вып. 3. Часть 2: Воспоминания. Материалы к биографии. Современники. – М.: РГГУ, 2000. С. 87–92. Публикатор датируемой 14–16.3.1933 записи об этом событии оставил более чем живописную характеристику ее автора: «Ей шестнадцать лет. Стрижена под мальчика, в

Не просто типологически сходна с заметками о К.В. Гусеве, С.В. Петрове и многими другими похожими на них персонажами, но совершенно превосходит их своей нерепрезентативностью, если не сказать нерелевантностью, другая публикация – «**Кишилов Н.Б.**» (П.М. Нерлер). Ее герой, живший в 1934–1973 годах, – «художник, искусствовед, реставратор, поэт. По окончании заочного отделения исторического факультета МГУ (1956) работал в реставрационных мастерских Московского Кремля и Государственной Третьяковской галереи, автор работ по истории древнерусской живописи. В 1959 познакомился и подружился с А.Д. Синявским, по делу которого неоднократно допрашивался КГБ» (с. 290, стб. 1). Далее следует обоснование данной публикации в МЭ: «В 1959–1960 написал 3 стихотворения об О.М. В 1963 поместил в ВСПХД под псевдонимом С.А. Смирнов статью “Судьба Мандельштама: К выходу первого тома полного собрания сочинений” <...>, в которой одним из первых дал высокую оценку поздним стихам О.М. и нарисовал образ поэта-юродивого, теряющего литературные одежды – акмеиста, эллиниста, классициста – и остающегося в конце жизни нагим перед лицом музыки и смерти» (с. 290, стб. 1). Не останавливаясь на правилах «правописания» псевдонимов в таких контекстах, нельзя тем не менее высказать сомнение в том, что заключительная часть процитированного фрагмента своим напряженным эмоциональным звучанием и глубоко оригинальным стилистическим строем вряд ли не вызовет вполне объяснимого замешательства у некоторых читателей энциклопедии, привыкших к тому, что такого типа издания традиционно следуют иным законам повествования.

Следующий «мандельштамоцентричный» аспект публикации напрямую с ее героем не связан: «В 1964 женился на Анне Карив-Кишиловой, французской стажерке, оставшейся с ним в Москве; именно она в начале 1960-х гг. первой привезла в Париж экземпляр списка стихов О.М., ходивших в университетской среде» (с. 290, стб. 1). Не обсуждая степень актуальности этого сообщения в МЭ, нельзя не удивиться отсутствию хотя бы каких-либо обоснований его появления: в отличие от тех ситуаций, когда из статей удаляются ссылки на известные и доступные библиографические данные, в этом случае речь несомненно идет о периферийных источниках. В противоположность этому сопровождающий заметку список литературы хотя и невелик, но весьма интересен, – раздел «Сочинения», предполагающий указание на те

юнгштурмовке с ремнем и португеей. Работает в многотиражке первой дистанции пути Курской железной дороги “На рельсах”. Увлекается поэзией. Самостоятельна, самоуверенна (часто излишне). Решительно и безапелляционно судит обо всем на свете, авторитетов для нее не существует. Думает подавать заявление на отделение критики Вечернего литературного рабочего университета, <...> который только-только начинает организовываться в Доме Герцена на Тверском бульваре».

публикации героев статей, которые тематически и содержательно освещают биографию и творчество О.М., выглядит следующим образом: «Стихи // ВРСХД. 1973. № 108–110. С. 279–284; “И приснившихся друзей больше нет. Только крутит карусель белый свет...”. [Стихи. Илл. альбом]. Париж, 1987 (изд. подгот. П.Н. Кишиловым)» (с. 290, стб. 1–2); при этом и раздел «Литература» вряд ли включает в себя ссылки на ожидаемые читателями материалы: «*Струве Н.А.* Памяти Н.Б. Кишилова // ВРСХД. 1973. № 108–110. С. 277–278 (То же // *Струве Н.* Православие и культура. М., 1992. С. 143–145)» (с. 290, стб. 2). Совершенно неожидан в координатах «рецензируемого» издания финал рассматриваемой публикации: «После инфаркта в 1972 Кишилов в апреле 1973 выехал во Францию, где вскоре умер» (с. 290, стб. 2)...

И совсем таинственным остается появление в МЭ более чем краткого комментария «**Глауберман С.Б.**» (А.С. Глауберман), персонаж которой – «воронежский врач-отоларинголог, доцент Воронежского медицинского института. О.М. был его пациентом <когда? – С.Ш.> и в письмах называл “крупнейшим здесь ларингологом” <когда? откуда, куда и кому? – С.Ш.>. Начиная с 1935 Г. жил в “итээровском” доме по ул. Ф. Энгельса, 13б (кв. 2); <sic. – С.Ш.> где в соседнем подъезде с февраля по осень 1936 жили и О.М. с Н.Я. Мандельштам» (с. 188, стб. 1). В реальности этот персонаж был упомянут лишь однажды, в мае 1935 года (точная дата неизвестна¹²²) в письме, адресованном Н.Я. Мандельштам. Установленное на сегодняшний день участие Глаубермана в биографии ссыльного поэта сводится к следующему: *Посылаю справку д-ра Глаубермана (крупнейший здесь ларинголог). Он сказал: «Если у вас не пройдет через 3–4 дня – вы ляжете у меня, если ничего не имеете против, и я вас поскоблю». Только тогда я попросил справку (4, 157);* в мемуарах об О.М. и в его жизнеописаниях он не упоминается ни разу. Столь же, как и для самой заметки, остается неясной мотивация отсылки читателя к публикации: *Глауберман А.* «Крупнейший здесь ларинголог...» (О моем отце и доме на улице Энгельса) // «Сохрани мою речь...». Вып. 4. [Ч.] 1. – М.: РГГУ, 2008, – мало того, что ее название и выходные данные приведены не полностью, сама она никак не может быть отнесена к числу хотя бы в малой степени мемуарных свидетельств о поэте, но включена в раздел «Материалы о биографии О.Э. Мандельштама».

Дефиниция героя публикации «**Генкин М.И.**» (П.М. Нерлер) носит не просто развернутый, а обстоятельный характер: «партийный работник Воронежской

---

¹²² Иная датировка – около 6–10 июня – предложена в: *Мандельштам О.* Полное собрание сочинений и писем: В 3 т. Том 3: Проза. Письма / Сост., подгот. текста, коммент. А.Г. Меца, подгот. текста и коммент. К.М. Азадовского и др. – М.: Прогресс-Плеяда, 2011. С. 527.

(Центрально-Черноземной) области во время воронежской ссылки О.М. В 1904–1908 – член РСДРП (меньшевик), с 1917 в ВКП(б). В 1931–1935 – заведующий отделом культуры и пропаганды, в 1935–1937 – заведующий отделом школ, науки, научно-технических изобретений и открытий (позднее отдел школ и вузов) Воронежского обкома ВКП(б). С 1934 – член редколлегии, с 1935 – ответственный редактор журнала «Ленинский путь»» (с. 179, стб. 2). Узнает внимательный читатель и о дальнейшей судьбе этого партийного функционера: «Арестован 2.8.1937 УНКВД Воронежской области по обвинению в активном участии, начиная с 1935, в антисоветской правотроцкистской террористической организации. Осужден в Воронеже 10.1.1938 по статьям 58-8, 58-11. Реабилитирован 18.8.1956» (с. 179, стб. 2). Столь же непростой оказалась и связанная с его личностью архивная составляющая: «Папка с перепиской <...> Генкина хранилась в Партархиве Воронежского области (Ф. 428. Оп. 1. Д. 70. Л. 14–28). В 1988 ее случайно обнаружил С.В. Сухарев, но в результате перефондизации дело в 1989 получило другую сигнатуру (ГАОПИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2382. Л. 14–18), после чего заново найти оригинал не удалось» (с. 179, стб. 2). Оба известных случая появления этого персонажа на жизненном пути ссыльного поэта носят косвенный, опосредованный характер: в ноябре 1934 года Генкелю было поручено «оказать всяческое содействие О.М. в его воронежском устройстве», а около 14 апреля 1936 года Н.Я. Мандельштам обращалась, в частности, к нему «за помощью в организации освидетельствования и лечения О.М.» (с. 179, стб. 2). О специфике такого типа описаний и тенденции к постоянному увеличению их количества выше уже говорилось.

Но если включение этих совершенно маргинальных персоналий в корпус МЭ находит хотя бы формальную мотивацию, то полной загадкой остается присутствие в нем героини статьи «Глазунова Л.В.» (П.М. Нерлер), о которой читатель узнает, что она – «первая жена (в 1946–1962) Э.Г. Бабаева», которая в «Воспоминаниях» вдовы поэта «выведена как “Лариса, дочь ташкентского самоубийцы”» (с. 189, стб. 1). Проясняет ситуацию вторая часть лаконичной заметки: «Во время пребывания Н.Я. Мандельштам в Ташкенте отец Глазуновой <...> был старшим оперуполномоченным НКВД», а в 1958 году «покончил жизнь самоубийством» (с. 189, стб. 1). После прочтения первой книги мемуаров вдовы поэта героиня статьи «была возмущена тем, как несправедливо и лживо, по ее мнению, в ней были выведены она сама, ее отец и другие знакомые лица. В начале 1990-х годов Глазунова написала воспоминания “Не хочу вспоминать”, в которых ответила на обвинения Н.Я. Мандельштам» (с. 189, стб. 1). Вряд ли большинство читателей возразит против утверждения о том, что место этой

публикации – в энциклопедии, посвященной вдове поэта, но не ему самому¹²³. Подобного рода «новаторство» было бы не так страшно и к нему можно было бы отнестись с известной долей снисхождения, если бы не то обстоятельство, что в состав МЭ не вошли материалы о более значимых для жизненного пути О.М. современниках: Вере Алперс и Елене Тагер, Василисе Шкловской-Корди и Екатерине Лившиц, Нине Грин и Сусанне Мар... И именно под литерой «Г» читатель вправе был бы ожидать публикации о таких самых разных современниках поэта, как Григорий Гершуни и Николай Горбунов¹²⁴, Леонид Гроссман и Аркадий Горнфельд, Валентин Гоффеншефер и Иван Гронский...

В процессе работы над статьей «Гершенкройн Г.О.» (С.Г. Шиндин) ее материал видоизменился до самостоятельного варианта исследования, в который были включены фрагменты опубликованной в энциклопедии редакции 2015 года¹²⁵.

Ярким примером небрежения всеми требованиями к оформлению публикуемых материалов, определенными РОССПЭН для редакционной коллегии и авторов МЭ, является заметка «Глюк К.В.» (А.В. Футорян), не содержащая не только каких-либо библиографических ссылок, но и указаний на даты написания большинства упоминаемых в ней мандельштамовских произведений. При этом по всему небольшому тексту рассеяны фактографические оплошности, главная из которых (и наиболее привлекательная для неискушенных читателей), несомненно, содержится в начальных строках публикации: «Как сообщает Н.Я. Мандельштам, в воронежской ссылке О.М.

---

¹²³ То же самое можно сказать, например, и о заметке «Аренс Е.М.», совершенно противоположной по своей эмоциональной тональности, но формально не имеющей никакого отношения к личности О.М. Меньше всего хотелось бы думать о том, что появление в энциклопедическом издании такого рода публикаций направлено только на неоправданное увеличение объема книги и количества позиций в библиографии, входящей в curriculum vitae ее составителей, совмещающих редакторскую роль с функциями одного из авторов.

¹²⁴ Н.П. Горбунов (1892–1938) с ноября 1917 по декабрь 1920 года являлся секретарем Совнаркома РСФСР и личным секретарем В.И. Ленина. Именно в этот период О.М. довольно близко общался с ним, что позднее подтвердила вдова поэта: *Мандельштам Н. Биографическая канва // Мандельштам Н. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 2: «Вторая книга» и др. произведения (1967–1979) / Сост. С.В. Василенко, П.М. Нерлер, Ю.Л. Фрейдин, подгот. текста С.В. Василенко при участии П.М. Нерлера и Ю.Л. Фрейдина, коммент. С.В. Василенко и П.М. Нерлера. – Екатеринбург: ГОНЗО, 2014. С. 182, 953; публикаторы оставили это сообщение без комментария. Попытка развернутой реконструкции данного эпизода биографии поэта предложена в: Мец А.Г. Осип Мандельштам в Кремле (1918) // Toronto Slavic Quarterly. № 54. 2015: ср.: Шиндин С. Обязательный постскрипtum и необязательные детали // Новый журнал. 2016. Кн. 283.*

¹²⁵ См.: Шиндин С. Габриэль Гершенкройн. Штрихи к портрету. Часть I // Новый журнал. 2016. Кн. 284. – В отличие от данной ситуации, статья автора этих строк «Графика книжная» не появилась в рецензируемом издании, хотя осенью 2015 года была сдана редакционной коллегии в окончательном варианте. За прошедшее время она стала основой для расширенной трехчастной публикации «Книга в биографии и художественном мировоззрении Мандельштама» (Toronto Slavic Quarterly. 2016. № 55, 56; 2017. № 59).

“часто писал вступительное слово к концертам, в частности к «Орфею и Эвридике» Глюка. Его обрадовало, что, когда он шел по улице, из всех рупоров несся его рассказ про голубку Эвридику” (подразумевается стихотворение О.М. “Чуть мерцает призрачная сцена...”, 1920)» (с. 189, стб. 1)¹²⁶. Представить себе транслируемую уличными репродукторами всесоюзную или местную радиопрограмму, в которую включено чтение пятнадцатилетней давности стихов ссыльного поэта, совершенно невозможно. Но в связи с данным пассажем актуально не только то, что приведенная иносказательная формулировка, использующая образность мандельштамовского текста, была принята за мемуарную отсылку к нему, – далее автор пишет: «Судя по письму С.Б. Рудакова к жене от 3.4.1936, О.М. вынашивал планы переделать свое вступительное слово в прозаическое произведение о Глюке» (с. 189, стб. 1–2). В действительности главный в этот период собеседник поэта признался ему в следующем: «мне кажется, что теперь, по ряду показателей, можно судить, что будет проза. <...> Но сейчас нет ни накопленных новых точек зрения, ни обновленных стихов. То и другое само закончено. А опыт большой, и он начинает не обсуждаться или углубляться вами, а бродить словесно. Т.е. рецензии, радио, театр, колхоз, Глюк и всё, всё – сможет ожить прозаически по типу реформированной “Египетской марки”. Признаки этому – попытки записывать кусочки, самоцельно обыгрываемые»¹²⁷.

Трудно найти рациональное объяснение предложенному автором варианту названия статьи О.М. 1922–1923 годов – «“Заметки о поэзии” (“Vulgata”))», – которое представляет собой или странную инверсию первоначальной редакции, или ее контаминацию с заглавием редакции 1928 года для несостоявшегося сборника статей; но в любом случае невозможно предполагать, что подобные «текстологические» детали будут известны любому читателю МЭ. В развитие темы статьи приведена цитата из главы «Вокруг натуралистов» «Путешествия в Армению» (1931–1932): «Кто не любит Гайдна, Глюка и Моцарта – тот ни черта не поймет в Палласе» (с. 189, стб. 2), – однако решился автор ее продолжить, содержательный эффект был бы, несомненно, более ярким: *Кто не любит Гайдна, Глюка и Моцарта – тот ни черта не поймет в Палласе. <...> – Кто не любит Гайдна, Глюка и Моцарта – тот ничего не поймет в Палласе (3, 201)*. Первая часть мандельштамовского утверждения содержится и в его прозаическом

---

¹²⁶ См. процитированный фрагмент мемуаров вдовы поэта в их последнем издании: *Мандельштам Н. Воспоминания // Мандельштам Н. Собрание сочинений*: В 2 т. Т. 1: «Воспоминания» и др. произведения (1958–1967) / Сост. С.В. Василенко, П.М. Нерлер, Ю.Л. Фрейдин, подгот. текста С.В. Василенко при участии П.М. Нерлера и Ю.Л. Фрейдина, коммент. С.В. Василенко и П.М. Нерлера. – Екатеринбург: ГОНЗО, 2014. С. 220. Речь, как нетрудно догадаться, идет о строках: *Ничего, голубка Эвридика, / Что у нас холодная зима (1, 148)*.

¹²⁷ О.Э. Мандельштам в письмах С.Б. Рудакова к жене (1935–1936). С. 165–166.

тексте <<Читая Палласа>>, названном А.В. Фуюрян рецензией, хотя в действительности это – один из фрагментов черновых набросков к упомянутой главе «Вокруг натуралистов». Здесь же необходимо отметить, что не совсем корректным в содержащихся формулировках и совершенно неуместным выглядит включенное в текст авторское «примечание» о Палласе: «Петр Паллас – петербургский академик, автор 3-томного сочинения “Путешествие по разным провинциям Российского государства” (1770–1780), выходец из Германии» (с. 189, стб. 2)

Говоря об откликах творчества немецкого композитора в поэзии О.М., автор приводит известный факт: «В стихотворениях “В Петербурге мы сойдемся снова...” и “Чуть мерцает призрачная сцена...” (оба 1920) упоминаются Орфей и Эвридика – образы, навеянные оперой Глюка “Орфей и Эвридика”» (с. 189, стб. 2). Уместным в этой связи представлялось бы напомнить читателям об их адресате – Ольге Гильдебрандт-Арбениной – и формулировке, предложенной В.В. Мусатовым: «Как роман Мандельштама с Мариной Цветаевой разыгрывался в ролях Марины и Димитрия, так и роман с Ольгой Арбениной возникал в ролевом воплощении Орфея и Эвридики»¹²⁸. В противоположность этому, не кажется убедительным следующее утверждение А.В. Фуюрян: «В стихотворении О.М. “Концерт на вокзале” (1921) связь с оперой Глюка проступает в строке “Ночного хора дикое начало”. Стихи эти можно понять как указание на “начало” 2-го действия оперы» (с. 189, стб. 2); насколько известно пишущему эти строки, подобной интерпретации не предлагал ни один из исследователей и комментаторов мандельштамовской поэзии. И, признаться, не вполне уместным и излишне эмоциональным кажется продолжение приведенной цитаты – финал заметки, в котором как раз и идет речь о втором действии «глюковского спектакля» «Орфей и Эвридика»: «В 1-м акте, после погребения Эвридики, Орфей решается отправиться в подземный мир. Когда поднимается занавес 2-го действия, на сцене, во мраке подземного мира, находится хор фурий, охраняющих вход в загробное царство; они встречают появившегося Орфея угрожающим пением, преграждая ему дорогу. В своих поисках правдивых драматических эффектов Глюк применил в этом хоре необычный прием: фурии поют в унисон. Отсутствие гармонии сообщает музыке повышенную напряженность и в то же время странность (“дикость”), производя огромное впечатление на слушателей» (с. 189, стб. 2). И здесь снова трудно отделаться от ощущения, что отредактированные первоначальные и промежуточные варианты статей, оказавшись в распоряжении составителей энциклопедии, далеко не всегда затем

---

¹²⁸ Мусатов В.В. Лирика О. Мандельштама. Киев: Эльга-Н; Ника-Центр, 2000. С. 206–207.

попадали на глаза их авторам. В противном случае объяснить многочисленные факты присутствия в текстах всего спектра уже отмечавшихся в 2008–2009 годах недочетов – от частных технических погрешностей до грубейших ошибок – просто невозможно.

Не касаясь вопроса о содержательном наполнении публикации «**Годунов Борис**» (А.М. Ранчин), приходится рассматривать ее в качестве первого примера еще одного серьезнейшего недостатка, к сожалению, представленного в МЭ намного шире, чем могли бы допускать самые смелые предположения: речь идет об очевидных, а порой просто катастрофических ошибках при цитировании мандельштамовских текстов. Характеризуя мандельштамовскую заметку «Преступление и наказание в “Борисе Годунове”» (1906), автор статьи пишет: «Приводя мнения Н.М. Карамзина (терзания больной совести) и В.Г. Белинского (слабоволие и отсутствие союзников) о причинах падения Бориса Годунова, О.М. в этой заметке предлагает собств. трактовку: крушение власти Бориса Годунова и неудачи его преобразований он объясняет “болезненным самолюбием, раздражительностью, неумением владеть собой и заставить себя уважать”» (с. 190, стб. 2). В формулировке О.М. перечисление грамматически оформлено иначе: *болезненное самолюбие, раздражительность, неумение владеть собой и заставить себя уважать*» (1, 167). Поскольку речь идет о высказывании «главного героя» энциклопедии, вопрос о правописании становится принципиальным: если в заметке А.М. Ранчина фигурирует авторский пересказ мандельштамовского текста, то непонятно появление кавычек; если перед читателями – прямая цитата, как это и оформлено, то необъяснима та свобода, с которой она подвергается искажению. Этот вопрос редактора, обращенный к автору еще в 2008 году, как нетрудно догадаться, так и остался без ответа.

Не последовало никакой реакции и на указание о некоторой оплошности в одной из авторских формулировок. Так, автор замечает, что в первоначальном варианте мандельштамовской статьи «Петр Чаадаев» (1914) «Борис Годунов упоминается как предшественник Петра I в европеизации России; О.М. пишет об отправке молодых русских дворян за границу по приказанию Бориса Годунова и о том, что ни один из них не вернулся из Европы (которую О.М. в западническом духе оценивает как мир свободы и жизни) в Россию, охарактеризованную как мир “небытия”» (с. 190–191). Не останавливаясь на том, что может скрываться за категорией «мир жизни», и на предложенных автором реальных источниках, которые составили основу данного компонента историософских взглядов О.М., – труды Н.И. Костомарова и С.Ф. Платонова – необходимо обратить внимание на следующее за этим утверждение: «При переиздании статьи “Петр Чаадаев” в составе книги “О поэзии” (1928) этот фрагмент

(несомненно, по цензурным причинам) был исключен» (с. 191, стб. 1). Вряд ли собрание статей разных лет уместно называть «книгой», как и вновь безапелляционно называть причину вмешательства цензуры, но вот утверждать об исключении из текста именно процитированного фрагмента вряд ли возможно, – в процессе подготовки сборника к печати из статьи О.М. была полностью удалена вся заключительная пятая глава¹²⁹, содержащая и более острые формулировки, которые неизбежно воспринимались бы как прямые инвективы против новой исторической реальности, господствующей в России уже больше десятилетия, Нетрудно предсказать, как бы в подобном социально-историческом контексте 1928 года стала интерпретироваться фраза из года 1914: *сколько из нас духовно эмигрировали на Запад! сколько среди нас – живущих в бессознательном раздвоении, чье тело здесь, а душа осталась там* (1, 230). Но если в комментируемой публикации заходит речь о «культуртрегерских» устремлениях Бориса Годунова, трудно ответить на вопрос, по какой причине в ней не назван в другой случай появления в мандельштамовской прозе образа Годунова в столь же «историософском» контексте в связи с деятельностью издательства «Всемирная литература»: *Годунов, когда в Москве был мор, велел строить Сухареву башню. И безработным семнадцатого века, верно, кстати пришелся государев паек и медная гривна. – «Всемирная литература» – Сухарева башня голодных интеллигентов девятнадцатого года. <...> По линии наименьшего сопротивления: туда, где дают. Застрекотали пишущие машинки, заскрипели перья* (2, 444).

Опубликованная в редакции начала 2009 года статья «Готика» (С.Г. Шиндин) в последнем своем варианте, представленном редколлегии осенью года 2015, содержала, в частности, указание на, вероятно, важнейший источник формирования его представлений о традициях западноевропейской готики – прослушанных осенью 1913 и весной 1914 годов на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета курсов лекций «Романо-готическое искусство», почитанных доктором теории и истории искусств профессором Д.В. Айналовым¹³⁰. Дополнен был и список литературы к статье, в результате чего кроме известной публикации М.Л. Гаспарова «Поэт и общество: Две готики и два Египта в поэзии О. Мандельштама», как это представлено в опубликованном варианте (с. 201, стб. 2), он стал включать в себя еще четыре единицы, а именно: *Мусатов В.В.* Лирика О. Мандельштама. С. 94–102;

---

¹²⁹ См. «репринт» несостоявшегося издания: *Мандельштам О.* Чаадаев // *Мандельштам О.* Слово и культура: Статьи / Сост. и примеч. П. Нерлера. – М.: Советский писатель, 1987.

¹³⁰ См.: *Сальман М.Г.* Осип Мандельштам: годы учения в Санкт-Петербургском университете (по материалам Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга) // *Russian Literature.* 2010. Vol. LXVIII. № 3-4. С. 463, 465.

Табардак Е.В. Традиции готики в русской литературе и живописи XIX–XX веков // Язык, литература, культура: диалог поколений: Сборник научных статей. – М.; Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет, 2004; *Шиндин С.Г.* Категория Средневековья в художественном мировоззрении Мандельштама: общий взгляд // Миры О. Мандельштама: IV Мандельштамовские чтения: Материалы международного научного семинара, 31 мая – 4 июня 2009 г. Пермь – Чердынь. – Пермь: Пермский государственный педагогический университет, 2009. С. 67–69; *Куликова Е.Ю.* О мандельштамовском путешествии к Вийону // Вестник Удмуртского университета: История и филология. 2010. Вып. 4. С. 7–8.

Под литерой «Д»...

По неизвестной автору этих строк причине неопубликованной осталась его статья «**Древнерусская иконопись**», в завершённом виде поступившая в распоряжение составителей МЭ в 2015 году. Несколько позднее она в значительно расширенном виде вошла составной частью в публикацию более общего характера¹³¹.

В краткой заметке о начальнике Воронежского областного управления НКВД в годы воронежской ссылки О.М. «**Дукельский С.С.**» (П.М. Нерлер), тем не менее, довольно подробно изложен его жизненный путь, вплоть до информации о том, что 14.6.1937 он «попал в автокатастрофу и после длительного лечения работал сотрудником для особых поручений при наркоме Н.И. Ежове» (с. 235, стб. 2)¹³². Затем следует подробное изложение трудовой биографии «героя», в нарушение определенных издательством хронологических границ продолжающееся вплоть до 1953 года, а завершается статья краткой мотивацией ее появления в МЭ: «Предположительно, именно Дукельскому звонил из телефона-автомата О.М. и читал ему свои стихи» (с. 235, стб. 2). Объяснить отсутствие библиографических указаний на любые источники подобного рода предположения, а также каких-либо авторских уточнений и комментариев к нему не представляется возможным; говорить о степени оправданности появления подобного «героя» в разделе персоналий энциклопедии не представляется необходимым.

---

¹³¹ См.: *Шиндин С.* Книга в биографии и художественном мировоззрении Мандельштама. II // Toronto Slavic Quarterly. 2016. № 56. С. 10–19.

¹³² Попутно можно отметить, что в начале второй половины мая того же года срок ссылки О.М. истек и он вернулся в Москву; см.: *Нерлер П.* Даты жизни и творчества [О. Мандельштам] // *Мандельштам О.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4: Письма / Сост. П. Нерлер, А. Никитаев, Ю. Фрейдин, С. Василенко. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1997. С. 467.

Дополнения к списку статей (на 1.10.2015)

Аверроэс
Адуев Н.А.
Александрова Н.И.
Алперс В.В.
Алушта
Анненский И.Ф.
Анреп Б.В.фон
Античность
«Арзамас»
Аристотель
Армения
Астрономия
Ауслендер С.А.
Бальзак О. де
Барбье О.
Белинский В.Г.
Белый Вал
«Березиль»
Блох Я.Н.
Блюменфельд Н.Г.
«Бублик»
Булавин М.А.
Бюро украинской печати
Бюффон Ж.
Вартанян М.Г.
Великая французская революция
Вермель Ю.М.
Верховский Ю.Н.
Византия
Владимирский С.И.
Вогак К.А.
Волконский С.М.
Волошина Е.О.
Волькенау Н.В.
Вольфсон М.Б.
Воронежский театр
Врангель П.Н.
«Всемирная литература»
«Звучащая раковина»
Всероссийское литературное общество
Всеукраинский литературный комитет
ГАБИМА
Гамбаров С.П.
Гастев А.К.
Гатов А.Б.
Гераклит
Германия
Гершенкройн Г.О.
Герцык А.К.
Гершуни Г.А.
Гете семья
Государственный институт истории искусств
Гиппиус Вас.В.
Гливенко И.И.
Глухов-Щуринский А.И.
Гнедов В.
«Голос жизни»
Гонкуры братья
Горбунов Н.П.
Городецкая А.А.
ГОСЕТ
Готика
Гофман В.В.
Гофман Э.Т.А.
Гоффеншефер
Графика книжная
Гроссман Л.П.
Грузия
Гюго В.

д'Арк Жанна
 да Винчи Л.
 Дарвин Ч.
 Декоративно-прикладное искусство
 Делакруа Э.
 Дельтейл Ж.
 Детгиз
 Диккенс Ч.
 Добужинский М.В.
 Долинов М.А.
 Дома ученых общежитие
 Домбаль Т.Ф.
 Древнерусская иконопись
 Дрейфус А.
 Дымшиц А.Л.
 Европа (социо-культурное образование)
 Естествознание
 Жуковский В.А.
 «За коммунистическое просвещение»
 Зайцев П.Н.
 «Звучащая раковина»
 Зелинский Ф.Ф.
 Зноско-Боровский Е.А.
 Зданевич И.М.
 Зубов В.П.
 Иванов Вс.И.
 Игнатъев И.
 Имя собственное
 Ионов И.И.
 Исаков С.Г.
 История
 Июльская революция 1830 года
 Казанович Е.П.
 Каменский Ю.А.
 Каммерер П.
 Каннегисер Л.И.
 Карамзин Н.М.
 Карпович М.М.
 Катулл
 «Квартира № 5»
 Клуб поэтов на Литейном проспекте
 Князев В.Г.
 Коллективизация
 Кондратьев А.А.
 Коперник Н.
 Короткова А.П.
 Костер Ш. де
 Краснушкин Е.К.
 Кржижановский С.Д.
 Кривич В.
 «Кружок поэтов» в СПбИмпУ
 Кругликова Е.С.
 Крылов И.А.
 Кузьмин-Караваев Д.В.
 Кузьмина-Караваева Е.Ю.
 Латвия
 Лаплас П.-С.
 Лафонтен Ж. де
 Линней К.
 «Лирический круг», объединение
 Ломинадзе В.В.
 Лопатинский Б.Л.
 Лубок
 Лурье В.И.
 Ляндау К.Ю.
 Мандельштам О. Стихотворения (1973)
 «Мандельштамоведы»:
 Бушман И.
 Гаспаров М.Л.
 Левин Ю.И.

Морозов А.А.
Пинский Л.Е.
Ронен О.
Семенко И.М.
Тарановский К.
Тоддес Е.А.
Математика
Мар С.Г.
Марр Н.Я.
Меркурьева В.А.
Миклашевский К.М.
Митрохин Д.И.
Моравская М.Л.
Мольер Ж.-Б.
Моравская М.Л.
Московский лингвистический кружок
«Московский цех поэтов»
Мравьян А.А.
Музеи
Мустамяки
Наппельбаум (Корнилова) Л.К.
Нельдихен С.Е.
Неоакмеизм
Неоклассицизм
Неофилологическое общество СПбУ
Нилендер В.Л.
Новинский А.А.
«Новый Гиперборей»
«Новый журнал для всех»
Нойман Ф. Г. Г.
Нумерология
Ньюэн Ай Как (Хо Ши Мин)
Оболенская Ю.Л.
Общество поэтов («Физа»
Общество ревнителей художественного
слова
Огнев Н.
Оксенов Инн.А.
Октябрьская революция 1917 года
Олимпов К.К.
ОПОЯЗ
«Орион» (Тифлис)
Осмеркина-Гальперина Е.К.
Осмеркин А.А.
Острогорский А.Я.
Отечественная война 1812 года
Отузы Верхние и Нижние
Паллас П.С.
Петроградская комиссия по эвакуации
«Петрополис»
Первая мировая война
Петников Г.П.
Платон
Подвойский Н.И.
Познер В.С.
Польша и / или Варшава
Попов А.А. (Ал. Вир)
Поэтическая Академия
Птолемей
Пудовкин В.И.
Пшавела В.
Рабинович И.М.
Радлов С.Э.
Радлов Н.Э.
Райвола
Раковская А.Г.
Революция 1905 года
Репин И.Е.
Рига

Рид М.	Тырса Н.А.
Рим	Тышлер А.Г.
Риттенберг С.	Тэффи Н.А.
Робеспьер М.М.И.	Уитмен У.
Роденбах Ж.	Фаворский В.А.
Рок Р.	Февральская революция 1917 года
Романо-германский кружок в СПбУ	Фидлер Ф.Ф.
Русско-японская война 1905 года	Физика
Руссо Ж.Ж.	Филология
Садовской Б.А.	Философов Д.В.
Санкт-Петербургский университет	Финляндия
Сарьян М.	Харламов И.П.
Седых А.	Химия
Серж (Кибальчич) В.Л.	Шенье А.
Синьяк П. (СШ)	Шкловский Вл.Б.
Скотт В. (СШ)	Шифрин Н.А.
Скульптура	Шишмарев В.Ф.
Смирнов А.А.	Шпет Г.Г.
Соколовский А.Л.	«Цех поэтов» первый
Старая Русса	«Цех поэтов» второй
Старо-французский эпос	«Цех поэтов» третий
Стендаль Ф.	Цыгальский А.В.
Сэнт-Оган Л.	Чапаев В.И.
Табидзе Т.	Чичерин Г.В.
Тагер Е.М.	Эллинизм
Тараховская Е.Я.	Эмоционализм
Театр обозрений Дома печати	Энгельгардт А.Н.
Тибулл	Эндер Б.В.
«Тифлисский цех поэтов»	Эрдман Н.Р.
«Товарищ Терентий»	Юнгер Е.В.
Тоде Г.Р.	Февральская революция 1917 года
«Тристан и Изольда»	Якулов Б.Ф.
Тронский И.М.	Яфетодология
Трубецкой Ю.П.	«International Journal of Slavic Linguistics and Poetics»
Тулли Дж.	

К творческой биографии Мандельштама

1. Поль Верлен

Верлен (Verlaine) Поль (30.3.1844, Мец – 8.1.1896, Париж), французский поэт-символист, чья популярность в России сформировалась в начале XX века во многом под влиянием переводов его стихотворений, выполненных И.Ф. Анненским, Б.К. Лившицем, Б.Л. Пастернаком, Ф. Сологубом и другими представителями «новой литературы» того времени.

Глубокий и разносторонний интерес О.М. к творчеству Верлена сформировался очень рано, его начало относится к середине 1900-х годов; в биографической справке, составленной Д.С. Усовым со слов самого О.М. и позднее одобренной им, сообщалось: «В 1907 совершил 1-е путешествие в Париж, к тому же времени относится поворот к модернизму, сильное увлечение Бодлером и особенно Верленом»¹³³. По мемуарному свидетельству М.М. Карповича, в конце 1907 – первой половине 1908 годов в Париже О.М. с увлечением декламировал ему «лирические стихи Верлена»¹³⁴. Не исключено, что в Киеве 1.5.1919, в день знакомства с Н.Я. Мандельштам, поэт кроме собственных стихотворений читал и верленовские¹³⁵. По свидетельству самой Н.Я. Мандельштам, в начале 1930-х годов О.М., пытаясь частично восстановить свою библиотеку, приобрел и сочинения Верлена¹³⁶; сборник его стихов «Романсы без слов» (б. м., б. г.) на французском языке хранился в личной библиотеке поэта¹³⁷. По воспоминаниям В.Л. Меркулова (возможно, имеющим легендарную основу), Верлен был в числе авторов, чьи стихи О.М., находясь в октябре – декабре 1938 года в заключении во

---

¹³³ Писатели современной эпохи: Био-библиографический словарь русских писателей XX в. Т. 1 / Под ред. Б.П. Козьмина / 2-е изд. – М.: ДЭМ, 1991. С. 178.

¹³⁴ Карпович М. Мое знакомство с Мандельштамом // Осип Мандельштам и его время / Сост., коммент. В. Крейд и Е. Нечепорук. – М.: L'Age d'Homme – Наш дом, 1995. С. 41.

¹³⁵ Ср.: Дейч А. Две дневниковые записи / Публ. Е. Дейча // Сохрани мою речь. Вып. 3. Ч. 2: Воспоминания. Материалы к биографии. Современники. – М.: РГГУ, 2000. С. 145.

¹³⁶ См.: Мандельштам Н. Воспоминания. С. 329.

¹³⁷ См.: Фрейдлин Ю.Л. «Остаток книги»: Библиотека О.Э. Мандельштама // Слово и судьба. Осип Мандельштам: Исследования и материалы. – М.: Наука, 1991. С. 234.

Владивостокском пересыльном лагере, читал вслух в оригинале своим новым знакомым¹³⁸.

Уже в одном из первых дошедших мандельштамовских текстов – стихотворении 1908 года «В непринужденности творящего обмена...» – задан риторический вопрос, который можно рассматривать как «сокращенный» авторский вариант *arg poetica*: *Суровость Тютчева – с ребячеством Верлена – / Скажите – кто бы мог искусно сочетать, / Соединению придав свою печать?* (1, 33). В этот же период, 27.4.1908 в письме В.В. Гиппиусу из Парижа О.М., очевидно, упоминает о написанной им статье, посвященной Верлену, и высказывает более чем характерологическое предположение: *вам будет понятно мое увлечение музыкой жизни, которую я нашел у некоторых французских поэтов* (4, 12). В кратком, но содержательном письме В.И. Иванову 17.12.1909, где речь идет о специфике ритмической организации поэтического текста (стихотворения «На темном небе, как узор...» того же года), присутствует скрытое упоминание Верлена в форме отсылки к названию его сборника стихов «Романсы без слов»: *Это стихотворение – хотело бы быть «romance sans paroles»<...> – т.е. интимно-лирическое, личное* (4, 18)¹³⁹. С середины 1910-х годов, в акмеистический период, Верлен становится устойчивым элементом мандельштамовской системы культурных ценностей, проецируемых в экзистенциальный и художественный планы, что находит и ироническую форму выражения в типичной «жанровой сценке» стихотворения «Старик» («Уже светло, поет сирена...», 1913, 1937): *Старик, похожий на Верлена, / Теперь твоя пора!* (1, 86)¹⁴⁰. С именем французского поэта связывали творчество О.М. современники: прямо – Н.С. Гумилев в рецензии на второе издание «Камня», и опосредованно, методом отрицания – С.М. Городецкий в рецензии на первое издание¹⁴¹. В таком контексте симптоматичным представляется перевод «общепоэтического» образа Верлена в ироническую «иерархию» при характеристике Гумилева в шуточном стихотворении 1915 года: *Забыл о бесхарактерном Верлене / И Теофиля принял в сонм богов* (1, 160). В известном смысле, в сниженном статусе

---

¹³⁸ См.: *Нерлер П.*: Слово и «Дело» Осипа Мандельштама: Книга доносов, допросов и обвинительных заключений. С. 141; Осип Мандельштам и его солагерники. – М.: АСТ, 2015. С. 264.

¹³⁹ См.: *Мец А.Г.* Комментарий // *Мандельштам О. Камень* / Изд. подгот. Л.Я. Гинзбург, А.Г. Мец, С.В. Василенко, Ю.Л. Фрейдин. – Л.: Наука, 1990. С. 345.

¹⁴⁰ См., напр.: *Goldberg S.* Mandelstam, Blok, and the boundaries of mythopoetic symbolism. – Columbus: The Ohio State University Press, 2011. P. 101–105; подробная библиография публикаций об этом тексте приведена в: *Лекманов О.А. и др.* Комментарий // *Мандельштам О.Э. Собрание стихотворений 1906–1937* / Сост. О.А. Лекманова, М.А. Амелина, коммент. и библиогр. О.А. Лекманова, Е.А. Глуховской, А.А. Чабан. – М., 2017. С. 333.

¹⁴¹ См.: Рецензии на «Камень» // *Мандельштам О. Камень* / Изд. подгот. Л.Я. Гинзбург, А.Г. Мец, С.В. Василенко, Ю.Л. Фрейдин. – Л.: Наука, 1990. С. 220–221, 214–215.

фигурирует первая строка верленовского стихотворения «Серенада», используемая О.М. в качестве эпиграфа к стихотворению «Я скажу тебе с последней...» (1931) с его такой же шутливой тональностью¹⁴².

В ранней прозе О.М. имя Верлена присутствует в его историко-литературной «ипостаси» – уже в статье «Франсуа Виллон» (1910 (1912?), 1927) он уподоблен Вийону в качестве его своеобразного «возвращения»: по мандельштамовскому определению, *биографии поэтов связывает почти одинаковая миссия в современной им литературе. Обоим суждено выступить в эпоху искусственной, оранжерейной поэзии (1, 169)*, – и авторы рассматриваются как разрушители этих стереотипов¹⁴³. По словам О.М., если бы Вийон *в состоянии был бы дать свое поэтическое credo*, он воспользовался бы верленовской формулой: *«Движение – прежде всего!» (1, 174)*, – что, как было отмечено О.А. Лекмановым¹⁴⁴, может восходить к данной Гумилевым в рецензии 1912 года близкой характеристике: «Верлен является прямым продолжателем столь дорогого романтикам Вийона»¹⁴⁵. И в более поздний период О.М. продолжает рассматривать поэзию Верлена как специфический и результативный тип отношения к художественному творчеству. В программной для него статье «Слово и культура» (1921) автор возвращается к семантическому ореолу фигуры Верлена, отмечая: *Синтетический поэт современности представляется мне <...> каким-то Вэрленом культуры. <...> В нем поют идеи, научные системы, государственные теории (2, 216)*; там же (с. 215–216) О.М. прямо цитирует строки нескольких верленовских стихотворений, в том числе и в форме собственной контаминации. Другая цитата из поэзии Верлена имплицирована в статье «Девятнадцатый век» (1922); комбинированная цитата из двух верленовских стихотворений завершает и статью «Слово и культура»¹⁴⁶, вводя актуальный для мировоззрения О.М. образ песенки как метафорического эквивалента художественного, поэтического текста, что сохраняется

---

¹⁴² См.: *Мандельштам О.* Стихотворения / 2-е изд. Сост., подгот. текста и примеч. Н.И. Харджиева. – Л.: Советский писатель, 1978. С. 152. В развитие этой темы см.: *Мусатов В.В.* Лирика О. Мандельштама. С. 354.

¹⁴³ Ср.: *Goldberg S.* Mandelstam, Blok, and the boundaries of mythopoetic symbolism. P. 4.

¹⁴⁴ См.: *Лекманов О.А.* «То, что верно об одном поэте, верно обо всех» (вокруг античных стихотворений Мандельштама) // *Мандельштам и античность: Сборник статей.* – М.: Радикс, 1995. С. 152; там же (с. 142–146) рассматривается ряд присутствующих в мандельштамовской поэзии параллелей со стихотворением Верлена «Вечерние раздумья», вошедшим в его сборник «Любовь» (1888).

¹⁴⁵ *Гумилев Н.С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 7: Статьи о литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии / Подгот. текстов и примеч. М. Баскера и др. – М.: Воскресенье, 2006. С. 116.

¹⁴⁶ Оба случая отмечены комментатором публикации: *Нерлер П.* Примечания // *Мандельштам О.* Слово и культура. – М.: Советский писатель, 1987. С. 287, 43.

на протяжении всего мандельштамовского творчества¹⁴⁷. В частности, именно в связи с фигурой Верлена этот образ повторится в «Заметках о Шенье» (1922) когда, по определению О.М., его «иронической песенкой» *романтическая поэзия утверждает поэтику неожиданности* (2, 278). В пятой главе «Разговоре о Данте» (1933) Верлен отнесен к числу авторов, близких в европейской поэзии художественному методу Данте Алигьери.

Непосредственно с творчеством Верлена в мандельштамовском мире связан ряд интертекстуальных моделей. Уже Гумилев в своей рецензии на второе издание «Камня» определил «программное» стихотворение О.М. «Silentium» («Она еще не родилась...»; 1910, 1935) как «смелое договаривание верленовского “L’art poétique”»¹⁴⁸. По предположению А.Г. Меца, стихотворения «Довольно лукавить: я знаю...» и, возможно, «Дождик ласковый, мелкий и тонкий...» (оба – 1911) также одержат реминисценции из «Silence» Верлена¹⁴⁹. Реконструкция системы сложных структурно-семантических связей поэзии О.М. с парадоксальным набором авторов (Овидий, Вийон, Пушкин, Анненский), строящаяся прежде всего на сопоставлении мандельштамовского стихотворения «С веселым ржанием пасутся табуны...» (1915) с верленовскими «Вечерними раздумьями», была предложена О.А. Лекмановым¹⁵⁰.

Литература: *Лекманов О.А.* «То, что верно об одном поэте, верно обо всех». О стихотворении Мандельштама «С веселым ржанием пасутся табуны...» // *Лекманов О.А.* Книга об акмеизме и другие работы. – Томск: Водолей, 2000. С. 526–530, 689–690; *Сурат И.* Откуда «ворованный воздух»? // *Новый мир.* 2016. № 8.

2. Издательство «Всемирная литература»*

«Всемирная литература» – издательство, основанное в 1918 году в Петрограде М. Горьким, А.Н. Тихоновым и И.П. Ладыжниковым при Наркомпросе РСФСР с целью перевода зарубежной литературы на русский язык и последующего ее издания. С сентября 1918 года редакция помещалась на Невском проспекте, дом 64, с начала

---

¹⁴⁷ Ср., напр.: *Ронен О.* Заумь за пределами авангарда // *Ронен О.* Поэтика Осипа Мандельштама. – СПб: Гиперион., 2002. С. 86.

¹⁴⁸ Рецензии на «Камень». С. 221.

¹⁴⁹ См.: *Мец А.Г.* Комментарий. С. 324.

¹⁵⁰ См.: *Лекманов О.А.* «То, что верно об одном поэте, верно обо всех» (вокруг античных стихотворений Мандельштама). С. 142–146.

* Выступающий в качестве основы текст энциклопедической статьи несколько расширен и дополнен фактографическими и библиографическими материалами, а также разнообразными свидетельствами современников.

1919 – на Моховой улице, дом 36; там же находилась обширная библиотека иностранной художественной литературы (которая в 1922 году была передана в Публичную библиотеку), а типография располагалась на Лиговском проспекте, дом 34. В конце 1924 года «Всемирная литература» вошла в состав Ленинградского отделения Госиздата (Ленгиз). Руководителем являлся Тихонов, среди сотрудничавших с издательством литераторов были А.А. Блок, М.Л. Лозинский, Е.И. Замятин, К.И. Чуковский, В.К. Шилейко и др. С 28.6.1919 при «Всемирной литературе» начала свою работу организованная Тихоновым и Чуковским Студия художественного перевода, располагавшаяся в «Доме Мурузи» (Литейный проспект, дом 24)¹⁵¹, о чем один из современников позднее вспоминал: «В Студии собралось человек сорок молодежи; руководителями ее выступили члены редакционной коллегии “Всемирной литературы”: новеллист Евгений Замятин, хороший знаток русского языка; критик Корней Чуковский, филологи Лозинский, Шилейко, Шкловский и талантливый поэт Николай Гумилев»¹⁵².

Созданное при участии Горького, издательство по-разному воспринималось представителями культурной среды, но большинство из них хорошо осознавало «культуртрегерскую» направленность его деятельности: «Цель этого предприятия была грандиозной: проверить или исправить все переводы в стихах и в прозе, начиная с первых попыток и до наших дней, прибавляя к ним новые переводы согласно плану, который требовал бы, если бы он действительно осуществился, постоянной работы лучших русских ученых и писателей в течение нескольких веков. Этот фантастический проект, задуманный Горьким, имел для элиты русской интеллигенции двойную выгоду: лишняя паек и благородную работу»¹⁵³. В противоположность этому, радикально настроенная часть творческой интеллигенции расценивала подобные организации как своего рода политическую ловушку: «“Дом ученых”, “Дом искусств”, “Всемирная литература” – содействуют <...> одной цели: срывать забастовку интеллигенции и литературный саботаж. Нашу пывать в литературной среде слабость, хилость, неустойчивость, которые <...> пойдут на компромиссы с торжествующей политической истерией»¹⁵⁴. Сам О.М. в 1929 году иронически выразил свою ретроспективную оценку

---

¹⁵¹ См.: Чуковский К. Зоценко // Чуковский К. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 5: Современники. Приложение / Сост. и коммент. Е. Чуковской. – 2-е изд., электронное, испр. – М.: Агентство ФТМ, Лтд., 2012. С. 376–391.

¹⁵² Горький М. Группа «Серапионовы братья» // Литературное наследство. Т. 70: Горький и советские писатели. Неизданная переписка / Ред. И.С. Зильберштейн и Е.Б. Тагер. – М.: Издательство АН СССР, 1963. С. 561.

¹⁵³ Оцун Н. Николай Гумилев: Жизнь и творчество / Пер. с франц. Л. Аллена при участии С. Носова. – СПб.: Logos, 1995. С. 128.

¹⁵⁴ Амфитеатров А.В. Дом Литераторов в Петрограде 1919–1921 гг. / Публ. А.Г. Виноградова // Встречи с

в статье «О переводах»: *«Всемирная Литература»*, детище Горького, двоюродная бабушка ЦЕКУБУ. <...> Впрочем, кое-кто и сейчас мечтает о Ренессансе «великолепия» «Всемирной» (2, 517). Вместе с тем, из ближайшего мандельштамовского окружения с «Всемирной литературой» активно сотрудничал Н.С. Гумилев, придававший этому статус проявления определенной гражданской позиции¹⁵⁵. В неопубликованном ответе на оскорбительный выпад Д.С. Мережковского в адрес этого начинания он, в частности, отмечал: «“Всемирная литература” – издательство не политическое <...> в коллегии экспертов <...> есть люди самых разных убеждений <...>. Однако все они сходятся на убеждении, что в наше трудное и страшное время спасенье духовной культуры страны возможно только путем работы каждого в той области, которую он свободно избрал себе прежде»¹⁵⁶. Вне прямого политизированного контекста Гумилев отстаивал деятельность «Всемирной литературы» и после печатного упрека издательства С.М. Городецким в уходе от нужд современности¹⁵⁷.

По мемуарному свидетельству Г.В. Иванова, присутствующему в его полемической заметке «Ответ г.г. Струве и Филиппову» (Новый журнал. 1956. № 45) известно о несостоявшемся мандельштамовском сотрудничестве с «Всемирной литературой»: «Когда зимой 1920 года Мандельштам вернулся в Петербург, ему, естественно, сейчас же предложили заняться стихотворными переводами для горьковской “Всемирной литературы”. Переводами в те голодные годы кормились решительно все поэты. Но тут неожиданно выяснилось, что Мандельштам, несмотря на свой огромный талант, лишен самой элементарной способности рифмованно передавать чужое. Ни уроки общепризнанного мастера переводов М.Л. Лозинского, ни советы и помощь Гумилева не привели ни к чему. Справиться с работой, легко исполнявшейся учениками-студентами, он так и не смог. И, несмотря на то, что членами коллегии были его ближайшие друзья, ни один из переводных опытов

прошлым. Вып. 8. – М.: Русская книга, 1996. С. 148.

¹⁵⁵ Подробнее см.: *Мартынов И.Ф.* Гумилев и «Всемирная литература» // *Wiener Slawistischer Almanach*. 1984. Sonderband 15; в приложении к публикации указаны гумилевские переводы, выполненные, в частности, и для этого издательства.

¹⁵⁶ *Гумилев Н.С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 7: Статьи о литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии / Подгот. текстов и примеч. М. Баскера и др. – М.: Воскресенье, 2006. С. 219. Черновой вариант этого письма был оставлен Гумилевым в «Чукоккале»; см.: *Чуковский К.* Гумилев // *Чуковский К.* Собрание сочинений: В 15 т. Т. 5: Современники. Приложение / Сост. и коммент. Е. Чуковской. – 2-е изд., электронное, испр. – М.: Агентство ФТМ, Лтд., 2012. С. 445–446. Об этом эпизоде биографии поэта см. также: *Левинсон А.* Блаженны мертвые // *Николай Гумилев в воспоминаниях современников* / Ред.-сост., коммент. В. Крейд. – Париж; Нью-Йорк: Голубой всадник; Дюссельдорф: Третья волна, 1989. С. 219–220.

¹⁵⁷ См.: *Тименчик Р.Д.* Примечания // *Гумилев Н.* Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3: Письма о русской поэзии / Подгот. текста, примеч. Р.Д. Тименчика. – М.: Художественная литература, 1991. С. 336.

Мандельштама не был принят»¹⁵⁸. Отношения поэта с издательством стали формироваться, вероятно, с середины 1922 года; в письме брату Е.Э. Мандельштаму 11.12.1922 он писал: *Я взял во «Всемирной» перевести драму за 3 миллиарда (4, 30)*; очевидно, речь, идет о пьесе в стихах Жюль Ромена «Кромдейр-старый», вышедшей только в 1925 году в Ленгизе. В начале 1923 года О.М. передал во «Всемирную литературу» законченный еще в ноябре 1921 года перевод поэмы (эпического сказа) В. Пшавела «Гоготур и Апшина», но он появился только в журнальной публикации¹⁵⁹. В результате этого взаимоотношения О. М. с издательством не привели к появлению его публикаций, следствием чего, видимо, и является комментарий Н.Я. Мандельштам: «Во “Всемирной” не работал»¹⁶⁰. Именно в этот период издательство в неявной форме было упомянуто в иронически звучащем финале мандельштамовской статьи «Литературная Москва» (1922): *Смешно говорить о московской литературе, так же точно, как и о всемирной. Первая существует только в воображении обозревателя, так же как вторая – только в названии почтенного петербургского издательства (2, 260)*; ср. в шуточном стихотворении «Баллада о горlinkах» (1924): *С лица Всемирки-Современки / Не воду пьем, не воду пьем! (2, 82)*.

В целом реальная деятельность «Всемирной литературы», в отличие от других аналогичных организаций, нашла в мандельштамовской прозе художественное отражение, в котором явно прослеживаются личностные коннотации. Развернутый фрагмент, посвященный издательству, содержится в статье «Жак родился и умер!» (1926), при этом обращает на себя внимание его сдержанно-негативная, саркастически направленная оценка: *Годунов, когда в Москве был мор, велел строить Сухареву башню. И безработным семнадцатого века, верно, кстати пришелся государев паек и медная гривна. – «Всемирная литература» – Сухарева башня голодных интеллигентов девятнадцатого года. <...> По линии наименьшего сопротивления: туда, где дают. Застрекотали пишущие машинки, заскрипели перья» (2, 444)*. Прямым следствием данной формулировки стала проекция личного опыта О.М. на несостоятельность издательства в целом: *Не знаю – добром ли тебя помянуть или предать проклятью? Чуть ли не на велевой бумаге, с именной грандиозной роскошью отпечатаны были одни имена авторов мирового Пантеона, подлежащих переводу. В закромах «Всемирной» было скудное зерно: его расклевывали, и до потолка набухали кипы*

¹⁵⁸ Иванов Г. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3: Мемуары. Литературная критика. С. 630–631.

¹⁵⁹ См.: Нерлер П., Никитаев А. Комментарии // Мандельштам О. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2: Стихи и проза. 1921–1929 / Сост. П. Нерлер, А. Никитаев. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993. С. 610–611.

¹⁶⁰ «Любил, но изредка чуть-чуть изменял»: Заметки Н.Я. Мандельштам на полях американского «Собрания сочинений» Мандельштама. С. 184.

ненапечатанных рукописей (2, 444)»; почти дословно эта оценка повторяется в статье «О переводах»: На веленовой бумаге был отпечатан каталог всех мировых авторов и имена постепенно крылись русскими фишками. Своеобразное лото! (2, 517). Очевидно, что О.М. совершенно отчетливо осознавал причину несостоятельности «Всемирной литературы», где никто не спрашивал себя – захочется ли ему переводить Стендаля и захочет ли кто-нибудь читать его перевод. Вертелись буддийские мельницы, листы подсчитывала бухгалтерия (2, 444).

Литература: *Оцуп Н.* «Всемирная литература» и Роза // *Оцуп Н.* Океан времени. – СПб.: Logos; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993.

Указатели: Каталог издательства «Всемирная литература». – П., 1919; Каталог издательства «Всемирная литература»: Литература Востока. – П., 1919; «Всемирная литература»: Каталог книг. – М.; Л., 1927.

3. Михаил Долинов

Михаил Анатольевич Долинов¹⁶¹ (25.7.1892, Одесса – 20.10.1936, Париж) – поэт, журналист и театральный деятель. С начала 1910-х годов принимал самое активное участие в литературной жизни Санкт-Петербурга: сотрудничал в журналах «Аргус», «Лукоморье», «Новый Сатирикон» и других периодических изданиях, тогда же входил в ближайшее окружение одного из самых последовательных противников акмеизма Б.А. Садовского, в частности, был членом редакционной коллегии несостоявшегося альманаха «Галатей» (1913), получившего широкий общественный резонанс¹⁶². В 1911 году Долинов совместно со своим ближайшим другом А.А. Конге, участником первого «Цеха поэтов»¹⁶³, выпустил книгу стихов «Пленные голоса», в 1915 – индивидуальный поэтический сборник «Радуга. Элегии, идиллии, буколики, оды и мадригалы». На оба издания рецензиями отозвался Гумилев (Аполлон. 1911. № 10; 1915. № 10), согласно формулировке которого, у Долинова «есть предвзятая мысль – писать, как писали французские поэты XVIII века и их русские эпигоны. <...> М. Долинов бесспорно

---

¹⁶¹ Настоящая фамилия довольно близкого, как можно предполагать, знакомого О.М. – Котляр, а «Долинов» – сценический псевдоним его отца, известного театрального актера и режиссера А.И. Котляра, которому вместе с семьей в октябре 1910 года ««высочайше» было разрешено «именоваться впредь по фамилии Долинов»» (*Тименчик Р.Д.* Долинов М.А. // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 2: Г – К / Гл. ред. П.А. Николаев. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1992. С. 154, стб. 1).

¹⁶² См., напр.: *Лекманов О.А.* О «Цехе поэтов» // *Лекманов О.А.* Книга об акмеизме и другие работы. – Томск: Водолей, 2000. С. 27, 613.

¹⁶³ см.: *Лекманов О.А.* О «Цехе поэтов». С. 21.

культурен, умеет писать стихи, но <...> в этом море промахов тонут действительно удачные строфы, показывающие, что не поэтом назвать Долинова нельзя»¹⁶⁴. Сам автор в середине 1910-х годов был близок кругу «Цеха поэтов» и, по свидетельству О.Н. Арбениной, с исключительной симпатией относился к старшему поэту¹⁶⁵. В начале 1920-х годов Долинов эмигрировал в Берлин, а в 1923 переехал в Париж, где принимал участие в различных театральном проектах и там же стал членом Союза русских писателей и журналистов.

Знакомство О.М. и Долинова могло состояться самом начале 1910-х годов, когда оба обучались в Санкт-Петербургском университете: первый из них – на историко-филологическом факультете, второй – на юридическом. С уверенности можно утверждать об их активном общении именно в первой половине 1910-х годов, в частности, в артистическом кабаре «Бродячая собака», на первом вечере которого, прошедшем 13.01.1912 и посвященном чествованию 25-летия поэтической деятельности К.Д. Бальмонта, оба выступали с чтением стихов¹⁶⁶. 19.12.1912 там же предполагалось (и, очевидно, состоялось) участие О.М. в обсуждении доклада С.М. Городецкого «Символизм и акмеизм»¹⁶⁷; известно, что в прениях выступал и Долинов¹⁶⁸. 7.12.1913 оба поэта присутствовали в концертном зале Тенишевского училища на ставшей широко известной и отраженной в многочисленных откликах современников и мемуарных свидетельствах лекции В. Пяста «Поэзия вне групп»¹⁶⁹. Являясь участниками объединения «Общество поэтов» («Физа»), 23.1.1914 они, вероятно, присутствовали на прозвучавшем на его заседании докладе Вяч.И. Иванова о поэзии Алкея и Сапфо; провинциальное издание так охарактеризовало это событие: «Недавно, проездом из Москвы, Вячеслав Иванов, кроме своей официальной

---

¹⁶⁴ Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 7: Статьи о литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии / Подгот. текстов и прим. М. Баскера и др. – М.: Воскресение, 2006. С. 186.

¹⁶⁵ См.: Гильдебрандт-Арбенина О.Н. Гумилев // Гильдебрандт-Арбенина О. «Девочка, катящая серсо...»: Мемуарные записи. Дневники / Сост. А. Дмитриенко. – М.: Молодая гвардия, 2007. С. 107.

¹⁶⁶ См.: Парнис А.Е., Тименчик Р.Д. Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. – Л.: Наука, 1985. С. 180–81; отчет об этом собрании под более чем прозрачным псевдонимом оставил и сам Долинов: *Цеховой поэт <М. Долинов>*. «Бродячая собака» о Бальмонте // Обзорение театров. 1912. 18 янв. С. 13; см.: Акмеизм в критике. 1913–1917 / Сост. О. А. Лекманова и А. А. Чабан; примеч. О. А. Лекманова. – СПб.: Издательство Тимофея Маркова, 2014. С. 27.

¹⁶⁷ См.: Парнис А.Е., Тименчик Р.Д. Программы «Бродячей собаки». С. 201.

¹⁶⁸ См.: Л. [Рабинович И.Я.] Символизм и акмеизм // Русская молва. 1912. № 14. 22 дек. С. 5; И.К. [Клейнершейхет И. С. (?)] Символизм и акмеизм (Лекция Сергея Городецкого в подвале «Бродячей Собаки») // Речь. 1912. № 353. 24 дек. С. 2; републикация этих откликов содержится в неоднократно упоминавшейся «антологии»: Акмеизм в критике. 1913–1917 / Сост. О. А. Лекманова и А. А. Чабан; примеч. О. А. Лекманова. С. 68, 73.

¹⁶⁹ Подробнее о данном факте см.: Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама. С. 70–72.

публичной лекции об “искусстве” сделал доклад в “Обществе поэтов”, так называемой “Физе”. <...> В состав общества входят: А. Блок, Анна Ахматова, Вл. Пяст, М. Долинов, Георгий Иванов, О. Мандельштам и др. В этом обществе Вяч. Иванов прочел доклад об Алкее и Саффо и читал сохранившиеся от них стихи в своих безукоризненных и певучих переводах»¹⁷⁰. Летом-осенью 1914 года поэты регулярно бывали в гостях у В.В. Алперс в период ее увлечения Долиновым, который в 1915 году в течение нескольких месяцев был ее мужем. 14.8.1914 она записала в дневнике: «Только что разошлась компания, были: все Бонди, Долинов, Мандельштам», – а 17.11.1914 оставила более развернутое свидетельство: «У нас были Долинов и Мандельштам. <...> Я играла сегодня Баха – скверно. <...> Шумана довольно хорошо, а зато этюд Шопена очень хорошо. Долинов говорил, что это “Chef d’oeuvre” <шедевр (франц.)>, что я замечательный талант, Мандельштам говорил, что лучше сыграть – невозможно»¹⁷¹.

Именно из письма Долинова, отправленного 21.10.1914 Садовскому, стало известно о состоявшемся у Н.А. Бруни заседании «Цеха поэтов» (первая половина октября 1914?), на котором из-за отсутствия Гумилева, находившегося в тот момент на фронте, О.М. был выбран «временным синдиком» объединения: «Городецкого пригласили, не предупредив. Он обиделся и прислал Бруни записку: “Милый Коля, ты можешь приглашать к себе в гости кого хочешь, но это не будет цех” – и не пришел. Цеховики всё же собрались и объявили цех открытым, а синдиком временно был

---

¹⁷⁰ Т. Ш<енфельд>. Письма из Петербурга. II // Музы [Киев]. 1914. № 4. 15 февр. С. 9; цит. по: Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама. С. 74; ср.: Шруба М. Общество поэтов (Новое общество поэтов, «ФИЗА») // Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 154. – Как известно, стихотворение О.М. «Черепаша» («На каменных отрогах Пиэрии...», 1919) обнаруживает целый ряд содержательных параллелей переводам стихов Саффо, выполненным Вяч. Ивановым и составившим сборник: Алкей и Сафо. Песни и лирические отрывки / Пер., вступ. ст. Вяч. Иванова. – М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1914, – что становилось предметом специальных исследований К. Тарановского, Г.А. Левинтона и др.; несколько подробнее об этом говорится в статье О.А. Лекманова и С.Г. Шиндина «Саффо» в рецензируемом издании (с. 429–430); самый широкий контекст восприятия ивановских переводов современниками рассмотрен в исследовании: Ланно-Данилевский К.Ю. «Алкей и Сафо» Вяч. Иванова в рецепции современников (Кузмин, Ходасевич и др.) // Михаил Кузмин: Литературная судьба и художественная среда. – СПб.: Реноме, 2015. В свою очередь, М.Л. Гаспаров, рассматривая примеры использования саффических строф в поэзии начала XX века, так охарактеризовал стихотворение Долинова «Я, купаясь в горном источнике...» (1915): «Это не саффические строфы: длинные строки в них построены не по-саффически, ритмически расшатаны и даже не выдерживают единого ритма (только в двух длинных строках он одинаков – в каких?). Но последний стих каждой строфы точно воспроизводит ритм адония и своей краткостью контрастирует с предыдущими, – этого достаточно, чтобы общими очертаниями эти четверостишия напоминали саффические строфы и сохраняли ассоциации с античными темами и стилем. Такие формы могут быть названы “дериватами” (“производными”) саффических строф» (Гаспаров М.Л. Русский стих начала XX века в комментариях / 2-изд., доп. – М.: Фортуна Лимитед, 2001. С. 132–133).

¹⁷¹ Цит. по: Степанов Е. Поэт на войне: Николай Гумилев. 1914–1918. – М.: Прогресс-Плеяда, 2014. С. 47.

избран Мандельштам». Там же рассказывалось о последовавшем за этим происшествием конфликте между О.М. и Городецким: «Следующее собрание состоялось у Ахматовой. М<андельшта>м председательствует. Вдруг является Городецкий. Пошла перепалка, во время которой и М<андельшта>м и Г<ородецкий> наговорили друг другу массу дерзостей и расстались врагами»¹⁷². В самом конце этого года поэты могли встречаться у М.А. Кузмина: О.М., например, посетил его 17.10.1914, а Долинов – 20.10.1914, причем общение последнего со старшим поэтом в этот период было более чем интенсивным¹⁷³.

В 1915–1916 годах О.М. и Долинов могли неоднократно встречаться еще в одном художественном объединении: «осенью 1915 г. по инициативе <...> Ю.Л. Слезкина, Б.А. Садовского и М.А. Долинова было решено создать литературно-артистический клуб под названием “Медный всадник”. <...> В правление клуба вошли: К.И. Арабажин (председатель), С.М. Городецкий, Н.С. Гумилев (казначей), М.А. Долинов, С.С. Прокофьев, Б.А. Садовской (секретарь) и Ю.Л. Слезкин (товарищ председателя)»¹⁷⁴. Вероятно, 15.4.1916 поэты принимали участие в проходившем в Тенишевском училище «Вечере современной поэзии и музыки»¹⁷⁵. Позднее оба, возможно, сотрудничали в Наркомпросе в Москве и, в частности, 29.11.1918 участвовали в заседании коллегии отдела реформы школы¹⁷⁶; в тот же период О.М.,

---

¹⁷² Цит. по: Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама. С. 81–82; ср.: *Тименчик Р.Д.* О трудах и днях Ахматовой // Новое литературное обозрение. 1998. № 29. С. 421.

¹⁷³ См.: *Кузмин М.А.* Дневник 1908-1915 / Подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2005. С. 487, 488 и др. (по им. ук.).

¹⁷⁴ *Шруба М.* «Медный всадник» // *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 115–116. – Попутно необходимо отметить явную неточность, присутствующую в данном источнике, где автор, в частности, пишет: «В заседаниях наряду с артистами, музыкантами и композиторами участвовали многочисленные писатели разных направлений и поколений. В воспоминаниях Рубанова, исполнявшего обязанности секретаря клуба, в числе посетителей названы <...> А.А. Ахматова, <...> С.М. Городецкий, <...> Н.С. Гумилев, М.А. Долинов, Г.В. Иванов, <...> М.А. Кузмин, <...> О.Э. Мандельштам». В действительности мемуарное свидетельство, на которое автор ссылается, выглядит несколько иначе и не носит явного утвердительного характера: «Активные члены клуба, с которыми мне часто приходилось непосредственно сталкиваться, порой бывать по делам клуба у них на дому, запомнились мне хорошо. Но были и такие, которых я знал отдаленно: они редко посещали вечера клуба. Например, из часто упоминаемых помню <...> Ахматову, Гумилева <...>, но вспомнить их ясно, положительно не могу. Пожалуй, Гумилев был уже на военной службе, а остальные, видимо, не были частыми гостями в клубе. <...> Пришлось как-то посетить по делам клуба на его квартире, насколько помню, на Каменноостровском проспекте, Осипа Мандельштама, но и его не запомнил» (*Рубанов Л.* Клуб «Медный всадник» // Воспоминания о серебряном веке / Сост. и коммент. В. Крейда. – М., Республика, 1993. С. 468).

¹⁷⁵ См.: Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама. С. 103.

¹⁷⁶ См.: ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 6. Ед. хр. 4. Л. 258; см.: *Компелев Н.В.* Три заметки к летописи жизни и творчества Осипа Мандельштама // «Сохрани мою речь...»: Мандельштамовский альманах. Вып. 6. Ч. 1 (в печати).

заведовавший подотделом эстетического воспитания, среди предполагаемых к переизданию книг назвал монографию А.И. Долинова (отца своего знакомого «однофамильца») «Практическое руководство к художественному чтению» (Пг., 1916)¹⁷⁷.

Сохранилось первое издание мандельштамовского сборника стихов «Камень» (1913) с немногочисленными маргиналиями Долинова в тексте; в частности, на странице 31 им записано: «Книга слаба, ждал гораздо большего, для Мандельштама это крах» (частное собрание).

---

¹⁷⁷ См.: *Нерлер П.* «Москва, сестра моя...»: Мандельштам и Москва // *Нерлер П.* *Соп amore: Этюды о Мандельштаме.* – М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 387. – Насколько можно судить, тогда же Долинов принимал участие в работе издательского товарищества Союза деятелей литературы; о его возможных в этой связи контактах с О.М. ничего не известно, но сохранилось свидетельство, позволяющее допускать вероятные встречи с Гумилевым; так, 13.3.1919 оба принимали участие в заседании редакционной коллегии, состоявшейся в помещении «Всемирной литературы»; см.: *Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников.* Библиография. Т. 1. Ч. 1: Москва и Петроград. 1917–1920. С. 367.

